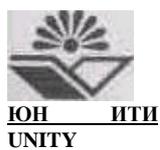


V.F. Orlova

Forensic Handwriting Diagnostics



Law & Legislation • Moscow • 2006

В.Ф. Орлова

**Судебно-
почерковедческая
диагностика**

*Рекомендовано к изданию Учебно-
методическим центром «Профессиональный
учебник» в качестве учебного пособия для
студентов высших учебных заведений*

Закон и право • Москва • 2006

УДК 343.982.43
ББК 67.52 066

Главный редактор издательства кандидат юридических наук, доктор
экономических наук *Н.Д. Эриашвили*

Орлова, Валерия Федоровна.
066 Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие для студентов вузов /
В.Ф. Орлова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. — 160 с.
ISBN 5-238-01033-8

Агентство СІР РГБ

Судебно-почерковедческая диагностика — одна из сложнейших, но **весьма актуальных** проблем судебного почерковедения. Впервые в криминалистической литературе системно представлены теоретические основы судебно-почерковедческой диагностики (предмет, система, методы, задачи); раскрыты особенности ее возникновения и развития в контексте **достижений** отечественной и зарубежной криминалистики. Довольно детально представлены **научные** предпосылки отражения в науке свойств **личности, система** диагностических **признаков** и характеристика их информативности.

Рассмотрены отношения, **касающиеся** объектов, задач и методики судебно-почерковедческой диагностики. **Представлены рекомендации по составлению** заключения эксперта-почерковеда, оценке, подготовке **материалов на экспертизу**.

Работа может представлять интерес для **научных и практических работников** правоохранительных органов, а также для **слушателей и студентов** юридических высших учебных заведений.

ББК 67.52

ISBN 5-238-01033-8

© В.Ф. Орлова, 2006

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2006

Воспроизведение **всей книги или любой ее части** любыми средствами **или в какой-либо** форме, в том числе в Интернет-сети, **запрещается без письменного разрешения** издательства

Судебно-почерковедческая диагностика

Оригинал-макет *И. С. Юрина*. Оформление художника *В.А. Лебедева*

Лицензия серии ИД № 03562 от 19.12.2000 г. Подписано в печать 15.12.2005 (с
готовых ps-файлов). Изд. № 993. Формат 60?<90 1/16

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,5, Тираж 10 000 экз. (1-й завод — 500) ЗаказМэ 1307

000 «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА.». Генеральный директор *В.И. Закаидзе*

123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1. Тел.: 8-499-740-60-14 Тел./факс:

8-499-740-60-15. www.unity-dana.ru E-mail: iinity@unity-dana.ru

Отпечатано в ЗАО «Московские учебники — СиДиПресс». 125252, г. Москва, ул. Зорге,
9А

Глава 1

ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

1.1. Определение предмета судебно-почерковедческой диагностики

Предмет теории судебно-почерковедческой диагностики является частью предмета теории судебно-почерковедческой экспертизы или судебного почерковедения. Предмет же судебного почерковедения составляет: «изучение закономерностей формирования, функционирования и изменения функционально-динамического комплекса (ФДК) навыков, лежащего в основе почерка; изучение закономерностей экспертного исследования почерка; создание на основе выявленных закономерностей методов и методик решения задач судебно-почерковедческой экспертизы в целях установления фактов, имеющих доказательственное значение по уголовным и гражданским делам. Знания об указанных выше закономерностях образуют соответствующие учения и составляют научные основы судебно-почерковедческой экспертизы» (1, с. 3).

Судебное почерковедение в своей основе изначально формировалось как теория судебно-почерковедческой идентификации. Отражение в нем неидентификационных исследований долгое время носило вспомогательный и подчиненный характер. Этому способствовало и то, что предмет судебно-почерковедческих диагностических знаний не был определен, а эти знания не были сформированы в виде учения, теории.

Предмет судебно-почерковедческой диагностики как составную часть предмета судебного почерковедения необходимо рассматривать в связи с определением судебно-экспертной диагностики в общей теории судебной экспертизы, которая в последнее время оформилась как самостоятельная отрасль юридических знаний, отличная от криминалистики. Как справедливо отметил Р.С. Белкин:

«Связи криминалистики и общей теории судебной экспертизы — это связи взаимодействия, а не субординации или подчиненности; они используют положения друг друга, каждая в соответствии со своими предметом, задачами и целями» (2, с. 21).

По вопросу о предмете судебно-экспертной диагностики у различных авторов нет единого мнения, причем в настоящее время от-

четливо наметились три позиции. Первая к предмету диагностики относит установление свойств, состояний объекта и условий протекания и наступления частных событий, имеющих значение для до-казывания в уголовном или гражданском процессе (3, с. 78—80; 4, с. 73). При этом наряду с диагностическими исследованиями в качестве самостоятельного выделяется и предмет решения классификационных задач, связанных с исследованием объектов (но не их отображений) и установлением их принадлежности к стандартизованному классу, определенному ГОСТом или иной системой стандартизации (4, с. 68). Вторая позиция предмет экспертной диагностики трактует, с одной стороны, более узко, относя к нему лишь установление свойств и состояний взаимодействовавших объектов;

с другой стороны, специальный предмет классификационных исследований ими не выделяется. Установление механизма и условий взаимодействия объектов рассматриваются в качестве самостоятельного предмета ситуалогии (5, с. 34; 6, с. 41). Для третьей позиции характерно еще более узкое понимание предмета диагностики, нежели для обеих предшествующих: к диагностике ее автором относятся лишь те исследования, которые связаны с установлением состояния объекта (наличия или отсутствия отклонения от нормы) (7, с. 15). В последнем случае, наряду с диагностическими исследованиями, в качестве самостоятельных рассматриваются: классификационные, атрибутивные, ситуалогические, каузальные, нормативистские.

Соответственно и в судебном почерковедении разные авторы различно трактуют предмет судебно-почерковедческой диагностики.

Л.Е. Ароцкер, попытавшийся впервые определить предмет судебно-почерковедческих неидентификационных (прообраз диагностических) исследований, к ним относит установление: внешней обстановки и условий выполнения рукописи, внутреннего состояния писавшего, иных обстоятельств неидентификационного характера, в числе которых возраст пишущего, давность написания документа, факт сходства почерков двух разных лиц, факт выполнения документа одновременно двумя лицами, одновременность или разновременность выполнения текста документа и другие (8, с. 6—7). Одновременно автор предлагал неидентификационные исследования отделить от установления групповой принадлежности, к которым относил: определение пола по почерку, установление факта выполнения рукописи правой или левой рукой. По его мнению, в этих случаях признаки относятся к классификационным, т.е. заранее заданным, а цель исследования сводится лишь к отнесению рукописей к одной или другой группе (8, с. 13—14).

А.А. Куприянова также к диагностическим исследованиям относит установление состояния исполнителя рукописи и условий, в ко

торых она выполнялась, и не включает в предмет диагностики установление свойств личности. «Предмет диагностической экспертизы, — пишет она, — образует установление фактов о наличии (отсутствии) необычности письма в момент выполнения исследуемого объекта, характера, вида, подвида этой необычности, конкретной, влияющей на процесс письма причины или группы причин» (9, с. 10). В отличие от Л.Е. Ароцкера, А.А. Куприянова несколько сужает предмет диагностических исследований, из которого выпадает установление временных факторов.

В.В. Серегин предметом судебно-почерковедческой диагностики считает: «закономерности отображения в почерке общефизических свойств, субъективных (личностных) качеств, социально-демографических данных, состояний и навыков личности, методы, приемы и способы определения их в целях установления лица ~ предполагаемого исполнителя рукописи для предупреждения и раскрытия преступлений» (10, с. 11). К общефизическим свойствам автор относит: пол, возраст, рост, тип телосложения, характер, степень развития зрительно-двигательного аппарата письма и т.п.; к субъективным (личностным) качествам — тип высшей нервной деятельности, особенности характера (аккуратность, точность, энергичность, настойчивость, неряшливость, смелость, трусость и т.п., тип темперамента (холерический, сангвинический, меланхолический, флегматичный), характеристики нервных процессов (возбудимость, устойчивость, сдержанность и пр.), деловые способности (стиль работы, отношение к делу, постоянство в отношениях, умение комбинировать и т.п.); к социально-демографическим данным о личности он относит: национальность, район проживания, уровень образования и т.п.; к определению навыков писавшего — профессиональные, стенографические, чертежные и др.; к психофизиологическим и патологическим состояниям: а) психофизиологические состояния (сильное душевное волнение, возбуждение, утомление, физическая усталость, алкогольное или наркотическое опьянение, физическое охлаждение при низкой температуре); б) патологические состояния (в отличие от психофизиологических носят относительно долговременный или постоянный характер), психические, нервные, некоторые инфекционные заболевания, умственная отсталость, дефекты моторики, нарушения работы зрительного и слухового анализаторов, нарушения двигательного аппарата письма и т.д. (10, с. 10—11). Установление обстановочных факторов (необычной позы, письма в темноте, движущемся транспортном средстве и т.п.), а также установление факта намеренного изменения почерка или подражания почерку другого лица, т.е. тех условий, на которых было акцентировано внимание А.А. Куприяновой, В.В. Серегин относит к предмету ситуационных исследований.

Естественно, предмет теории судебно-почерковедческой диагностики находится в прямой зависимости от предмета судебно-почерковедческой экспертизы. Следует отметить, что уровень развития экспертной практики решения диагностических задач в настоящее время таков, что заявленное В. В. Серегиним направление диагностических исследований можно рассматривать лишь в качестве желаемого, но далеко не действительного компонента предмета судебно-почерковедческой диагностики.

Позиция А.А. Куприяновой получила дальнейшее развитие в учебном пособии по судебно-почерковедческой экспертизе, в котором к диагностическим отнесены исследования, связанные с установлением условий выполнения рукописей, причем условия трактуются широко: они охватывают все «сбивающие» факторы как внутренние (состояние исполнителя), так и внешние (обстановка письма). Установление свойств личности выделено в группу классификационных задач (1, с. 114—124).

Как видно из изложенного, все точки зрения почерковедов не соответствуют представлению о предмете экспертной диагностики, сформировавшемуся в основах теории судебной экспертизы, трактующем диагностику довольно широко и исключаящем из ее предмета только классификационные исследования, связанные с установлением принадлежности объектов к определенному ГОСТом стандартизированному классу. Не совпадают они и с третьей выше-рассмотренной позицией. Лишь точка зрения В.В. Серегина близка ко второй из них. Для того, чтобы попытаться сформировать представление о предмете судебно-почерковедческой диагностики при таком разбросе мнений необходимо рассмотреть по меньшей мере два следующих вопроса:

а) правильно ли объединять под одной «диагностической крышей» исследования свойств личности исполнителя рукописи, рассматривавшиеся в судебно-почерковедческой литературе в качестве классификационных, и условия выполнения рукописей?

б) правильно ли также объединять исследования по установлению состояния исполнителя рукописи и по установлению обстановочных факторов, отнесенных В. В. Серегиним к ситуалогическим?

Решение первого вопроса тесно связано с определением диагностики вообще. Если проследить мысль о сущности диагностики в наиболее развитых о ней представлениях, бытующих в медицине и технике, то становится очевидным, что основное содержание ее предмета составляют изменения, происходящие в живой или неживой системе, причины этих изменений, их механизм и направленность (11, с. 67—68). Изменения — как основная категория — также взяты Ю.Г. Коруховым при определении предмета криминалистической диагностики, под которым он понимает: «...познание изме-

нений, происшедших в результате совершения преступления, причин и условий этих изменений на основе избирательного изучения свойств и состояний взаимодействовавших объектов с целью определения механизма преступного события в целом или отдельных его фрагментов» (4, с. 96). По этому пути шла А.А. Куприянова, раскрывающая понятие судебно-почерковедческой диагностики как исследования, направленного на установление факторов «сбивающих», нарушающих, изменяющих процесс письма, вызывающих отклонения от некоей нормы.

В то же время в психологической литературе представление о диагностике уже не связывается непосредственно с изменениями, отклонениями от нормы, хотя этот аспект несомненно учитывается. Здесь широко распространено представление о диагностике как об исследовании самых разнообразных свойств личности.

Авторы основ теории судебной экспертизы, как отмечалось выше, фактически дают объединенное понимание предмета диагностики, включая в его содержание как установление свойств и состояний объекта, так и условий его генерации, функционирования и т.д. В то же время ими не «сваливается все в кучу», а в классе диагностических задач предлагается различать: классификационно-диагностические, собственно диагностические, обстановочные, причинно-динамические (3, с. 78). В судебном почерковедении к первой подгруппе относятся исследования свойств личности (установление социально-демографических и психологических характеристик), ко второй и третьей — установление условий выполнения рукописи. Для решения основного вопроса об общности или различии их предмета рассмотрим изучаемые для решения соответствующих задач закономерности, а именно, в каком соотношении находятся те из них, которые определяют возможность судить по почерку о свойствах личности, и те, которые лежат в основе изучения изменений в почерке под влиянием «сбивающих» факторов, насколько они близки или далеки друг от друга.

Родовым объектом судебно-почерковедческой экспертизы является сложная система: человек — почерк — рукопись. В ней содержатся: человек как источник информации о его свойствах, характеристик; почерк — и как источник информации о человеке и его свойствах, и одновременно как носитель этой информации, закодированной в параметрах письменно-двигательного функционально-динамического комплекса (далее — ПД ФДК либо ФДК); рукопись — как материальный носитель информации о почерке и опосредованно о человеке. Предметом знаний о родовом объекте в судебном почерковедении являются закономерности, определяющие информативность почерка как источника и носителя информации о человеке, исполнителе рукописи, которому этот почерк принадлежит, и

условиях ее выполнения. Однако в зависимости от решаемой задачи круг указанных закономерностей различается в зависимости от того, идет ли речь о свойствах личности, определяемых опосредованно через почерк, или о свойствах собственно почерка, отображающихся в выполняемых лицом рукописях.

Как в первом, так и во втором случае существенны закономерности, определяющие организацию ПД ФДК навыков как функциональной системы и отражения его параметров в выполняемых лицом рукописях - Однако в первом случае исследователя интересуют закономерности, определяющие связи типологических свойств личности и их комплексов со свойствами и признаками почерка, отображающимися в выполняемых лицом рукописях. Знания о такого рода закономерностях должны лежать в основе определения по почерку свойств личности. Во втором же случае важны закономерности, определяющие зависимости между параметрами ПД ФДК навыков, отображающимися в рукописях, и различными условиями генерации почерковых реализации как в норме, так и под влиянием «сбивающих» факторов. Причем условия понимаются широко: внешние, внутренние, временные, постоянные. Знания об этой группе закономерностей образуют базу для установления по почерку условий выполнения рукописей, конкретной «сбивающей» причины или группы причин.

Таким образом, в первом случае предмет исследования ~ закономерности, определяющие зависимости ФДК (почерка) от свойств, характеристик личности (социально-демографических, психологических) в целях создания теоретических и методических основ решения классификационно-диагностических задач. Эти закономерности обуславливают наличие определенных типологических свойств личности, проявление этих свойств в почерке и отображение их в рукописи. Во втором случае предмет исследования — закономерности функционирования механизма ПД ФДК в различных условиях, определяющие его приспособительные возможности, его вариативную изменчивость, избирательную реактивность на воздействие различных групп причин и конкретных причин с учетом воздействия «сбивающих факторов».

Из изложенного следует, что рассматриваемые предметы исследования имеют общие фундаментальные основы знаний о почерке как производной от человеческой функции. Однако на уровне решения конкретных научных и практических задач они различны. У них общие базовые знания, равно как и для идентификационньк судебно-почерковедческих исследований: знания из области наук о человеке как о биологическом и социальном феномене — анатомии, биомеханике, физиологии, психологии. Эти знания в судебном почерковедении должны быть выстроены в единую систему,

образующую фундаментальный научный базис судебного почерковедения. Но, если обратиться к предметам рассматриваемых диагностических исследований, то очевидно, что акценты в выборе соответствующих базовых знаний для построения соответствующих теорий будут различными. Каждое из них образует свое «поле познания».

Познание закономерностей, существенных для установления по почерку личностных свойств, представляет собой очень сложную и самостоятельную проблему. Не случайно за время всей истории существования судебного почерковедения в этом направлении сделано сравнительно немного. Эта проблема была и продолжает оставаться в качестве центральной в поле зрения графологии — относительно самостоятельной ветви преимущественно зарубежной психологии, в которой до настоящего времени не сформулированы достаточно строгие научные положения об интересующих в данном случае как графологию, так и судебное почерковедение закономерностях.

Отсюда объединение в одном предмете судебно-почерковедческой диагностики знаний о закономерностях, существенных для установления по почерку личностных свойств, и о закономерностях, важных для установления по почерку условий выполнения рукописи, возможно с известной долей условности при сохранении относительной самостоятельности каждой из них. Если диагностические исследования рассматривать в пределах судебного почерковедения в качестве вида, то рассматриваемые случаи будут подвидами.

На современном уровне развития судебного почерковедения выделять из диагностических исследований установление по почерку личностных свойств нецелесообразно, т.к. в процессе разработок происходит взаимное обогащение знаний и, разумеется, еще слабо развитые концепции могут укрепляться за счет методологии более развитых направлений. Однако в дальнейшем не исключается более определенная дифференциация знаний и выделение самостоятельного учения об атрибуции свойств (характеристик) личности по почерку. Представляется более правильным и называть эти исследования не классификационно-диагностическими, а, частично следуя терминологии Ю.К. Орлова, атрибутивно-диагностическими (7).

Второй из поставленных ранее вопросов о том, следует ли рассматривать в рамках предмета судебно-почерковедческой диагностики закономерности, определяющие избирательность почерка в отношении обстановочных факторов, не выделить ли их в предмет ситуалогических исследований. В теории и практике судебного почерковедения этот вопрос почти всегда решался в пользу отнесения соответствующих исследований к судебно-почерковедческой диагностике. К понятию судебно-почерковедческой ситуалогии, кроме В.В. Серегина, вообще никто не прибегал.

Внешние, воздействующие на процесс письма факторы: необычная поза, плохое освещение, письмо в движущемся транспортном средстве и т.п. связаны с исследуемой рукописью не непосредственно, а через человека, через ПД ФДК его навыков. Поэтому в случае воздействия как внутренних, исследование которых относят всегда к диагностическим, так и внешних причин, все эти факторы преломляются через механизм ПД ФДК. В обоих случаях исследователя прежде всего интересует «поведение» ПД ФДК, изменение, отклонение от нормы почерка, независимо от того, что явилось побудительной причиной наступивших изменений. Характер этого «поведения» может оказаться различным в зависимости от группы воздействующих причин и даже конкретной причины, однако об этом удается судить, как правило, в рамках одного процесса исследования. Таким образом, бесспорным остается факт, что в обоих рассмотренных случаях исследователя интересуют закономерности «поведения» ПД ФДК и поэтому разделять предмет знаний об этих закономерностях, относя одну его часть к диагностике, а другую к ситуалогии, в судебном почерковедении не только не имеет смысла, но и методологически неправильно.

Даже в случаях использования необычного материала письма: неудобной подложки, необычного пишущего прибора, когда отображение этого условия в рукописи носит как бы более непосредственный характер, оно чисто трасологическим не является. Указанная непосредственность воздействия оказывается частичной. Например, при письме на неровной, ребристой подложке в рукописи проявится как прямое следствие этого регулярная волнообразность штрихов. Однако при этом могут наступить и иные изменения в результате приспособления пишущего к этим условиям: переход на строение почерка ближе к прописям, на письмо с подражанием буквам печатной формы, чтобы обеспечить разборчивость написанного.

В пределах собственно диагностических исследований, направленных на установление условий выполнения рукописи, рассматриваемых в качестве подвида судебно-почерковедческих диагностических исследований, выделяется исследование группы условий обстановочного характера. В отличие от диагностики внутренних состояний писавшего можно называть эти исследования ситуационно-диагностическими.

Что же касается временного фактора, то, не подпадая под определение предмета диагностических исследований А.А. Куприяновой, он, на наш взгляд, может быть рассмотрен в рамках условий выполнения рукописи и должен быть также выделен в качестве подвида.

Обобщая изложенное, предметом судебно-почерковедческой диагностики предлагается считать закономерности, определяющие:

а) зависимости почерка от типологических свойств, качеств и особенностей личности; б) избирательную изменчивость (реактивность) почерка и его признаков в ответ на воздействие «сбивающих» факторов в процессе выполнения рукописей; в) зависимости почерка от развития и изменения ПД ФДК во времени; г) структуру экспертного исследования, основанную на знаниях о закономерностях, отмеченных в п.п. «а», «б» и «в».

1.2. Задачи теории судебно-почерковедческой диагностики

Как и любая теория в области судебной экспертизы, теория судебно-почерковедческой диагностики выполняет методологическую, информационную, объяснительную, синтезирующую, эвристическую, практическую, прогностическую функции (3, с. 48—49). Однако на современном уровне развития положений этой теории на первый план выступают следующие ее задачи:

а) обобщить накопленные знания и сформировать концепцию диагностических исследований в судебном почерковедении;

б) развивать научные основы современного судебного почерковедения, пополнять их знаниями о диагностических исследованиях;

в) служить фундаментальной основой для экспериментальных разработок и создания методов и методик диагностического исследования почерка.

В настоящее время представление о целостной теории диагностики в судебном почерковедении только формируется. Потребность же в создании такой теории стала как никогда актуальной. Практика производства судебно-почерковедческих экспертиз свидетельствует об учащении случаев необходимости производства диагностических исследований. Особенно часто назначение экспертиз с заданиями установить состояние писавшего лица (болезненное, стрессовое, алкогольного опьянения и т.п.). Как следует из содержания предшествующего раздела, имеются лишь отдельные, причем противоречивые попытки привести знания о диагностических исследованиях в систему. Поэтому необходимо сформировать концепцию диагностических исследований в судебном почерковедении — определить их предмет, методы, место в системе судебно-почерковедческих знаний.

Концептуальное содержание теории диагностики должно способствовать развитию основ судебно-почерковедческой экспертизы, ранее исторически ориентированных на идентификационные исследования. Знания о закономерных связях почерка с типологией личностных свойств, об избирательной изменчивости (реактивно-

, почерка в отношении «сбивающих» факторов различного происхождения, а также временного фактора, пополняют научные осно-

экспертизы почерка в плане расширения знаний о механизме ПЛ ФДК навыков: о его зависимости от типологических личностных свойств, о его реактивности, компенсаторных возможностях при письме в различных условиях, о круге диагностических признаков и принципах их систематизации.

Эти знания, в свою очередь, послужат базой для экспериментальных исследований и разработок методического характера. На этой базе должно строиться создание различных систем диагностических признаков, ориентированных на решение определенных диагностических задач, выбор методов для разработки и формирования методик диагностических исследований различных почерковых объектов с учетом их специфики. Следует отметить, что в настоящее время арсенал эксперта в виде методик решения диагностических задач с целью установления условий выполнения рукописей довольно обширный. Однако нельзя утверждать, что он всецело отвечает потребностям экспертной и судебной практики. Методики разрознены, не всегда состыкованы, поэтому создание теории судебно-почерковедческой диагностики должно способствовать развитию методологии этого вида исследований.

1.3. Место судебно-почерковедческой диагностики в системе судебно- почерковедческих знаний

Теория судебно-почерковедческой диагностики образует определенную систему знаний и имеет право на самостоятельное существование в рамках судебного почерковедения. Теория судебно-почерковедческой диагностики, как и теория судебно-почерковедческой идентификации, подлежит включению в научные основы судебно-почерковедческой экспертизы.

Судебное почерковедение и теория судебно-почерковедческой диагностики соотносятся как целое и его часть. Вместе с тем выделить в судебном почерковедении эту часть, равно, как и теорию судебно-почерковедческой идентификации, можно только, если подойти к ней с гносеологических, методологических позиций. **Все** судебное почерковедение разделить на теории диагностики и идентификации по почерку нельзя.

Положения судебно-почерковедческой диагностики, наряду с положениями теории судебно-почерковедческой идентификации, пронизывают все судебное почерковедение и определяют все существенные моменты его содержания. Так, закономерности, изучае-

мые судебно-психологической диагностикой, как мы видели, входят в предмет судебного почерковедения, а общие закономерности, определяющие предмет судебного почерковедения, конкретизируются в предметах теории судебно-психологической идентификации и диагностики. **Все** психологические положения судебно-психологической диагностики охватываются знаниями о методологии, системе, истории развития и современном состоянии судебного почерковедения.

Базовые знания, образующие естественно-научный фундамент судебного почерковедения, относящиеся к типологическим свойствам личности, к механизму письма, формированию и функционированию ПД ФДК навыков имеют общее значение как для идентификационного, так и для диагностического исследования почерка. Научные основы диагностических экспертных исследований почерка, рассмотрение его диагностических свойств (качеств) и признаков включаются в научные основы исследования почерка как объекта судебной экспертизы. Знания о закономерностях, предопределяющих типологические связи почерка и свойств личности, избирательную изменчивость почерка и его индивидуальность, существенны как для идентификационных, так и для диагностических исследований, образуя в отношении каждого из них комплекс необходимых знаний и сведений.

Знания о типологических свойствах личности и их отображении в признаках почерка важны не только для атрибутивно-диагностических исследований, но и для идентификации. Поскольку типологические свойства проявляются при письме в рукописи на фоне множества индивидуальных почерковых структур в виде общесистемных конструкций, последние используются в идентификационных исследованиях в качестве определенных общих признаков интегративного характера (степень выработанноеTM, степень совершенства системы движений, вариационность почерка). В то же время частно-системные почерковые свойства и признаки используются при формировании симптоматических комплексов для решения диагностических задач.

Значение знаний об избирательной изменчивости почерка и закономерностях его временных изменений, необходимых для решения диагностических задач при установлении условий выполнения рукописи, трудно переоценить и для решения идентификационных задач, т.к. именно они в большинстве случаев позволяют правильно объяснить и оценить различия идентификационных признаков почерка при положительном решении вопроса об исполнителе рукописи. Более того, диагностические признаки, проявляющиеся в рукописи с учетом индивидуальных особенностей пишущего, используются в практике как весьма ценные идентификационные признаки.

Таким образом, теория судеб но-почерковедческих диагностических исследований вместе с теорией судебно-почерковедческой идентификации образует теоретический базис судебно-почерковедческой экспертизы.

Общие методические основы экспертизы почерка охватывают и общие принципы, а также структуру решения диагностических судебно-почерковедческих задач. При решении идентификационных задач процесс исследования, как правило, включает решение диагностических задач об условиях выполнения исследуемых рукописей. Поэтому указанные задачи решаются в едином процессе и диагностическое исследование в методику идентификационного исследования входит в виде этапа, а в практике экспертизы нередко просто переплетается с ним.

Изложенное свидетельствует о том, что знания, составляющие основное содержание теории судебно-почерковедческой диагностики, должны быть представлены наряду с основами теории судебно-почерковедческой идентификации в научных базисных положениях судебного почерковедения. Однако представленный в настоящей работе материал не может «автоматически, целым куском» включаться в курс судебно-почерковедческой экспертизы или в полное пособие по судебному почерковедению, т.к. положениями этой теории, как и теории судебно-почерковедческой идентификации, проникнуты все основные разделы курса или пособия.

1.4. Методы (методология) развития теории судебно-почерковедческой диагностики

Методы развития теории судебно-почерковедческой диагностики имеют много общего с методологией судебно-почерковедческой идентификации (12) и естественно с методологией судебного почерковедения в целом (1). Тем не менее, особенности в выборе методов и построении методологии судебно-почерковедческой диагностики имеются.

Основным методом создания базовых знаний в теории судебно-почерковедческой диагностики, как и в теории судебно-почерковедческой идентификации, является метод обобщения, адаптации и использования положений, данных естественных наук и психологии, объясняющих природу, формирование, функционирование в норме и патологии ПД ФДК навыков. Напомним, что метод активного привлечения данных других наук является и одним из основных методов развития криминалистики как науки.

Как уже было показано в первом разделе, для развития судебно-почерковедческой диагностики необходимы уже известные в судеб-

ном почерковедении положения из области двигательной анатомии, биомеханики, физиологии и психологии. Однако для создания и развития научных основ судебно-почерковедческой диагностики первостепенное значение приобретает обобщение и адаптация данных о системных нарушениях ПД ФДК, наступающих под влиянием различных причин. Особенно важно использование сведений из области психологии и медицины, судебной медицины и судебной психиатрии об изменениях, наступающих в механизме письма в результате воздействия патологических причин. Для атрибутивно-диагностических исследований необходимы знания и их развитие о типах личности, личностных свойств, двигательных особенностей. Отсюда на первый план выступает метод типологии как «вид научной систематизации, классификации предметов или явлений по общности каких-либо признаков» (13, с. 322).

Поскольку для решения атрибутивно-диагностических задач основополагающее значение имеет определение связей между свойствами личности и почерком, в основы диагностики должны включаться положения о типах личности, с одной стороны, и разрабатываться типология почерка — с другой. Знания о типах личности содержатся во многих науках о человеке: антропологии, анатомии, физиологии, психологии. Они и должны привлекаться в качестве базовых для изучения закономерностей, определяющих связи типологических свойств личности с почерком. Именно к ним обращались и обращаются графологи и криминалисты, когда речь идет о диагностике по почерку личностных свойств. Типизация личностных свойств — предмет указанных специальных наук. Однако для диагностических исследований, проводимых с целью установления условий выполнения рукописи, нужны типологические построения уже сугубо судебно-почерковедческого плана, а именно: систематизация лиц по двигательным возможностям, отражающая связи между избирательной изменчивостью почерка, с одной стороны, и типологическими особенностями личности — с другой. Для исследований как атрибутивно-диагностического, так и собственно диагностического плана необходима разработка типологических систем почерковых объектов. Таким образом, типология как метод имеет в развитии судебно-почерковедческой диагностики первостепенное значение.

Отсюда в диагностических исследованиях большое значение приобретают разнообразные классификационные процедуры, создание классификаций и систематизации, относящихся как к свойствам личности, так и к почерку. В судебном почерковедении на основе систематизированных специальных наблюдений была построена классификация почерков по строению (степени сложности движений), отражающая типологические особенности формирова-

ния почерка в период обучения и практического использования навыка письма (14). Эта классификация имела в последующем большое научное и практическое значение. С ее учетом в дальнейшем строились экспериментальные работы, проводимые с целью создания методик решения судебно-почерковедческих диагностических задач. Для изучения закономерностей изменения почерка во времени большое значение имеют специальные наблюдения и сравнительные исследования почерковых объектов, выполняемых одними и теми же лицами в различные периоды времени.

Широко используемым методом развития научных основ и создания методических основ судебно-почерковедческой диагностики является экспериментальный метод, направленный на изучение закономерных зависимостей почерка от типологических особенностей пишущего лица, на изучение избирательной реактивности почерка в ответ на возмущающее воздействие внешней и внутренней сферы письма, на создание методов и методик решения экспертных диагностических задач.

Эксперимент в области судебно-почерковедческой диагностики, как правило, носит сложный, комплексный характер и предполагает использование других общих и специальных методов.

Зависимости почерковых характеристик от психофизиологических свойств пишущего лица в судебном почерковедении экспериментально исследовались с помощью физиологических методов и методов, использующихся в биомеханике. Такими специальными методами, в частности, являлись методы хрон о циклографии, киносъемки движений пишущего, метод электромиографии, применявшийся для изучения приспособительных (физиологических) возможностей ПД ФДК и отражения их в почерковых характеристиках (15).

С помощью экспериментальных исследований биоэлектрической активности мышц пишущего удалось выявить зависимость между показателями уравновешенности нервной системы и почерковыми характеристиками. Результаты этих исследований послужили основой систематизации почерков по новому основанию — общесистемному признаку: степени совершенства системы движений (16).

В отечественной и зарубежной психодиагностике используется метод тестирования, получивший в последнее время очень широкое распространение.

Тестирование — это выполнение стандартизованного задания, по результатам которого судят о психофизиологических и личностных характеристиках, а также знаниях, умениях, навыках испытуемого. Существуют тесты на определение темперамента по силе процессов возбуждения и торможения, подвижности нервных процес-

сов; определение полярных свойств: экстраверсии ~ интроверсии, ригидности — пластичности, эмоциональной возбудимости — эмоциональной уравновешенности; темпа реакции (быстрый — медленный), активности (высокая — низкая) и т.д.

Имеется множество тестов в виде опросников и различных методик: рисуночных, анкетных, в виде выборов ответов, шкал и т.п., предназначенных для достижения самых разнообразных целей и использования в разных областях, например, для диагностики психических состояний и свойств личности в чисто медицинских целях, для диагностики межличностных отношений в коллективе и семье, для психодиагностики в целях подбора кадров и т.д. С помощью опросников практикуют диагностику уровня тревожности (стресса), депрессии, агрессивности (17).

При выборе теста для изучения свойств личности в экспериментальных исследованиях, предпринимаемых для создания диагностических экспертных методик, очень важно, чтобы методы тестирования отвечали требованиям надежности и валидности. Под надежностью при этом понимают относительное постоянство, устойчивость и согласованность результатов теста при первичном и повторном его применении на одних и тех же испытуемых. При этом следует иметь в виду, что точность определений снижают: нестабильность самого диагностируемого свойства, несовершенство диагностических методик, меняющаяся ситуация и условия обследования, вариативность в манере поведения экспериментатора, колебания в функциональном состоянии испытуемого, элементы субъективизма в способах оценки и интерпретации результатов. Надежность вообще трактуется в трех смыслах:

- а) надежность самого измерительного инструмента;
- б) стабильность изучаемого признака;
- в) константность, т.е. относительная независимость результатов от личности экспериментатора (18, с. 162—176).

Вопрос о валидности метода решается после того, как установлена его надежность. Валидность теста — понятие, определяющее что тест измеряет и насколько хорошо он это делает (19). Валидность — это адекватность, эффективность метода, в данном случае теста, относительно предмета решаемой задачи.

Диагностическая методика в виде теста обязательно должна быть стандартизированной, она должна отвечать единым требованиям к процедуре эксперимента и содержать единые критерии оценки результатов диагностических испытаний (17, с. 5).

С использованием тестов проводились экспериментальные исследования с целью создания методики определения психологических свойств личности по почерку в судебном почерковедении (20).

В разработке методических основ и создании методик судебно-почерковедческих диагностических исследований большую, а иногда и решающую роль играют вероятностный подход, статистический анализ, положения статистической теории распознавания образов, корреляционный анализ, факторный анализ и другие математические методы. Те или иные из них используются в экспериментальных исследованиях, нередко образуя их основную часть и определяя методологию обработки наблюдений или экспериментального материала. В связи с рутинным характером ручной обработки почерковых объектов, трудоемкостью измерений и других математических процедур осуществляется автоматизация методов и методик исследования почерка. На вероятностном подходе и статистическом анализе основаны результаты экспериментальных исследований с целью создания методик дифференциации почерков на мужские и женские (21) и др.

Большое место в экспериментальных исследованиях, проводимых с целью создания диагностических методик и использующих математические подходы, занимает разработка решающих правил, позволяющих на количественном уровне оценивать результаты как экспериментальных, так и экспертных исследований и соотносить их при практическом использовании с выводами эксперта в общепринятых формах.

Очень важным методом в создании методик диагностического исследования, рекомендуемых к практическому использованию, является описание признаков и экспертных ситуаций. Это описание должно быть достаточно полным и точным на том уровне, на котором эти признаки и ситуации представлены: качественно-описательном, полуколичественном или количественном. Главное требование к описанию — однозначность в интерпретации содержания признака или экспертной ситуации, недопущение двусмысленности в понимании его и использовании.

Наконец, как во всякой научной разработке, предпринимаемой в области судебной экспертизы, направленной на совершенствование судебно-экспертной практики и создание новых методов экспертизы, в области судебно-почерковедческой диагностики трудно переоценить значение обобщения практики решения диагностических экспертных задач. Обобщение экспертной практики производства диагностических исследований позволяет адекватно практическим потребностям определять круг задач и объектов, в отношении которых актуальны научные исследования и методические разработки, выявлять положительные аспекты в экспертных приемах исследования и их недостатки, корректировать существующие методы диагностических исследований и их совершенствовать.

1.5. Система теории судебно-почерковедческой диагностики

Знания, претендующие на то, чтобы считаться учением или теорией, в качестве начальных разделов должны содержать науковедческую часть: сведения о предмете, методе, системе построения этих знаний, историю возникновения этих знаний и очерк их современного состояния. **Все** это естественно приложимо и к теории судебно-почерковедческой диагностики, изложение которой должно начинаться с этих разделов.

Теоретические положения, образующие основное содержание знаний о судебно-почерковедческой диагностике, делятся на два больших раздела: научные основы судебно-почерковедческой диагностики и ее методические основы.

Научные основы судебно-почерковедческой диагностики, в свою очередь, включают:

а) знания о почерке как объекте судебно-экспертного диагностического исследования;

б) знания о диагностических признаках.

Поскольку, как мы видели, предмет судебно-почерковедческой диагностики не является единым, следует дифференцированно рассматривать положения об установлении свойств личности по почерку и положения об установлении условий выполнения рукописей. **Поэтому** в научных основах отдельно рассматривают соответствующие свойства (качества) почерка: его способность отражать психофизиологические характеристики личности, иначе говоря, его типологичность, обусловленную этими характеристиками, избирательную изменчивость почерка, а также изменчивость почерка во времени.

Типологичность почерка — это его зависимость от типологических свойств личности, позволяющая устанавливать в процессе экспертного атрибутивно-диагностического исследования почерка эти свойства. Избирательная изменчивость почерка — это его реактивность, способность различным образом изменяться под воздействием разных «сбивающих» факторов, их групп, образующих их причин. Изменчивость почерка во времени — это его способность формироваться, развиваться, стабильно функционировать и деградировать в различные временные периоды жизни человека. Благодаря наличию у почерка этих качеств он может быть объектом экспертных диагностических исследований.

Выражение в рукописях основных почерковых свойств образует признаки, являющиеся непосредственным объектом экспертного диагностического исследования. Отсюда необходимость соответствующих разделов, посвященных систематизации и описанию диаг-

ностических признаков и их проявлений, характеристике их информативности, взаимозависимостей, связей с идентификационными признаками.

На основных научных положениях судебно-почерковедческой диагностики строится дальнейшее изложение знаний о предмете, объектах, задачах судебно-почерковедческой диагностической экспертизы, о пределах компетенции эксперта-почерковеда, решающего диагностические задачи.

Методические основы судебно-почерковедческой диагностики должны включать: общие принципы построения процесса диагностических исследований и общей схемы решения диагностических задач; особенности построения исследований, предпринимаемых в целях установления по почерку свойств личности и в целях установления условий выполнения рукописи; специфику структуры исследований, производимых при полном компонентном составе диагностической задачи и при неполном ее составе.

В разделах, посвященных методическим основам судебно-почерковедческой диагностики, должны содержаться сведения о методах и методиках, используемых в настоящее время в практике производства судебно-почерковедческих экспертиз с целью решения диагностических задач.

В методические основы судебно-почерковедческой диагностики включаются правила формулирования выводов и составления заключений экспертов, оформляющих диагностические исследования как в качестве самостоятельных, так и входящих в процесс решения идентификационных задач.

Отдельно в последнем разделе должны быть рассмотрены особенности назначения и подготовки материала для судебно-почерковедческой диагностической экспертизы, а также специфика оценки заключений эксперта-почерковеда, отражающих диагностические исследования.

Список литературы

1. *Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть.* М., 1988. Вып. 1.
2. *Белкин Р.С.* Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использования их результатов в практике борьбы с преступностью: Междунар. симпозиум. М., 1994.
3. *Основы судебной экспертизы.* Ч. 1. Общая теория. М., 1997.
4. *Корухов Ю.Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.
5. *Сегай М.Я., Стринжа В.К.* Судебная экспертиза материальных следов-отображений. Киев, 1997.

6. Толстухина Т.В. Об использовании в криминалистической диагностике основных терминов и понятий технической диагностики // Экспертная техника. М., 1983. Вып. 80.
7. Орлов Ю.К. Классификация экспертных исследований по их задачам // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Экспресс-информация. М., 1985. Вып. 1.
8. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе. Киев, 1972.
9. Курпянова А.А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований: Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1982.
10. Серегин В.В. Возможности судебно-почерковедческой диагностики свойств исполнителей рукописей. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1983.
11. Чазов Е.И., Царегородцев Т.П., Кроткое Е.А. Опыт философско-методологического анализа врачебной диагностики // Вопросы философии. 1986. ~ № 9.
12. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Труды ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 6.
13. Малая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1959 г. 3-е изд. Т. 9.
14. Зотов Б.Л., Манцевтова А.И., Мельникова Э.Б., Орлова В.Ф. Характеристика высоковыработанных почерков по степени сложности движений (строению почерка) // Методика криминалистической экспертизы. Сб. 2. ЦКЛ ВИНМ МЮ СССР: М., 1961.
15. Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Исследование возможностей письменно-двигательного навыка с помощью электромиографической методики // Труды ЦНИИСЭ. М., 1970. Вып. 2.
16. Семина Л.Р., Славуцкая И.А., Ханжанбеков М.И. Использование физиологических методов исследования в судебном почерковедении // Труды ВНИИСЭ. М., 1972. Вып. 4.
17. Практическая психодиагностика. Самара, 1999.
18. Гуревич К.М. Надежность психологических тестов // Психическая диагностика. Ее проблемы и методы. М., 1975.
19. Анастаси А. Психологическое тестирование. М., 1982. Т. 1.
20. Сидельникова Л.В., Герасимов А.Н. Установление психологических характеристик исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности. Метод, письмо для экспертов (рукопись). М.: РФЦСЭ, 1999.
21. Экспертная дифференциация рукописей на мужские и женские. Метод, письмо. М. МВД 1968.

Глава 2

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЙ О СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ

2.1. Возникновение и развитие знаний о судебно- почерковедческой диагностике в историческом аспекте

Интерес к почерку, как объекту диагностических исследований, возник в конце позапрошлого века почти одновременно у графологов и естественников. Начальный и последующие этапы развития знаний в этих областях достаточно подробно освещены в литературе (1). Однако необходимость обращения к ним в этой работе связана с тем, что именно в рамках графологических и медицинских знаний зарождались и развивались представления о связях почерка и свойств личности, об избирательной изменчивости почерка, т.е. о качествах почерка, которые лежат в основе возможностей использования почерка как объекта судебно-экспертных диагностических исследований.

Несмотря на спекулятивный и псевдонаучный характер работ графологов, графологическая мысль интересна тем, что именно они впервые обратили внимание на то, что между типологическими и индивидуальными, физическими, в т.ч. антропологическими, физиологическими и психологическими свойствами личности, с одной стороны, и почерком — с другой, существуют определенные зависимости. Мысль об этой связи проходит красной нитью сквозь все изыскания графологов, которые первоначально считали графологические исследования просто ремеслом или искусством, а затем отраслью наук о человеке — антропологии, психологии (2—4).

Одновременно первые наблюдения и экспериментальные работы врачей свидетельствовали о том, что почерк избирательно реактивен и может использоваться в диагностических целях в медицине для диагностики заболеваний и функциональных состояний пациентов.

Графология имеет свою довольно большую историю. Она прошла длительный путь развития от чисто эмпирических наблюдений, через создание определенных концепций и школ, до современных представлений.

Возникновение первой графологической школы относят к XIX в. Ее основатели — аббаты Фландрин и Мишон (Франция, 1872). На-

звание «графология*» принадлежит Мишону. В конце XIX и начале XX веков центр графологической мысли перемещается в Германию. Развитие графологии в Германии связано с именами В. Лангенбру-ха, Г. Буссе, В. Прейера, Г. Мейера и особенно Л. Клягеса, который считается основателем научной графологии. Сущность его концепции проистекала из тезиса, что характер человека отражается в любых его движениях, поскольку же письмо предполагает процесс движений, а почерк является следом этих движений, в нем должен отображаться индивидуальный характер человека. К трактовке почерка Л. Клягес идет от свойств характера, которые он рассматривает с точки зрения силы и слабости воли, чувств, активности и пассивности энергии, развития самосознания и т.п. Для немецкой школы графологов характерна очень тесная связь с философией и психологией. Их идеологи — Ницше, Шопенгауер, Вундт. Концепция Л. Клягеса тесно связана с учением В. Вундта — зачинателя экспериментальной психологии. Предметом графологии Л. Клягес считал человеческий характер, духовные и умственные свойства личности. Одновременно он отменял попытки с помощью графологии определять пол, возраст, размеры тела, состояние здоровья, профессию и т.п. и полагал, что это «предмет не графологии, а ясновидения» (2, с. 136). В практическом плане графологию он относил к искусству.

Французская графологическая школа больше тяготела к психофизиологии. Ее представители М. Перю и П. Броссон много внимания уделяли анатомии, биомеханике и физиологии письма и пытались связать признаки почерка со свойствами различных типов темперамента (конституциональные типы по Кречмеру).

Гносеологически важным моментом графологических построений, независимо от школ и концепций, является попытка теоретического обоснования связи почерка с психологическими и психофизиологическими свойствами человека (личности).

Несомненно положительное в графологии — это стремление опереться на типологические структуры человека, разработанные в физиологии, психологии, а также создать свою типизацию личности и искать в почерке ее проекцию. Это наиболее ярко проявилось у представителей французской графологической школы, которые пытались обосновать зависимость между характеристиками почерка и свойствами различных типов темперамента, интерпретировать признаки почерка в свете конституциональных типов, предложенных немецким психиатром Э. Кречмером. Так, в книге М. Перю и П. Броссона находим, что для астеников характерен мелкий почерк с угловатыми соединениями, частыми интервалами; для представителей пикнического типа — вертикальный почерк с неправильными соединениями и средним нажимом; атлеты имеют почерк крупный

с «гирляндными» соединениями и редкими интервалами, с правым и левым наклоном (5).

Один из очень известных представителей немецкой графологической школы Р. Пофаль пытался в почерке отыскать проявления основных биологических форм личности, т.е. «биотип».

Нельзя не отметить и глубокий смысл положения, высказанного Л. Клягесом о том, что почерк индивидуален потому, что индивидуальны движения, обусловленные индивидуальностью характера (2, с. 35).

Обобщая отмеченные концепции, нельзя не усмотреть в них попытку увидеть связь почерка как с типологическими свойствами человека (личности), так и с его индивидуальными особенностями и, продолжая эту мысль, нельзя не прийти к выводу о необходимости поиска зависимости почерка от целостной структуры личности как системы.

Графология ценна и экспериментальными исследованиями, которые, к сожалению, были немногочисленны. Э. Малеслин (Франция), Р. Заудек (Англия), группа немецких психологов — К. Тит-тель, И. Виртц, Р. Вернер, В. Дитрих (6—11) пробовали, используя современные им технические средства (киносъемку, хроноцикло-графию, кимограф), выявить зависимости между биомеханическими характеристиками письменных движений (скорость, усилия — нажим, протяженность, направление и др.). Им принадлежат весьма интересные наблюдения и результаты о связях между признаками почерка и особенностями механизма письма, между признаками почерка внутри письменно-двигательной системы. Конкретные данные о такого рода взаимозависимостях наводили на мысль, что структура почерка внутренне согласована на основе статистически закономерных связей. В последующем это было подтверждено исследованиями отечественных криминалистов советского периода.

Надо отдать должное графологам-экспериментаторам, пытавшимся выйти на свойства личности не непосредственно через признаки почерка, а через их двигательную природу, через особенности и закономерности биомеханики письма. Кроме того, они неплохо описали общие признаки почерка, что было несомненным шагом вперед по пути типизации почерковых структур.

Графологией интересовались и представители медицины — врачи, в особенности психиатры. Среди них были такие, кто изучал почерк в целях сугубо медицинской диагностики. Это труды немецкого врача А. Эрленмейера (12), врачей-психиатров крепелинской школы — А. Гросса, А. Дьяля, М. Майера (13—15). В России интересны наблюдения психиатров М.М. Манасиной и В.Н. Образцова (16, 17).

А. Эрленмейер изучал физиологию и патологию письма, анализировал в почерке патологические проявления. Психиатры-крепе-

лишцы экспериментально исследовали биомеханические параметры письма — скорость, протяженность, нажим в почерке здоровых и больных людей, чтобы использовать эти данные в целях диагностики заболеваний- М. Майер исследовал влияние на почерк алкогольного опьянения, в эксперименте использовал технические средства (кимограф, специально сконструированный курвиметр типа пантографа). Он заметил, что при малых дозах алкоголя нажим увеличивается, а при больших уменьшается. А. Гроссу удалось выделить в письме диагностические признаки, характерные для определенных патологических состояний, например, для циркулярного ступора (замедленность, затрудненность при переходе от одного движения к другому, недифференцированный нажим), для маниакального состояния (крупное письмо, сильный нажим, плохая коррекция движений и др.).

В.Н. Образцов придавал письму и почерку большое диагностическое значение- Ему принадлежит одно из первых описаний механизма письма, он исследовал нарушения в письме душевнобольных и связал их с конкретной патологией письменного механизма.

Эти исследования положили начало для возникновения гипотезы об избирательной изменчивости почерка в зависимости от воздействия на процесс письма патологических факторов и возможности его использования в целях прямой медицинской диагностики. Однако как констатирует В.Н. Образцов, методы крепелинской школы не нашли применения в клинической практике.

Обобщая изложенное, необходимо подчеркнуть, что как графологи, так и естественники много сделали в раскрытии механизма, описании анатомии и биомеханики письма, формирования и функционирования письменного навыка.

Закладывая основы научного судебного почерковедения, отец русской криминалистики Е.Ф. Буринский обобщил и развил идеи своих предшественников в отношении судебно-почерковедческой диагностики. Будучи высокообразованным человеком, Е.Ф. Буринский изучил огромное количество литературы по графологии, антропологии, истории письма и искусств, медицине, психиатрии, попытался извлечь из нее все, что имеет отношение к процессу письма и почерку, привел в систему и построил свою концепцию относительно этой судебной отрасли научных знаний.

Работая судебным фотографом и сталкиваясь в судах дореволюционной России с экспертами-каллиграфами (учителями чистописания или других школьных дисциплин), приглашавшимися в качестве экспертов для решения идентификационных и диагностических задач по почерку, Е.Ф. Буринский пытался противопоставить их невежеству элементы научных знаний.

Е.Ф. Буринский считал судебное почерковедение (кстати, термин «почерковедение» принадлежит именно ему) самостоятельной областью знаний, формирующихся на базе многих научных дисциплин, в ряду которых он ставил на первое место естественные науки о человеке, медицину и особенно психиатрию. Отдавая должное графологии, за что в советское время его взгляды подвергались нападкам отдельных ученых, Е.Ф. Буринский относился к ней весьма критически и не считал ее перспективной. Он писал: «Не придавая, лично, серьезного значения психографологическим «законам», установленным графологами до настоящего времени, и считая эти «законы» недостаточно обоснованными, я убежден, однако, что знакомство с литературой психографологии необходимо для лиц, желающих изучать почерки» (18, с. 210). Перспективу создания и развития судебного почерковедения как научной дисциплины он видел в привлечении к изучению почерка представителей естественных наук и в особенности врачей. Его слова: «Зовите врачей, только врачей, никого, кроме врачей!» (18, с. 241).

По уровню знаний и научной прогрессивности идей Е.Ф. Буринский не имел себе равных среди современников, у него не было последователей и преемников при жизни. Его идеи были восприняты и развиты криминалистами советской школы.

В рассматриваемом контексте наиболее важным моментом его идей является то, что почерк он рассматривал не только в качестве объекта идентификационного исследования, но и как объект диагностики в широком понимании — медицинской и криминалистической. Он считал, что психиатры обязаны взять на вооружение почерк как своего рода тест — показатель патологии.

В своей работе Е.Ф. Буринский много внимания на уровне современной ему науки уделил механизму письма, построению письменных движений, отображению в них и почерке свойств личности и условий письма. Он выделял в почерке постоянные компоненты, образующие его «построение» и обусловленные физиологической и психологической природой личности, и переменные, случайные, ситуативные. Его слова: «Почерк есть весьма сложная функция очень многих переменных — это правда, сложность, заслоня от нас закономерность, порождает мнение, что почерк представляет нечто случайное, не подчиненное никаким умопостижимым законам» (18, с- 181). И далее: «...в почерке — весь человек, со всеми его физическими и духовными свойствами» (18, с. 189), «...никакие способы обучения не в состоянии изменить построение почерка, т.е. комбинацию его основных элементов» (18, с. 245). В этих словах заключена глубокая мысль о том, что в почерке есть постоянный компонент, зависящий от генетически заданных свойств личности.

В работе Е.Ф. Буринского звучит и мысль об избирательной изменчивости почерка относительно нарушений, носящих патологический характер. В ней рассмотрены признаки необычного выполнения рукописи, связанные с такого рода нарушениями: атаксия (координационное расстройство), дрожание и др. Причем для определенных групп патологических причин (острые инфекционные заболевания, алкогольное отравление, старческие изменения организма и т.п.) выделяются симптоматические нарушения и соответствующие комплексы признаков.

Таким образом, Е.Ф. Буринский впервые в мировой криминалистике определил не только контуры судебного почерковедения, но и в его рамках подошел к основам судебно-почерковедческой диагностики, к раскрытию зависимостей между почерком и свойствами личности и избирательной изменчивости почерка — моментов, существенных для использования почерка в диагностических целях.

2.2. Диагностические судебно" почерковедческие исследования в советский период

Диагностические судебно-почерковедческие исследования в рамках советской криминалистики осуществлялись в 3 направлениях:

- 1) исследование проблемы типологии почерка и поиск ее связи с типологическими свойствами личности,
- 2) решение проблемы установления по почерку определенных свойств личности,
- 3) изучение избирательной изменчивости почерка.

Исследование проблемы типологии почерка и поиск ее связи с типологическими свойствами личности

Эта проблема привлекла внимание советских психологов в 40— 50-х годах. Е.В. Гурьянов и М.К. Щербак попытались определить и рассмотреть виды координации движений у обучающихся письму в начальный период (19, 20). К сожалению, эти работы не были продолжены. Однако то, что было сделано в этом направлении, имело большое значение для развития судебного почерковедения вообще и для судебно-почерковедческой диагностики — в частности. Благодаря этим работам криминалисты обратили внимание на такое существенное системное свойство почерка как координация движений при письме, увязали это свойство с выработанностью почерка,

выделили признаки, отражающие координацию движений с учетом ее видов в рукописи (21). Таким образом, координация движений как свойство почерка была объяснена с точки зрения механизма письма и поставлена в ряд системных признаков почерка, используемых в идентификационных, а затем и в большей мере в диагностических целях.

Как показали дальнейшие разработки, координация движений оказалась сложным и важным диагностическим показателем, чутко реагирующим на изменение состояния и внешние обстановочные факторы, сопровождающие письмо.

В процессе исследований криминалистов, поставленных в свое время на службу космической биологии и медицине, дифференцирование рассматривалась координация мелких движений кисти и пальцев (1 группа) и крупных движений кисти и предплечья (2 группа) и была установлена зависимость между координацией движений руки и состоянием космонавтов в различные периоды космического полета. Результаты исследования почерка в сочетании с результатами других исследований — показателями биоэлектрической активности мозга, кожно-гальваническими реакциями, исследованиями вестибулярного аппарата и др. использовались для изучения состояний космонавтов в различные периоды нахождения в космосе (в состоянии покоя, во время отдыха, после сна, в периоды эмоционального напряжения в начале и конце полета, перед и после ориентации корабля и т.п.) (22—25).

О значении изучения типов высшей нервной деятельности для судебного почерковедения заговорил психолог, а затем и криминалист — Г.И. Борягин. «Для теории графической экспертизы, — писал он, — учение И.П. Павлова об общих типах высшей нервной деятельности имеет огромное значение, поскольку оно помогает объяснить индивидуальный характер человека» (26, с. 33). И далее:

«Тип высшей нервной деятельности, а также внешние условия обучения письму, являются основными факторами, определяющими индивидуальный характер почерка человека» (26, с. 34),

Интересны его гипотетические рассуждения относительно зависимостей возможностей пишущего от развития 1-й и 2-й сигнальных систем. «Так, — пишет Г.И. Борягин, — есть все основания полагать, что при прочих равных условиях лица с преимущественным развитием 1-й сигнальной системы (в пределах зрительной и двигательной коры головного мозга) в состоянии более точно подражать почерку другого лица и передавать в своем письме значительный ряд признаков почерка этого лица, чем лица с преимущественным развитием 2-й сигнальной системы» (26, с. 35). Он считал, что «те или иные особенности передачи временных связей 1-й сигнальной системы во 2-ю сигнальную систему зависят от ряда

факторов, в частности от типологических различий в отношении специфических человеческих типов высшей нервной деятельности.

Лица с более полной передачей условных связей из 1-й сигнальной системы во 2-ю, по-видимому, способны полнее, всестороннее осознавать признаки своего и чужого почерка, что имеет большое значение для объяснения различных возможностей людей в деле маскировки своего и подделки чужого почерка» (26, с. 35).

В соображениях, высказанных Г.И. Борягиным, привлекательны следующие моменты:

а) факт констатации связи почерка и типов высшей нервной деятельности человека (по Павлову);

б) гипотеза о зависимости возможностей пишущего от его типологических свойств.

Этим как бы подчеркивалась служебная роль типологии, связывающей атрибутивную диагностику и собственно диагностику.

Мысли относительно влияния свойств нервной системы на формирование почерка встречались и у других авторов. Так, Е.В. Гурьянов считал показателем силы нервных процессов в формирующемся почерке устойчивость четкого письма при ускорениях и других осложнениях процесса письма (27). Однако специально и экспериментально зависимость силы нервных процессов и признаков почерка не изучалась. Что же касается такого свойства, как подвижность нервных процессов, то он вполне справедливо полагал, что подвижность обуславливает скорость усвоения навыков письма и собственно темп (скорость письма) (там же).

Несколько позднее уже в рамках судебного почерковедения рассматривались вопросы зависимости признаков почерка от типологических свойств личности в связи с поиском путей оценки возможностей пишущего при стремлении его изменять свой почерк и при письме в условиях влияния «сбивающих» факторов. При этом естественно рассматривалось влияние на почерк типологических свойств через деятельность двигательного анализатора (28).

Этому способствовала несколько ранее проведенная криминалистами работа, посвященная классификации высоковыработанных почерков. Следует отметить, что научные основы судебно-почерковедческой диагностики в советский период в начале закладывались преимущественно в рамках разработки теоретических основ судебно-почерковедческой идентификации. Это объясняется следующими причинами:

во-первых, актуальностью, практической востребованностью теории решения именно идентификационных задач,

во-вторых, общностью знаний о почерке, как объекте криминалистического исследования, будь то исследование идентификационное или диагностическое.

Работая над проблемами судебно-почерковедческой идентификации, криминалисты стремились найти основания для классифи-

кации почерков в общности причин, определяющих типовые направления в формировании почерков. Внимание исследователей привлекли высоковыработанные почерки, как наиболее распространенные и поэтому образующие слишком обширную группу, нуждающуюся в дальнейшей дифференциации. Соображения зарубежных авторов (29), анализ двигательной структуры почерка, многочисленные целенаправленные наблюдения навели авторов на мысль о возможности классификации высоковыработанных почерков на основании такой интегральной характеристики как координационная и структурная сложность движений, выражающаяся в соответствии эталону — прописям и степени отклонения от них в сторону упрощения или усложнения системы движений. В результате была создана классификация почерков на простые (соответствующие прописям), упрощенные и усложненные, генерация которых связывалась с успешностью обучения письму и субъективным отношением лица к формированию почерка в процессе обучения и последующей практики. Объяснялась эта зависимость следующим образом: «Одни пишущие сохраняют близкое сходство с прописями при письме, т.к. обучение письму у них проходило успешно, в последующем не было необходимости приспособлять свой почерк к другим задачам. У других ~ движения различно упрощаются потому, что навыки еще не закрепились окончательно и пишущий начинает быстро писать, при этом часто не обращая внимание на строение букв, на значительные их отклонения от прописей. А иные, напротив, так много уделяют внимания письму и украшают его настолько, что система движений усложняется по сравнению с прописями» (30, с. 108).

Для каждой группы был выделен комплекс признаков и их проявлений. Абстрагируясь с современных позиций от некоторых мелких неточностей в конкретных характеристиках этих групп, устраненных в последующих разработках, нельзя не отметить, что эта классификация вошла в теорию и практику судебного почерковедения как одна из фундаментальных и сохраняет свое значение в настоящее время как основание, определяющее общесистемный признак почерка — его строение в пределах группы высоковыработанных почерков. Для диагностического направления эта работа интересна тем, что она связала одну из интегральных характеристик почерка с конкретными личностными данными пишущего, влияющими на него в процессе формирования. В дальнейших разработках криминалисты очень часто обращались к зависимостям этой характеристики почерка от разных свойств личности и ее значению в русле избирательной изменчивости почерка, возникающей под влиянием различных сбивающих факторов.

Специальные работы криминалисты проводили с целью выявить зависимости между силой, подвижностью (динамичностью),

уравновешенностью протекания нервных процессов — возбуждения и торможения — с одной стороны, и двигательными возможностями и способностями пишущего в процессе формирования и функционирования ПД ФДК навыков, отображающимися в общесистемных признаках почерка — с другой. В результате этих исследований была констатирована многозначность указанных зависимостей, но вместе с тем и намечены определенные тенденции, весьма правдоподобные, но до сих пор окончательно неподтвержденные.

В развитие соображений Е.В. Гурьянова криминалисты выдвинули гипотезу, что с подвижностью (динамичностью) нервных процессов, характеризующейся общей способностью к обучению, связана не только успешность и скорость формирования навыка и темп письма, но и вариационность почерка (28). При этом программная вариационность свидетельствует о динамичности нервных процессов на высших уровнях построения движений, осуществляющих программирование с учетом конкретной установки. Кор-рекция же вариационность — результат подвижности нервных процессов, относящихся к нижележащим уровням, деятельность которых осуществляется автоматизированно. Динамичность существенна и для оценки возможностей пишущего намеренно искажать свой почерк или подражать почерку другого лица. Успешнее с этими задачами должны справляться при прочих равных условиях, лица с более высокой динамичностью протекания нервных процессов и наоборот. Среди них, надо полагать, должны быть лица с отчетливо выраженной программной вариационностью почерка.

Вопрос о зависимости динамичности протекания нервных процессов и вариационности тесно переплетается с вопросом о соотношении «жестких» и «гибких» двигательных систем, составляющих содержание почерка. При этом была намечена следующая дифференциация типов. Предельно упрощенный почерк должен быть очень устойчивым относительно «сбивающих» факторов, т.к. отражает «жесткую», малоподвижную двигательную систему. Напротив, вариационные, простые по строению почерки, возможно с элементами усложнений, более сбиваемы, но и более адаптируемы к необычным условиям, а также более гибки при намеренном изменении своего почерка и подражании почерку другого лица.

Определенное развитие изучение зависимостей почерка от свойств нервных процессов получило в экспериментальных исследованиях криминалистов совместно с физиологами и математиками относительно связи почерка с уравновешенностью нервных процессов (31-33).

Уравновешенность в физиологии рассматривалась как производное качество — это баланс процессов возбуждения и торможения при ее характеристике с точки зрения силы, подвижности и динамичности нервных процессов. Напомним, что Е.В. Гурьянов с

уравновешенностью процессов возбуждения и торможения связывал четкость письма у обучающихся. По мнению криминалистов, в процессе формирования почерка особое значение имеет уравновешенность в подвижности и динамичности. Именно это свойство способствует формированию прописных, четких, необходимо быстрых почерков, а возможно и почерков усложненных.

Преобладание процесса возбуждения над процессом торможения должно отрицательно сказываться на качестве формирующегося навыка письма. У такого обучающегося в связи с повышенным общим фоном возбуждения окажутся недостаточными коррекционные возможности. Аfferентная импульсация, поступающая в высшие отделы, перешифровка и направление импульсов к эффекторам будет носить поверхностный, неточный, не вполне адекватный условиям характер. При выработке точных движений, воспроизводящих буквы, соответствующие прописям, происходит преждевременное переключение управления движениями на нижележащие уровни.

Внешним выражением перевеса возбуждения в балансе нервных процессов будет поспешность, торопливость, а следовательно и преждевременное ускорение процесса письма. При недостаточно сформировавшихся навыках это ведет к упрощению движений вследствие их преждевременного синтеза, объединения их в единую систему. В связи с этим пропадают отдельные мелкие движения, необходимые для сохранения четкости (читаемости) букв.

Если объединение, синтез движений в единую систему осуществляется легко, что, в свою очередь может зависеть и от других причин (в их числе важное место занимает вид координации движений), то формируется упрощенный связный почерк. Напротив, если объединение движений затруднено, почерк будет отрывистым и может остаться недостаточно сформировавшимся для высоковыработанного почерка. Специальными исследованиями доказано, что на скорость и безошибочность двигательной реакции также оказывает большое влияние установка, словесная стимуляция, в том числе и установка самого обучающегося.

В дальнейшем с помощью электромиографической методики и кино съемки удалось подтвердить и конкретизировать зависимость между уравновешенностью указанных нервных процессов, возможностями ПД ФДК навыков пишущего и строением почерка (31). Были выявлены комплексы проявлений признаков почерка, дающие основание провести еще интересную классификацию высоко-выработанных почерков на группы по степени совершенства системы движений. Дифференцировались группы почерков с более совершенной системой движений, отражающей пластичный, подвижный навык, и с наименее совершенной, отражающей инертный, косный навык. Статистически была подтверждена взаимозависи-

мость комплексов проявлений определенных признаков почерка и параметров ЭМГ (32). В последующем результаты этих исследований были положены в основу специальной экспертной методики, позволяющей классифицировать почерки по степени совершенства системы движений пишущего и в определенных случаях различия этой характеристики при производстве экспертиз отрицательно решать вопрос об исполнителе рукописи (33).

В рассматриваемый период была предпринята еще одна попытка типизации почерков на биомеханической основе. Н.Г. Сахарова разработала метод дифференциации высоковыработанных почерков на основе обобщенной системной характеристики «фона» почерка, концентрирующей в себе представление о таких общих признаках как размер, разгон, наклон, направление линии письма, а главное — преобладающие направление и форма движений при выполнении букв и преобладающая форма движений при соединении **букв** и их элементов. Обобщенная системная характеристика формировалась на основе количественных показателей 2-х категорий признаков линейных схем и признаков гладкости. Н.Г. Сахарова фактически сделала попытку описать в количественных показателях то, что в свое время Е.Ф. Буринский называл построением почерка, тесно связанным с природными свойствами пишущего (34).

Целенаправленные исследования в области диагностики личностных характеристик

С проникновением в криминалистику и судебное почерковедение вероятностно-статистического подхода и математических методов исследования впервые в истории мировой криминалистики была создана методика дифференциации почерков на мужские и женские (35—37). В решении этой проблемы были очень заинтересованы графологи, однако дальше ориентировочных рекомендаций и признания сложности и нерешаемости этой проблемы графология не шла. Авторами специальных разработок были П.Г. Кулагин и А.И. Колонутова. Они не ставили перед собой задачи найти строго детерминированные зависимости между почерком и психофизиологической природой мужчин и женщин, а попробовали решить практическую проблему «в лоб», т.е. посредством наблюдений определить комплекс проявлений признаков почерка, частота появления которых в рукописях мужчин и женщин различна и статистически значима. Информативными оказались 21 признак почерка. Таким образом, эта проблема была решена в отношении почерков, характеризующихся высокой степенью выработанности.

Начатое указанными авторами направление работы имело продолжение. З.И. Кирсанов и А.П. Рогозин разработали также на базе

вероятностного подхода и использования статистического анализа методику дифференциации пола и возраста по средне- и маловыработанному почерку (38). Эта методика в дальнейшем была модифицирована на основе применения несколько другого математического аппарата авторским коллективом — О.Н. Каюновым, Н.Г. Сахаровой и А.В. Смирновым (39). Смысл модификации — меньшая трудоемкость освоения и применения методики, большая надежность результата.

В отличие от других авторов З.И. Кирсанов и А.П. Рогозин попытались как-то объяснить возможность дифференциации пола по почерку с позиции нейрофизиологии управления движениями при письме. «Мышечная система у мужчин, — отмечает З.И. Кирсанов, ~ легче переносит кратковременную, но энергичную нагрузку, мышечная же система женщин — длительную, но слабую. По этим же причинам движения руки в процессе письма у женщин более плавные, чем у мужчин. Следствием данных различий является преобладание в рукописях женщин овальных элементов букв, а в рукописях мужчин — угловатых элементов с резкими изменениями направления движения руки» (40, с. 7—8). А.П. Рогозин это различие характеризует так: «**При** письме движения руки у многих женщин плавные, почерк чаще бывает округлым, имеется много гирляндных связей, левоокружных и правоокружных петель, завитковых начальных элементов букв. Овальные движения более экономичны, чем движения с резкой переменной направления орудия письма (например, при угловатом почерке). У большинства мужчин наблюдаются резкие перемены направления движений при выполнении и связывании письменных знаков и их элементов. У них чаще встречается мелкий и угловатый почерк» (41, с. 23).

Были и другие попытки выдвижения и подтверждения гипотез о проявлении в почерке полового диморфизма, о существовании причинной связи между условиями функционирования личности в сфере того или иного вида трудовой деятельности (профессии) и почерком, между внешним строением тела человека, особенностями функционирования его внутренних органов и психикой личности, с одной стороны, и почерком — с другой (42). Однако уровень разработки заявленных гипотез не позволяет говорить об их подтверждении, поэтому интерес к ним сохраняется лишь как к предположениям.

Примерно в то же время на экспериментальной и статистической основе была начата и продолжена работа Ю.Н. Погибко и др. над созданием комплекса методов, позволяющих дифференцировать пол, возраст, а также психофизиологические характеристики лица по почерку (43). Однако свое завершение эта работа получила уже в современный период.

Изучение избирательной и временной изменчивости почерка

В рамках развития теории судебно-почерковедческой идентификации, проблемы которой всегда были приоритетными по понятным причинам для криминалистов, разрабатывались и вопросы, связанные с проблемой решения диагностических (не идентификационных) задач судебно-почерковедческой экспертизы. Изучались возможности такого рода исследований (44), определялся предмет (45), рассматривались более конкретные вопросы этой проблемы, как-то: возможности установления автоподлога и подражания при исследовании подписей (46, 47), определение характера влияния свойств пишущего прибора на признаки почерка (48), физической усталости (49), необычного психофизиологического состояния (50), письма левой рукой (51), состояния алкогольного опьянения (52, 53), позы и материала письма (54, 55), отсутствия зрительного контроля (56), травмы мозга (57) и многие другие. Одновременно исследовалось влияние на формирование почерка различных этапов его развития и возрастного фактора (58, 59 и др.).

Сначала работы такого плана проводились в русле изучения устойчивости почерка и его признаков при письме в различных и прежде всего необычных условиях, включая необычную установку и разумеется намеренное изменение почерка. Публикации основывались на анализе практических случаев, наблюдениях и их обобщении, отдельных небольших экспериментах. Основной целью этих работ было выделение устойчивых признаков, на которых возможно было бы построить решение идентификационных судебно-почерковедческих задач. Однако при этом специально и невольно обращалось внимание и на неустойчивые признаки, их характерность для определенных условий, в которых выполнялась рукопись. В дальнейшем симптоматичность влияния на почерк конкретных необычных условий становится предметом самостоятельных исследований. Среди этих работ были серьезные экспериментальные разработки, не потерявшие своей методической ценности и сейчас (напр., 52, 53).

Со временем появляются специальные теоретические и экспериментальные исследования, посвященные проблемам судебно-почерковедческой диагностики.

Первым монографическим исследованием этого плана была работа авторского коллектива под ред. Л.Е. Ароцкера (60). В ней авторы определяют предмет неидентификационных (прообраз диагностических) исследований почерка, экспериментально исследуют зависимости признаков почерка от влияния таких необычных условий, как физическая усталость, низкая температура окружающей среды, необычное психофизиологическое состояние, фактор време-

ни. Результаты экспериментального исследования представлены в процентных показателях, позволяющих оценить симптоматичность проявлений признаков для определенных условий, что дало основание для некоторых методических рекомендаций экспертам. Все результаты данного экспериментального исследования имели предварительный характер, что отмечали авторы работы. Однако главная ценность ее состоит в том, что именно она положила начало уже не попутным для идентификации, а целенаправленным разработкам в области судебно-почерковедческой диагностики.

В дальнейшем проблема получила развитие в монографическом исследовании А.А. Куприяновой, которая сформулировала теоретические положения судебно-почерковедческой диагностики в плане установления воздействия на почерк различных «сбивающих» факторов. Именно ею в терминологию судебного почерковедения введен термин «диагностическое исследование» (61).

На базе положений из области физиологии, биомеханики и медицины А.А. Куприяновой представлена концепция избирательной зависимости признаков почерка от различных «сбивающих» факторов, построена классификация признаков почерка с учетом этой зависимости и даны рекомендации по исследованию признаков для экспертов, решающих задачу диагностики по почерку различных групп «сбивающих» факторов.

В этот период в теории судебной экспертизы складывается представление о существенном для диагностических исследований фундаментальном качестве объекта — его избирательной изменчивости как способности избирательно реагировать на возмущающие воздействия внешней среды и внутренних условий, присущее функционально-динамическим комплексам навыков вообще и ПД ФДК в частности (62).

Развитие диагностических исследований в рассматриваемый период ознаменовалось целым рядом экспериментальных работ, проводившихся как непосредственно для решения диагностических задач, так и для оптимизации идентификационных исследований (напр., 63, 64 и др.). Это понятно, поскольку в практической работе эксперта-почерковеда очень часто решение идентификационных и диагностических задач совмещается в одном едином процессе. При этом главной методологической особенностью работ этого периода в судебном почерковедении вообще было обращение к математическим (количественным) подходам и методам, в первую очередь, к реализации вероятностного подхода, к использованию статистического анализа и статистической теории распознавания образа.

Примером работы такого плана, имеющей практический выход, была экспериментальная работа авторского коллектива **ВНИИСЭ**, посвященная исследованию намеренно измененного почерка ско-

рописным способом (65). Несмотря на то, что в зарубежной криминалистике довольно много работ посвящены этой проблеме, данная работа в области судебно-почерковедческой диагностики необычных условий была первой, построенной на вероятностно-статистическом подходе и статистическом анализе. Результатом этой работы явилось подтверждение гипотезы о статистической природе признаков намеренного изменения почерка, об их зависимости от исходного строения почерка пишущего лица. В итоге была создана методика решения диагностической задачи — установления факта намеренного изменения почерка скорописным способом (66). Эта методика не потеряла своего практического значения и в современных условиях.

На аналогичной методологической основе была построена экспериментальная работа А.Р. Расулова, посвященная созданию количественной методики установления факта выполнения рукописи непривычной левой рукой (67). Она также действенна и сейчас.

Примерно с конца 70-х годов внимание криминалистов перемещается с больших по объему почерковых объектов на рукописи ограниченного объема — подписи и краткие записи. Это было связано с потребностями следственной и судебной практики, т.к. чаще всего судебно-почерковедческие экспертизы назначались и проводились именно по этим объектам. Отсюда дальнейшие разработки в области судебного почерковедения направляются на адаптацию общих теоретических и методических основ судебно-почерковедческой экспертизы именно к такого рода объектам и создание новых методов и методик их экспертного исследования. При этом, естественно, в первую очередь решались проблемы идентификационного исследования. Однако в практике экспертизы решение идентификационных задач настолько тесно переплетается с решением задач диагностических, что разрабатывать проблемы идентификации строго изолированно от вопросов диагностического исследования просто невозможно. Примерами такого рода тесно связанных идентификационных и диагностических, своего рода интеграционных задач являются: установление неподлинности подписи и факта выполнения ее с подражанием, намеренного изменения своей подписи (автоподлога) и другие.

В рамках экспериментальных исследований, направленных на решение подобного рода задач, разрабатывались на количественном уровне проблемы установления подлинности либо неподлинности кратких и простых подписей, выполненных с подражанием после предварительной тренировки (68, 69). Предметом специального исследования стали подписи, выполненные в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести (70). Упомянутые исследования, завершившиеся созданием соответствующих методик для производства

экспертиз, объективизируют процесс экспертного исследования и успешно применяются в экспертной практике.

Проблему временной (возрастной) изменчивости почерка в последнее десятилетие рассматриваемого периода разрабатывали применительно: к текстовым почерковым объектам Т.А. Чепульченко (71) и к подписям В. В. Липовский (72). В качестве непосредственного предмета исследования ими были избраны изменения, наступающие в почерке лиц пожилого и старческого возраста. Основной целью разработок было выяснить влияние механизма возрастных изменений организма (старения) и сопутствующих им заболеваний на письмо и почерк. При этом специально решалась диагностическая задача установления факта выполнения рукописи лицом пожилого или старческого возраста и разрабатывались методические рекомендации для экспертного исследования такого рода объектов. Экспериментальные исследования В. В. Липовского завершились созданием методики решения идентификационных и диагностических задач подписей, выполненных лицами пожилого и старческого возраста, которая служит основой принятия решений экспертами и в настоящее время.

Рассмотренные исследования влияния на почерк возрастного фактора тесно смыкаются с исследованиями избирательной изменчивости почерка, т.к. старение организма, с одной стороны, временной фактор, т.к. наступает в определенное время жизни человека, а с другой — «сбивающий» фактор, т.к. обусловлен наступлением нарушений в предшествующем обычном функционировании ПД ФДК.

2.3. Диагностические исследования криминалистов в современный (постсоветский) период

Исследования в области судебно-почерковедческой диагностики в условиях современности представляют собой продолжение, развитие и завершение экспериментальных разработок, начатых как силами больших научных коллективов криминалистов, слаженно работавших в советское время, так и отдельными авторами.

Вопросам типологии почерковых объектов в настоящее время уделялось очень мало внимания. Дифференцировать почерки по способности их владельца к подражанию подписному почерку другого лица попытался А.Н. Лысенко (73, 74). В качестве признаков, отражающих соответствующие способности, он рассмотрел: степень совершенства системы движений, строение почерка и степень его своеобразия. Высокая степень совершенства системы движений, простое строение, низкая степень своеобразия — признаки, харак-

теризующие большие способности подражателя к воспроизведению чужих подписей. Напротив, низкая степень совершенства движений, упрощенное или усложненное строение почерка, высокая степень своеобразия — признаки значительно меньших способностей.

Продолжались и получили свое завершение экспериментальные работы, начатые большим коллективом под руководством Ю.Н. По-гибко, направленные на оптимизацию методов и методик установления по почерку пола, возраста пишущего лица и создание методов определения по почерку психологических характеристик исполнителя рукописи (75—77).

В процессе этих работ авторы высказали ряд соображений, основанных на наблюдениях, которые объясняют связь ряда признаков почерка со свойствами личности. Так они наблюдали: у мужчин менее совершенную систему движений, менее высокую координацию движений 1-й и 2-й группы, меньшую стройность и четкость; у женщин — более совершенную систему движений, большую их ко-ординированность, четкость и стройность. Для установления психологических параметров у мужчин более информативны конфигурационные особенности — строение, форма; у женщин — нажим, размер, расстановка.

Наблюдаемое авторы попытались объяснить с позиции теории построения движений Н.А. Бернштейна и возрастной физиологии, опираясь на то, что у мальчиков период наступления физиологической зрелости более длителен и поэтому письменно-двигательный навык в процессе обучения более длительное время находится под сознательным контролем, т.е. управление движениями осуществляется вышележащим уровнем Д, который не в состоянии обеспечить соответствующие параметры письма.

Нам представляется, что попытка объяснения в исходных позициях правильна, однако не следует забывать, что для мужской двигательной структуры легче сильные, но кратковременные нагрузки, нежели слабые и длительные. Поэтому, надо полагать, дело здесь не в более длительном сохранении сознательного контроля; если бы это было так, то мальчики рано или поздно догнали бы девочек и в почерке взрослых мужчин наблюдаемые авторами особенности не проявились бы. Механизм закрепления этих особенностей, на наш взгляд, в другом. У мальчиков спуск нужных элементов управления движениями с уровня Д на более низкие -- В, С —наступает преждевременно относительно необходимого развития у них двигательного анализатора, именно поэтому происходит закрепление навыков, генерирующих появление в почерке соответствующих признаков.

На основе психологического тестирования и исследований статистических показателей зависимостей признаков почерка от свойств личности авторам удалось создать иерархическую методику

решения задач установления свойств личности в режиме поэтапного исследования:

1 этап — установление пола;

2 этап — установление возраста;

3 этап — установление некоторых биполярных психологических характеристик (уровень интеллекта и др.).

Теоретическое значение этой работы состоит в том, что она отражает зависимости признаков почерка от структурной организации свойств личности, иначе говоря, возрастные зависимости интерпретируются с учетом пола, психологические — с учетом пола и возраста.

Довольно близко к рассмотренным работам авторского коллектива примыкает исследование, предпринятое Е.Р. Российской и другими, направленное на использование зависимостей между почерком и свойствами личности в целях решения задач социальной сферы — профессиональной ориентации человека, подбора кадров на вакантные должности в коммерческих структурах (78, 79). К сожалению, в опубликованных работах этой группы авторов нет количественных данных, подтверждающих наличие изученных зависимостей, нет описания информативных диагностических признаков почерка. Кроме того, эти авторы не видят различия между криминалистическими и графологическими исследованиями почерка. Отсутствие данных о статистических зависимостях в количественном выражении, о надежности результатов исследований, декларативность суждений и смешение с графологией не позволяют поставить в один ряд эти исследования с разработками авторской группы под руководством Ю.Н. Погибко. На этом фоне рекомендации по использованию «графологического анализа» для профессионального отбора вообще опасны. Учитывая невысокую точность и надежность тестирования вообще и естественное снижение их при интерпретации зависимостей между почерком и свойствами личности, возможны и весьма вероятны ошибки при определении психологических свойств кандидата на должность, а отсюда недалеко и до неверных рекомендаций к ее занятию. Таким образом можно навредить как кандидату на должность, так и предпринимателю.

Наконец, еще одним авторским коллективом была сделана попытка создать методику определения пола исполнителя по почерку в кратких рукописных текстах (80). Количественная модель этой методики основана на использовании способа оптимальной двоичной дискриминации классов для определения информативности частных признаков почерка, проявившихся в прописных и строчных буквах скорописи.

В области исследования избирательной изменчивости почерка были продолжены разработки идентификационного и диагностического характера в отношении кратких записей, завершившиеся соз-

данием соответствующих методических рекомендаций и методик для экспертов, включающих возможность установления факта подражания при их выполнении как на качественном, так и на количественном, инструментальном уровне с применением ЭВМ (81).

Был исследован намеренно измененный подписной почерк (автоподлог) (82), завершено начатое в предшествующий период большое комплексное экспериментальное исследование подписей, выполненных в необычных условиях с предложением методики, позволяющей устанавливать в едином процессе следующие факты: автоподлог, подражание, алкогольное опьянение, влияние группы обстановочных факторов и стресса, а также дифференцировать от этих условий факт сходства подписей разных лиц. Методика включает традиционные исследования, алгоритмы решения задач, количественную оценку значимости результатов исследования, решающие правила, реализуется в полуавтоматическом режиме на ЭВМ (83, 84).

Приведенные разработки, имеющие практическую направленность, вместе с тем имеют большое значение для формирования научных основ судебно-почерковедческой диагностики. В их рамках раскрыты внутренние структурные зависимости почерка и установлена их связь с различными «сбивающими» факторами и их группами. Иначе говоря, подтвержден факт существования такого свойства качества почерка как избирательная изменчивость.

В рассматриваемый период внимание криминалистов привлекла и диагностика психопатологических состояний по почерку (85). Были проведены теоретический анализ и экспериментальная работа по этой проблеме, однако подробные результаты нам неизвестны.

2.4. Диагностические исследования почерка в медицине

В советское время в медицинской литературе появлялись отдельные работы, посвященные исследованию письма и почерка в диагностических целях. Одной из таких работ была статья В.Н. Су-ровикина и В.В. Юдина, посвященная экспериментальному исследованию почерка психических больных (86).

Авторы выявили некоторую специфичность проявлений признаков почерка при различных формах заболеваний — в маниакально-депрессивном состоянии, шизофрении различных видов, прогрессивном параличе, эпилепсии, у хронических алкоголиков. **Они** считали свою работу началом исследования почерка в диагностических целях, а выводы предварительными. Относительно небольшой объем испытуемых в каждой из подгрупп не исключал возможности влияния на результаты исследования и других, случайных факторов.

Наиболее полно и систематизирование, в монографической форме проблемы почерковедческой диагностики были представлены в трудах ведущего ученого в области судебной медицины В.В. Томилина (87-89).

В.В. Томилин относит судебную экспертизу письма к классу судебно-медицинских экспертиз, вопреки общепринятой в юридической науке доктрине, относящей судебную экспертизу письма и почерка к классу традиционных криминалистических экспертиз. Оставляя упомянутую позицию В.В. Томилина на его усмотрение, отметим, в его трудах большое внимание уделено вопросам патологии письма и возможностям исследования письма и почерка в целях медицинской диагностики. Одновременно нельзя пройти и мимо того, что его исследования очень важны для криминалистических судебно-почерковедческих исследований, производимых в целях решения идентификационных и диагностических задач.

Монографическим трудам В.В. Томилина присущ высокий уровень обобщения и анализа литературных источников в области медицины и криминалистики как отечественных, так и зарубежных авторов, а также наличие авторских самостоятельных разработок. Это огромный фактографический материал, который нельзя воспроизвести, а можно лишь обозначить в интересующем нас аспекте.

Автор рассматривает естественные и умышленные изменения письменной речи и почерка. В их числе — изменения почерка во времени с детальным анализом формирования почерка в пределах обучения в средней школе с 1-го по 8-ой классы; намеренное изменение почерка с учетом способов искажения.

Особенно интересны разделы работ В. В. Томилина, посвященные патологии письма, в которых рассматриваются изменения почерка, возникающие при различных заболеваниях.

Автор выделяет группу диагностических признаков, отображающих болезненные изменения почерка вообще. К ним он относит: аграфию, параграфию, отклонения от нормы в стиле изложения рукописи, вычурность письма, символизацию, атаксию, нарушение координации движений — извилистость штрихов, тремор. Последний рассматривается с учетом его видов: тремор при дрожательном параличе и энцефалитическом паркинсонизме, интенци-онный тремор при рассеянном склерозе, статический тремор как результат заболеваний токсического характера, утомления, общей нервной слабости.

Отдельно рассмотрены особенности изменений письма при некоторых заболеваниях, интоксикациях и повреждениях, а именно:

а) при поражениях левого полушария головного мозга, поражениях мозжечка, периферических нервов; б) заболеваниях нервной системы (эпидемическом энцефалите, инфекционной хорее, рассеянном

склерозе, остром рассеянном энцефаломиелите, спинной сухотке, семейной атаксии-наследственной мозжечковой атаксии, наследственном треморе, дрожательном параличе, писчем спазме, эпилепсии, неврозах); в) психических заболеваниях и недоразвитии (прогрессивном параличе, шизофрении, маниакально-депрессивных состояниях, олигофрении и др.); г) общих инфекциях, эндокринных расстройствах, авитаминозах; д) в результате приема медикаментов; е) при поражении органов зрения.

Много внимания В.В. Томилин уделил изменениям письма и почерка, наблюдающимся при алкогольной интоксикации с учетом концентрации алкоголя в крови и стадии опьянения. Автор провел специальное экспериментальное исследование, причем раздельно изучил влияние алкогольной интоксикации на процесс письма у лиц, умеренно употребляющих алкоголь, и у лиц, страдающих хроническим алкоголизмом.

В отличие от зарубежных авторов, не наблюдавших зависимости между концентрацией алкоголя в крови и степенью опьянения, отечественными исследователями эта зависимость была зафиксирована. В.В. Томилин дал подробные описания изменений признаков письма и почерка в различных стадиях опьянения (резорбции, элиминации) и при различной его степени.

Так, автор отмечает, что для диагностики наиболее трудна легкая степень опьянения. Общей же тенденцией является нарастание изменений в стадии резорбции и уменьшение в стадии элиминации. У хроников отдельные признаки (изменения в их норме), напротив, в стадии резорбции исчезали, некоторые появлялись и устойчиво сохранялись на протяжении всего периода опьянения, либо также исчезали (нормализовались) в стадии элиминации.

Выводы по результатам исследования заслуживают того, чтобы основные из них были здесь приведены.

Письмо под влиянием алкоголя существенно изменяется. Изменения грамматических, топографических признаков письма и признаков почерка могут наступать при концентрациях алкоголя в крови, не намного превышающих его физиологическое содержание (0,2—0,4‰). Степень выраженности этих изменений зависит от концентрации алкоголя в крови, фазы алкогольного опьянения и степени владения навыком письма. Одни и те же концентрации алкоголя в крови вызывают у одного и того же лица в стадии резорбции более существенные изменения признаков, чем в стадии элиминации.

Характер изменений грамматических, топографических признаков почерка одинаков как у лиц, умеренно употребляющих алкоголь, так и у лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Наличие в их крови даже 0,4‰ алкоголя приводит в ряде случаев к выраженным изменениям признаков, тогда как клиническая картина опьянения может быть не выражена.

Постоянство изменений признаков письма под влиянием алкоголя и определенная зависимость степени этих изменений от концентрации алкоголя в крови дали основание автору рекомендовать пробы письма в качестве объективного теста при диагностике всех степеней алкогольного опьянения — от легкой (субклинической) до средней и тяжелой.

Завершая этот раздел, все же следует отметить ориентировочный характер сделанных автором выводов, т.к. объем проведенного им экспериментального исследования был сравнительно небольшим (16 лиц, умеренно употреблявших алкоголь, и 30 лиц, страдавших хроническим алкоголизмом). Наблюдавшиеся изменения носили характер тенденций, статистический же анализ автором не проводился.

2.5. Диагностические исследования почерка в зарубежной криминалистике и медицине

В зарубежной криминалистике и медицине много внимания уделялось почерковедческим диагностическим исследованиям, в особенности связанным с влиянием на почерк необычного состояния писавшего (болезнь, алкогольное опьянение, употребление наркотиков, фармпрепаратов и т.п.). При этом в целях медицинской диагностики были попытки использовать и графологию. Так, М.А. Брейль в своей работе (90) рассматривает возможности диагностирования психических заболеваний по признакам почерка, а в перспективе призывает к научному сотрудничеству графологов и психиатров для проведения обширной исследовательской работы в этом направлении.

В то же время проблема установления личностных характеристик по почерку зарубежных коллег интересовала мало. Возможно, это связано с постоянным нахождением этой проблемы в поле зрения не криминалистов и медиков, а графологов. Нам известна лишь работа венгерского криминалиста Л. Кишша (91), который провел статистическое исследование 363 рукописных текстов с целью выяснения зависимостей между общими признаками почерка и полом писавшего, а также его возрастом; между характером исследуемого документа, его объемом и также полом исполнителя. Результаты анализа представлены в процентах. Свою работу автор не считал законченной, тем не менее он обратил внимание на следующее: для женщин характерна более высокая степень выработанности, преобладающая округлая форма движений, равномерный правый наклон, средние размер, разгон, связность; средний и малый нажим. В отношении возрастных групп автор не наблюдал отчетливо выраженных зависимостей, за исключением того, что в группе лиц до 20 лет преобладал левый наклон.

Кроме того, автор отметил, что в большинстве случаев анонимные письма выполняют женщины, а мужчины чаще выполняют фальсифицированные официальные документы, женщины чаще пишут по объему большие тексты, чем мужчины.

Имеются сведения о том, что в Германии проводятся исследования, направленные на создание методики определения пола и возраста исполнителя по почерку (92), однако содержание исследований не опубликовано.

Как упомянуто выше, наиболее обширна зарубежная литература, посвященная проблеме влияния на почерк измененного функционального и болезненного состояния писавшего лица. Причем задачи исследований разных авторов были различны: от необходимости разрешения диагностических задач при идентификационных исследованиях до диагностики состояний и заболеваний в судебно-практических и медицинских целях. Характер работ этой группы исследователей тоже весьма многообразен — это теоретические поиски, клинические наблюдения, эксперименты, описание случаев из практики.

Проблемы диагностики находили свое отражение в монографических работах, учебных пособиях. Так в монографии А. Клецка (93, Польша) дан анализ письма левой рукой, намеренно измененного почерка, различной патологии письма, письма слепых и т.п.

Целый ряд работ О. Хилтона (США) посвящен проблеме влияния на почерк внешних и внутренних условий письма (94—96). Он исследовал почерк душевнобольных, влияние на почерк лекарственных средств, алкогольного опьянения. В процессе экспертного исследования придавал большое значение сведениям о состоянии здоровья пишущего и средствах лечения его болезней.

Влияние алкогольного опьянения на почерк О. Хилтон описал по результатам экспериментального исследования на 20 испытуемых с контролем содержания алкоголя в крови, проведенного профессором судебной медицины Ф. Кампсом (Лондонский Университет), который утверждал, что по почерку нельзя установить степень опьянения. Описаны наблюдаемые, специфичные с точки зрения автора, следующие признаки, свидетельствующие об алкогольном опьянении: увеличение размера букв, снижение скорости письма, его четкости, аккуратности, неровность строк, уменьшение связности. **При** этом не наблюдалось изменения нажима. Почти не изменялись подписи. Основной вывод автора — наблюдаемые изменения не специфичны, они могли быть результатом влияния и других причин.

Вообще в зарубежной литературе больше всего исследовалась проблема влияния алкогольного опьянения на письмо и почерк. Этой проблемой заинтересовался немецкий психиатр М. Майер в самом начале прошлого века (97). Проводя эксперименты на самом себе, он еще тогда заметил, что степень влияния алкоголя зависит

от принимаемой дозы, т.е. концентрации алкоголя в крови, что в целом алкоголь, особенно в больших дозах, не ускоряет, а замедляет движения, что паузы между отдельными знаками при приеме малых доз алкоголя сокращаются, а при больших ~ удлиняются. Давление (нажим) при малых дозах увеличивается, при больших — уменьшается. Движения становятся неуклюжими и неловкими.

Над этой проблемой работали многочисленные авторы. Сведения о них охватывают работы, проведенные на уровне теоретического анализа: Майер (1934), Шнейкерт (1939), Пфанне (1954), Хандел (1958), Грюневальд (1963), **Пури** (1965), **Бох**, Швейцер, Муз (1974), Нейдерт (1974), Кугель, Пониковский, (1975); проведенные экспериментально: Мауерхоффер (1951), Рабин Блэр (1953), Де Трей (1954), Швейцер (1955), Хирш, Ярвик, Абрамсон (1956), Гер-хов (1959), Виттлих (1961), Деннемарк (1964), Хилтон (1969), Брюн, Ресби (1971), Конрад (1975), Поль-Менгельберг (1976), Фоли, Мюллер, (1979); содержащие описания случаев из практики: По-фаль, (1959), Легрюн (1963), Сафьяновский (1974, 1980), Легень, Побоха (1980). Наиболее интересными были, естественно, экспериментальные работы. Они были различны по объему испытуемых (от одного человека — Виттлих, до 234 — Деннемарк). В ряде случаев эксперименты проводились с контролем концентрации алкоголя в крови, с применением статистического анализа.

Не имея возможности рассмотреть все перечисленные и им подобные исследования, остановимся на наиболее содержательных из них.

Работой, основанной на довольно обширном экспериментальном материале, было исследование, проведенное Г. Деннемарком (Германия) (98). Он исследовал изменения в почерке, связанные с воздействием алкогольного опьянения на письмо, и пришел к выводу, что даже при небольшой концентрации алкоголя в крови в почерке наступают отчетливо выраженные изменения. При проведении эксперимента Г. Деннемарк учитывал тип реакции испытуемого. В зависимости от того, является испытуемый ваготоником или симпатико-тоником, изменения в почерке наступают в разное время. Быстрее они наступают и также быстрее затухают у симпатикотоников, чем у ваготоников. Комплексы изменений, по его данным, также различаются. Однако как он правильно отметил, отдельно взятых симптоматических признаков для тех и других не наблюдалось.

Д. Пуртелл (США) рассмотрел изменения почерка применительно к 3-м видам употребления алкоголя (99):

а) «социальное» потребление, изучение которого преследует практические цели, в частности включение почерковых тестов по определению состояния опьянения у водителей, что уже реализовано в штате Калифорния и в Германии;

б) медицинские цели — использование в помощь диагностике вместе с фарм препаратами;

в) хронический алкоголизм в диагностических целях. Признаки описаны в отношении каждой группы. К. Пури (США) акцентирует внимание на нарушении координации движений в связи с действием алкоголя (100).

Несколько позднее Н. Галбрайт (США) провел длящийся эксперимент на 35 испытуемых (мужчины и женщины), на каждом по 7 исследований в течение 8 лет (101). Выполнялись тексты и подписи через 30—45 минут после принятия алкоголя, причем доза доводилась до 0,10 — законный предел для вождения автомашин в Калифорнии. Определялась концентрация алкоголя в крови. Описанные изменения:

- наиболее общая тенденция — к небрежности, неряшливости, увеличению масштаба;
- интервалы между словами чаще увеличивались, реже уменьшались, возрастала их неравномерность;
- 51% испытуемых допускали ошибки, пропуски, прибегали к исправлениям;
- темп мог замедляться, ускоряться, оставаться без изменений;

В то же время было нетипично дрожание, которое свойственно алкоголикам-хроникам. В подписях изменений не наблюдалось.

Степень изменения у разных людей была различной (у одних лиц изменения наступали при небольших дозах, у других почерк вообще не изменялся).

В результате исследования автор пришел к выводу, что почерк вообще нельзя использовать для определения концентрации алкоголя в крови. **При** решении диагностических задач надо учитывать индивидуальность реакции человека. К сожалению, в работе нет сведений относительно степени выработанности почерка испытуемых и состоянии их здоровья.

А. Сафьяновский (Польша) пытался экспериментально установить зависимость между изменениями в почерке, наступающими под влиянием опьянения, с учетом степени выработанности и степени опьянения (легкая, средняя, тяжелая) (102). Им изучались признаки почерка (общие, частные) и признаки письменной речи. В эксперименте участвовали 121 человек, находящиеся в состоянии опьянения различной степени. В постановке исследования и описании его результатов отмечается много общего с аналогичной работой советских криминалистов (К.И. Костенко, Т.К. Нефедова и др.). Им также внимание было сконцентрировано на изменениях, наступающих в почерке под влиянием средней степени опьянения, т.к. при легкой они мало выражены, а при тяжелой ПД ФДК близок к распаду.

По данным исследования А. Сафьяновского, основные изменения: замедление темпа письма, нарушение координации движений 1-й группы (угловатость, изломы) и 2-й группы, увеличение нажима

(до сильного), неустойчивость расстояний между строками, нарушения в правописании, избыток исправлений и обводок штрихов.

Выводы автора осторожны: по его мнению, разграничение признаков, характерных для алкогольного опьянения, и вызванные другими причинами (отравление препаратами, стресс) еще недостаточно четкое. **Поэтому** выводы о факте алкогольного опьянения по почерку допустимы только в вероятной форме.

Из последних экспериментальных работ обращает на себя внимание исследование М. Стинсон (США) (103). Ее эксперимент относительно небольшой — 26 лиц разного возраста при учете роста, веса и дозы алкоголя. Результаты исследования этого автора в значительной мере повторяют результаты исследований ее предшественников: снижение читаемости, увеличение размера, разгона, снижение стабильности наклона, нарушение направления линии основания письма, увеличение количества опусков, ошибок, пропусков букв. Вместе с тем ею отмечалось отсутствие изменений в нажиме и скорости письма. Вес человека не влиял на концентрацию алкоголя в крови и изменения в письме и почерке.

Таким образом, обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что экспериментальными исследованиями были зафиксированы закономерные изменения письма и почерка в зависимости от нарастания концентрации алкоголя в крови испытуемых. В ряде случаев учитывались и другие факторы (степень выработанности почерка). Установлено нарастание изменений и некоторое различие их характеров в зависимости от фазы опьянения и его степени. Если в начале увеличиваются размер и разгон, снижается связность, нарушается размещение букв в строке, то далее при еще большем нарастании некоторых из них (размещение и др.) появляются тремор, упрощения, уменьшается размер, наступают колебания в нажиме.

Характер описываемых нарушений различными авторами в основном сходен и вполне согласуется (с учетом различий в терминологии) с теми изменениями, которые наблюдались и описаны в работах отечественных авторов, работавших над той же проблемой. Некоторая противоречивость в описании изменений разными авторами, например, одни авторы наблюдали замедление темпа и увеличение нажима, а другие — их сохранение, связана с ограниченным числом экспериментального материала и наблюдений а также и тем, что не всегда учитывались другие условия — фаза и степень опьянения, характеристики почерка и т.п. Многие авторы обращали внимание на отсутствие жестко детерминированных связей между изменениями признаков письма и почерка, с одной стороны, и влиянием алкогольного опьянения, с другой, т.е. как бы подходили к необходимости поиска других адекватных природе наблюдаемых явлений методов. Однако работы зарубежных авторов, использую-

ших вероятностный подход и статистические методы для исследования рассматриваемой проблемы, нам неизвестны.

Сложность дифференциации различных состояний пишущего, влияющих на процесс письма и почерк, заставила криминалистов и представителей медицины изучать признаки алкогольного опьянения в сравнении с признаками наркотического опьянения, отдельно исследовать совместное и раздельное с алкогольным опьянением влияние фармпрепаратов на письмо и почерк. В итоге результаты исследований неоднозначны. Одни авторы, исследовавшие совместное действие на письмо и почерк указанных факторов отмечали большую зависимость нарушений именно от алкоголя и менее заметную — от фармпрепаратов. Другие авторы констатировали значительные изменения при сочетании мепробамата с небольшим количеством алкоголя (104).

Ряд авторов исследовал отдельно влияние наркотического опьянения на почерк. Уже упоминавшийся ранее Д. Пуртелл, ссылаясь на наблюдения криминалистов Чикагского полицейского управления, писал, что изменения в почерке наркоманов в момент «пика» действия наркотического средства носили «гротесковский» характер.

В отделении терапии, неврологии и психиатрии Маунт-Синай-ской больницы (Нью-Йорк, США) он изучал влияние на почерк галлюциногенных наркотиков (ЛСД, скополамина и др.). Его выводы: почерк под влиянием наркотических средств претерпевает значительные изменения, наибольшая «беспорядочность» в письме наступает после приема этилового спирта, скополамина, ЛСД-25; наибольшее число ошибок наблюдалось после приема скополамина.

В докладе Е. Гетшела (Германия) на 2-м Международном симпозиуме экспертов по документам (15—18 августа 1966 г., г. Копенгаген) (105) рассматривались изменения в почерке, наступающие под влиянием валиума, псилобицина и ЛСД, которые предлагалось учитывать при проведении идентификационных исследований. Эти изменения: валиум улучшает координацию движений, псилобицин приводит к увеличению размера, а в ряде случаев — к усилению нажима, увеличению разгона и расстановки, изменению форм отдельных букв.

Позднее к этой проблеме обратился М. Легень (Польша) (106), который провел экспериментальное исследование 232 лиц, страдающих наркоманией. Они выполняли 2 текста: один во время, второй после употребления наркотиков (период абстиненции). Сравнение производилось со свободными образцами. В результате автор констатировал изменения общих и частных признаков почерка, причем была выявлена зависимость проявления изменений от продолжительности приема наркотиков и от состояния испытуемых. Однако автор считает, что эти изменения нельзя разграничить с изменениями, наступающими при алкогольном опьянении и дру-

гих интоксикациях организма исполнителя рукописи. Тем не менее, при обнаружении описанных признаков автор считает возможным дачу вероятного вывода о факте наркотического опьянения.

В то же время в отдельных работах по этой проблеме содержатся весьма обнадеживающие заявления. Так, А. Букве и М. Ридлер (Франция) (107) считают, что по виду изменения в почерке можно определить, даже, каким веществом оно вызвано: табаком, кофе, алкоголем, тяжелыми металлами (свинцом, ртутью и т.п.), фарм-препаратами (успокаивающими, снотворными, возбуждающими), наркотическими средствами, клеем, органическими растворителями.

Один из упомянутых авторов — А. Букве посвятил свое монографическое исследование фактору «дрожащей руки» (108). В нем он раскрывает понятие «дрожи в руках», рассматривает ее виды и причины: случайная дрожь, дрожь малограмотного, имитируемая; классифицирует соответствующие признаки. Свою работу автор предлагает использовать экспертам и врачам в качестве источника дополнительной информации при диагностике заболевания.

Внимание криминалистов привлекали и иные функциональные состояния, а также заболевания, оказывающие влияние на письмо и почерк. А. Легрюн (Германия) (109) описал случай из практики, в котором по почерку устанавливалось, не выполнен ли документ под влиянием угрозы или сильного волнения. Автор обращает внимание на неравномерность проявления отдельных общих признаков, меньшую связность и другие. Однако он одновременно констатирует отсутствие симптоматичности этих проявлений, т.к. они могут быть в почерке и под влиянием алкогольного опьянения, и в случае болезни.

Специальное исследование было проведено авторским коллективом польских криминалистов (И. Видацкий и др.) (НО) с целью выявления изменений в письме и почерке, наступающих при выполнении предсмертных писем. Ими исследовались письма, выполненные за несколько дней, накануне, непосредственно перед и в процессе самоубийств с помощью газа и яда. Авторы обращают внимание на относительно малый объем предсмертных писем (от 9 до 100 слов), эмоциональность содержания, краткость предложений. Диагностические признаки различны в случаях выполнения писем до самоубийства и в процессе его (после принятия яда и т.п.). В первом случае авторы наблюдали, что письма напоминали черновые, небрежно написанные записи, в которых отмечались нарушения всех общих признаков почерка (при сохранении разборчивости), а во втором — значительно нарушались письменная речь и почерк вплоть до полной неразборчивости (нечитаемости) письма.

Значительно позднее письма самоубийц изучал Д. Санду (Румыния), который попытался выявить признаки для диагностики психического состояния исполнителя и его идентификации. Особое

внимание им было уделено дифференциации этих признаков и признаков, характерных для симуляции самоубийства, а в действительности совершения убийства (111).

Письмо в состоянии гипноза исследовала И. Лэси (США) (112). Целью ее исследования было выяснить: обладает ли лицо, находящееся в состоянии гипноза, большими способностями подражать почерку другого лица, чем в обычном состоянии; может ли лицо под действием гипноза писать так, как писало в ранние годы своей жизни; вообще не изменяется ли почерк лица, находящегося в гипнотическом состоянии, в сравнении с обычным почерком. На все вопросы автор получил отрицательные ответы.

Представители медицины издавна стремились использовать почерк в целях диагностики заболевания (см., напр., 113, 114). Среди медицинских работ более позднего времени прежде всего следует отметить исследования канадских ученых. М. Буассо и др. (115). Эти исследования были посвящены анализу почерка при некоторых экстрапирамидных нарушениях головного мозга. Изучалось влияние на почерк болезни Паркинсона, тремора неясного происхождения, прогрессивного надъядерного паралича, хорей Гентингтона. Целью исследований в конечном счете была диагностика заболевания и определение эффективности лечения лекарственными препаратами. Испытуемыми были 35 пациентов Монреальского неврологического института. В результате выявлены такие особенности: недостаточный контроль, резкие изменения направлений движений, дрожание (тремор), замедленность, напряжение, неточные начала, несоблюдение исходной линии письма, микрография (не часто), поправки, отрывы, «ошибки памяти».

Связь между изменениями признаков почерка и специфическими внепирамидными нарушениями не обнаружена. Определенные лекарственные средства могут улучшить картину почерка. Эксперт должен это учитывать при сравнении с образцами почерка, выполненными в период, предшествующий лечению.

С. Гилмор и Дж. Бредфорд (116) также изучали влияние на почерк медикаментозного лечения транквилизаторами шизофрении и психопатии. Исследовались почерки 16 пациентов по 3 группам признаков: 1) «линейность» (ровность и непрерывность штрихов);

2) размеры букв и интервалов, включая соединительные штрихи;

3) индивидуальные характеристики (частные — **В.О.**) признаки. Результаты были неодинаковы для разных людей, не было обнаружено стойких изменений почерка, что авторы объясняют различной «восприимчивостью» (реактивностью) испытуемых, малой выборкой, большими интервалами во времени отбора образцов. А. Францхайм (Германия) (117) на основе литературных данных и случая из практики свидетельствует о возможности разграничения

признаков почерка, характерных для старческого тремора (размашистость, неравномерность движений и др.) и для паркинсонизма (равномерность, короткая амплитуда дрожания и др.). Он предлагает эти данные использовать в целях установления даты выполнения рукописи.

Предметом специального исследования американского криминалиста Дж. Беренда (118) был старческий склероз. К сожалению, в его работе мало данных об изменениях почерка. Тем не менее он рекомендует эксперту знакомиться с историей болезни предполагаемого исполнителя рукописи, при этом обращать внимание на лекарственное лечение, знать их основное и побочное действия, располагать соответствующими образцами почерка. Автор делится своими наблюдениями о том, что одни лекарства уменьшают дрожание руки, другие усиливают. В последней стадии развития склероза мозга особенно важно иметь образцы почерка, выполненные в тот же день, что и исследуемая рукопись. К каждому случаю следует подходить индивидуально.

В поле зрения зарубежных авторов была также патология зрительного и двигательного анализаторов, сказывающаяся на письме и почерке.

М. Биком (США) (119) изучала тексты и подписи слепых и дала обстоятельное описание признаков, свойственных их почерку с учетом времени наступления слепоты, наличия или отсутствия специального обучения. Автор призывает собирать коллекции рукописей слепых и проводить дальнейший более точный анализ.

Леворучное исполнение текстов и подписей исследовала В. Стивене (США) (120). В отношении текстовых записей приводимые ею данные менее симптоматичны, нежели описанные в отечественной литературе, поэтому нет смысла их приводить. Тем не менее автор считает возможным установление факта выполнения рукописи левой рукой по тексту большого объема. В отношении подписей автор такого вывода не делает. Для экспертного исследования он рекомендует иметь образцы почерка, выполненные обеими руками.

Специально исследовались случаи письма при затруднениях или невозможности писать ввиду слабости или болезни руки, а также ее отсутствия. К. Селлерс (США) (121) провел исследование подписей, выполненных с посторонней помощью. В своей работе он рассмотрел 3 ситуации: 1) приложение силы для управления рукой другого человека, 2) оказание помощи без управления его рукой, 3) поддержание руки (предплечья) или кисти в положении, достаточном для выполнения подписи «дрожащей» рукой. Автор описывает признаки, характерные для каждого вида выполнения подписей, и признаки подделки при ссылках на какую-то из этих ситуаций. **Так**, в первой ситуации, когда рука пишущего направляется другим ли-

цом, в подписи будет больше признаков почерка направляющего руку лица. Такие подписи характеризуются ограниченной свободой выполнения, неуверенностью при выполнении росчерка, необычным написанием начальных элементов (особенно первого), «неуклюжестью» букв, непостоянным нажимом, резкими изменениями направления движений, острыми углами, неравномерными промежутками между буквами, неоправданными остановками, проколами бумаги при использовании перьевых ручек.

В оставшихся ситуациях могут наблюдаться различия с обычными подписями вплоть до появления вообще неразборчивых конструкций.

Автор рекомендует получать сравнительные материалы с соблюдением соответствующих условий, выяснять и учитывать обстоятельства дела, относящиеся к выполнению подписи (физическое состояние, степень помощи, орудие письма, поза и др.).

Б. Фолли и И. Фелли (США) (122) также провели экспериментальное исследование с целью выявления изменений признаков в подписях, наступающих при полной или частичной утрате способности писать (паралич, потеря зрения, старческая слабость). В этих случаях также оказывается помощь другим лицом в виде поддержки плеча, предплечья, кисти и управления ими. Рукописи выполнялись 53 испытуемыми полулежа на кровати. В результате в первом случае — поддержка плеча и предплечья — признаки исполнителя могут сохраниться, но могут утрачиваться, а взамен их появляются признаки почерка поддерживающего и управляющего рукой исполнителя. Во втором случае происходит ограничение движений кисти и управление ею, поэтому замедляется темп письма, изменяется направление линии письма (слева направо вниз), выравнивается размещение движений по вертикали, уменьшаются размер и разгон, увеличивается угловатость движений при выполнении овальных и полуовальных элементов, изменяются сложные по начертанию элементы и проявляются признаки ведущего руку, улучшается читаемость, усиливается нажим.

Примерно к той же проблеме обращается и Л. Михель (Германия) (123), который, ссылаясь на наблюдения многих криминалистов и свои собственные, описывает случаи выполнения завещаний с посторонней помощью (письмо с фиксацией кисти, ведением руки без сопротивления и с сопротивлением) и дает описание соответствующих признаков.

Д. Келли (США) (124) провел исследование подписей, выполненных с помощью вспомогательных средств и протезов, используемых при заболеваниях и травмах руки. В сравнении с образцами, выполненными до использования вспомогательных средств, автор отмечал следующие изменения признаков почерка: увеличение размера букв почти вдвое (при неравномерности размеров отдельных букв), значи-

тельное уменьшение нажима (особенно в первых буквах), неравномерность наклона, неточность движений при выполнении начальных частей букв вследствие скованности движений в вертикальной плоскости, угловатость в нижних частях букв, неточность соединений, увеличение протяженности движений руки при выполнении горизонтальных элементов из-за относительно свободного перемещения руки в горизонтальной плоскости. Однако строение и размерные пропорции сохранялись. Анализируя эти изменения, автор проводит аналогию с изменениями, возникающими при письме в непривычной позе, отмечает, что по мере тренировки такого рода изменений становится меньше.

Известен ряд работ зарубежных криминалистов, посвященных выявлению изменений в почерке, наступающих под влиянием обстановочных факторов.

Ж. Матье (Швейцария) (125) экспериментально исследовал влияние на почерк пишущего прибора (карандаш, ручка — обычная, шариковая, кисточковая) и констатировал наличие изменений, вариативных для почерка. Например, если кончик пишущего прибора толще обычного, то увеличивается разгон. Его вывод: предпочтительнее для сравнения использовать рукописи, исполненные одинаковыми (однотипными) пишущими приборами.

К аналогичному выводу пришла Ж. Мессон (США), исследовавшая в процессе небольшого эксперимента особенности письма фломастером (126). Воздействие пишущих устройств на почерк изучали и другие криминалисты, в частности О. Хилтон.

С. Мортон (США) (127) экспериментально изучала влияние на общие и частные признаки подписного почерка ограничения места для выполнения подписи (заданное уменьшение разгона). Эксперимент был небольшим и его результаты сводились к следующим данным: с уменьшением разгона у отдельных испытуемых уменьшился размер (у некоторых он сохранялся), появилась угловатость в штрихах. Других изменений, имевших существенное значение, не было.

Много внимания зарубежные криминалисты, равно как и отечественные, уделяли тесно связанным с проблемой идентификационного исследования вопросам установления фактов намеренного изменения почерка и подражания почерку другого лица. Сведения об исследованиях криминалистов, изучавших эту проблему до 1970 г. (Г. Шнейкерт (1916, 1925), Г. Мейер (1925), Б. Мюллер (1930), Р. Майер (1933), Э. Локар (1935), О'Хара (1956), Г. Пфанне, (1966)) содержатся в работе (128). Остановимся на более поздних исследованиях.

Д. Харрис (США) (129) экспериментально изучал намеренно измененный почерк в сравнении с обычным у 100 студентов и описал статистическую картину изменений в процентах. Немного более половины испытуемых (51%) изменили наклон, значительно меньше (18%) изменили строение букв, чуть меньше (15%) прибегали к

рисовке каждой буквы, еще меньше (8%) причудливо изображали буквы и одновременно меняли наклон. Существенные изменения отсутствовали у небольшой части испытуемых (7%).

Позднее аналогичное экспериментальное исследование провел Э. Алфорд (США) (130). Образцы были отобраны у 135 лиц. Результаты представлены также в процентных соотношениях. К точным измерениям при обработке экспериментального материала автор не прибегал, считая их невозможными из-за вариационности почерка.

Результаты были следующими. Наклон изменили 37% испытуемых, причем из этого количества 60% пытались писать без наклона, 32% заменили свой наклон на противоположный. Одновременно автор отмечает, что изменение наклона не было выдержанным и успешным. 8% испытуемых пытались писать неуклюжим почерком. 4% прибегали к письму «печатным» шрифтом. Процент испытуемых, изменивших размер букв, был таким же, как у изменивших наклон. Отмечалась тенденция к увеличению размера «витиеватого» (усложненного — *V.O.*) почерка. Расстановка изменялась пропорционально изменению размера. Угловатость как способ изменения почерка наблюдалась у 32% испытуемых. Все испытуемые сохранили свою орфографию.

Интересны данные об изменении частных признаков. 37% испытуемых пытались видоизменить предварительные штрихи, Однако как отмечает автор, не до конца успешно. Из числа этих испытуемых 54% утратили, а 46% добавили их. Аналогично изменялись заключительные штрихи, в основном в букве «s». 53% добавили, увеличили или приукрасили их, 47% — уменьшили или утратили. 50% стремились изменить подстрочные и надстрочные штрихи, чаще нижние петлевые части букв в первой и последней букве слов. 80% пробовали изменить форму прописных букв. 15% испытуемых изменяли расположение точки в букве «i», 60% — использовали круговую форму этой точки. 70% испытуемых изменяли строение цифр: писали их с подражанием печатному шрифту, использовали отсечки.

Общий вывод автора: наиболее часто изменялись признаки, которые резко меняют картину почерка, однако многие попытки не были ни последовательными, ни успешными.

Предметом специального исследования было намеренное изменение наклона. Дж. Регент (США) (131) экспериментально исследовал этот способ изменения почерка. Образцы почерка были отобраны у 100 испытуемых, среди которых 83% обычно писали с правым наклоном, 5% — с левым, 12% — с вертикальным направлением сгибательных движений. При задании изменить наклон 20% стали писать с правым наклоном, 80 — с левым. **При** изменении наклона на левый темп письма замедлялся, разгон уменьшался, нажим увеличивался. При переходе на правый наклон скорость пись-

ма и разгон увеличивались. **Во** всех случаях наблюдалась тенденция к замене строения заглавных букв, переход на петлевую форму соединения букв «d» и «l» с предьдущими.

Несколько позднее аналогичное исследование провел А. Джемисон (Канада) (132). Он отметил стабильность форм букв, аналогичное изменение наклона (влево, вправо). В 25% случаев штрихи стали ломаными и прерывистыми, появились интервалы между буквами. Чаще вносились поправки, увеличивались петли, появлялось направление строки вверх. Все изменения автор характеризует как тенденции.

Интересное экспериментальное исследование возможностей намеренного изменения почерка провели П. Хальдер-Зинн и Л. Майнерт (Германия) (133). Оно отличалось более узкой и конкретной постановкой задач, которые сводились к выяснению, насколько: 1) успешно достигается намеренное изменение наклона, 2) удается заданное изменение некоторых размерных характеристик, 3) 1 и 2 взаимосвязаны.

В эксперименте участвовали 60 студентов: 42 женщины и 18 мужчин (средний возраст — 23,6 года). Из них была выделена первая группа лиц с правонаклонным почерком (36 человек), которой предлагалось писать по возможности с наклоном влево слово «Людвигсбург». Вторую группу из общего числа составили 34 человека, обладающие почерком с нормальной метрикой строчных, над- и подстрочных элементов. Им предлагалось писать то же слово в вариантах: как можно ближе к центру (укорачивая над- и подстрочные элементы) и как можно дальше от центра (удлиняя их). После этого всем предлагалось упражняться в выполнении заданий, в том числе на бумаге с трафаретами, до тех пор, пока они сами не считали, что добились оптимального результата.

При обработке экспериментального материала наклон измеряли с помощью транспортира, выводили средние значения, которые округляли до 0,5 градуса. Размерные соотношения оценивались так:

высота средней полосы (строчные буквы) считалась = 1 и по отношению к ней рассчитывалась метрика над- и подстрочных полос.

В результате авторы пришли к следующим выводам: наклон изменяется легко, при изменении размерных соотношений легко удается увеличение и значительно труднее — уменьшение. В целом размерные соотношения лучше изменяются при меньшей связности. Эти результаты авторы объясняют гипотетически следующим образом: размерные соотношения букв и их элементов, ритмически сменяющих друг друга, управляются по внутренней, скрытой программе и поэтому изменяются труднее. С нашей точки зрения — причина в автоматизированной регуляции относительной метрики на уровне С-1, в котором очень сильны проприоцептивные связи, слабо управляемые сознательно.

Особо следует выделить наблюдение авторов относительно того, что изменение наклона влечет за собой непреднамеренные размер-

ные изменения, а именно: размер увеличивается во всех 3-х зонах (строчной, над- и подстрочной), но особенно в подстрочной. Этот факт отечественными криминалистами ранее не был зафиксирован (64).

В заключение отметим, что виды намеренного изменения почерка, соответствующие признаки, методические рекомендации всегда находили свое отражение в фундаментальных трудах зарубежных коллег, например в книге Л. Михеля (123).

Список литературы

1. Орлова **В.Ф.** Теория судебно-почерковедческой идентификации // **Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 6.**
2. Klages **L.** Handschrift des Menschen. Munchen, 1964.
3. Pophal **R.** Die Handschrift als Gehirnschrift. Rudolstadt, 1949.
4. Mayer **G.** Die wissenschaftliche Grundlagen der Graphologie. Jena, 1925.
5. Periot **M., Brosson P.** Morpho-physiologie de l'écriture. Paris, 1957 // Сборник переводов по криминалистической технике. № 3. Почерковедческие исследования (1951—1964 гг.): **НИИ МВД СССР.**
6. Малестин **Э.** Графография и ее применение // **I.C.P.R. (International Criminal Policy Review).** Oct., 1951. N 51 // Там же.
7. Заудек **Р.** Экспериментальная графология // Вопросы уголовной техники. **М., 1932.**
8. Tittel **K.** Untersuchungen über Schreibgeschwindigkeit «Psychologie des Schreibens und der Handschrift». Munchen, 1934. Bd.11. H.1.
9. Wirti **J.** Druck- und Geschwindigkeitsverlauf von ganzheitlichen Schreibbewegungsweisen // Psychologie des Schreibens und der Handschrift. Munchen, 1938. Bd.11. H.3.
10. Wemer **R.** Über den Anteil des Bewusstseins bei Schreibvorgängen. Ibid.
11. Dietrich **W.** Statistische Untersuchungen über den Zusammenhang von Schriftmerkmalen. Ibid. Munchen, 1937. Bd.11. H.2.
12. Eriennmeyer **A.** Die Schrift. Grundzüge ihrer Physiologie und Pathologie. Stuttgart, 1879.
13. Gross **A.** Untersuchungen über die Schrift Gesunder und Geisteskranken // Psychologische Arbeiten herausgegeben von Emil Kraepelin. Leipzig, 1899. Bd. 11.
14. Diel **A.** Über die Eigenschaften der Schrift bei Gesunden. Ibid. Leipzig, 1901. Bd. 111.
15. Mayer **M.** Über die Beeinflussung der Schrift durch den Alkohol. Ibid.
16. Манасеина **М.М.** О письме вообще, о зеркальном письме в частности и о роли обоих полушарий головного мозга. **СПб, 1883.**
17. Образцов **В.Ф.** Письмо душевнобольных. Казань, 1904.
18. Буринский **Е.Ф.** Судебная экспертиза документов. **СПб, 1903.**
19. Гурьянов **Е.В., Щербак М.К.** Психология и методика обучения письму в букварный период. М., 1952.

20. Гурьянов Е.В. Развитие навыка письма у школьников. М., 1940.
21. Орлова В.Ф. Изучение координации движений при исследовании почерка // Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 2. М., 1956.
22. Второй групповой космический полет // Медико-биологические исследования. М.: Наука, 1965.
23. Манцетова А.И., Неумывакин И.П., Орлова В.Ф., Трубникова В.А., Фрейдберг И.М. Исследование координации движений при письме в условиях космического полета // Космические исследования. М., 1965. Т. 3. Вып. 1.
24. Алтухов Г. В., Манцетова А.И., Неумывакин И.П., Орлова В.Ф., Трубникова В.А., Фрейдберг И.М. Исследование почерка при письме в условиях космического полета // ВНД. (Высшая нервная деятельность). М.: АН СССР, 1965. Вып. 5.
25. Манцетова А.И., Орлова В.Ф., Трубникова В.А. Исследование координации при письме в условиях космического полета // Экспертная техника. М., 1967. Вып. 21.
26. Борягин Т.Н. О научных основах советской графической экспертизы // Сб. работ по криминалистике (Графические исследования): НИИ МВД СССР, М., 1957. № 3.
27. Гурьянов Е.В. Индивидуальные различия в графических навыках письма // Известия АПН РСФСР. М., 1952. Вып. 42.
28. Манцетова А.И., Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Теоретические основы судебного почерковедения // Тр. ЦНИИСЭ. М., 1967. Вып. 1.
29. Wittlich V. Angewandte Graphologie. Berlin, 1951.
30. Зотов Б.Л., Манцетова А.И., Мельникова Э.Б., Орлова В.Ф. Характеристика высоковыработанных почерков по степени сложности движений (строению почерка) // Методика криминалистической экспертизы. Сб. 2. М.: ЦКЛ ВШОН МЮ СССР, 1961.
31. Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Исследование возможностей письменного двигательного навыка с помощью электромиографической методики // Тр. ЦНИИСЭ. М., 1970. Вып. 2.
32. Семин Л.Р., Славуцкая И.А., Ханжанбеков М.И. Использование физиологических методов исследования в судебном почерковедении // Тр. ВНИИСЭ. М., 1972. Вып. 4.
33. Семин Л.Р., Славуцкая И.А. Дифференциация высоковыработанных почерков по степени совершенства системы движений. Метод, письмо. М.: ВНИИСЭ, 1979.
34. Сахарова Н.Г. Дифференциация высоковыработанных почерков с четко выраженной структурой по фону. Метод, письмо. М., 1989.
35. Кулагин П.Г. О возможности дифференциации рукописей на мужские и женские // Проблемы правовой кибернетики (материалы симпозиума). М., 1968.

36. *Экспертная дифференциация рукописей на мужские и женские* Метод, письмо. М.: МВД, 1968.
37. *Судебно-почерковедческая экспертиза*. М., 1971. Ч. II.
38. *Кирсанов З.А., Рогозин А.П.* Методика распознавания по почерку возраста и пола исполнителя рукописи // Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований. М., 1974.
39. *Каюнов О.Н., Сахарова Н.Г., Смирнов А.В.* Модифицированный метод определения пола исполнителя рукописи по средневыврабатанному почерку // Экспертная практика и новые методы исследований. М., 1982.
40. *Кирсанов З.И.* К проблеме распознавания личности по почерку в криминалистике // Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований. М., 1974.
41. *Рогозин А.П.* Некоторые тенденции формирования признаков почерка. Там же.
42. *Серегин В. В.* Возможности судебно-почерковедческой диагностики свойств исполнителей рукописей. Автореф. дисс... канд. юр. наук. 1983.
43. *Хускивадзе Т.Х., Погибко Ю.Н., Ефремов В.А.* О возможности установления зависимости признаков почерка от свойств личности // Экспертная практика и новые методы исследования. М., 1982. Вып. 1.
44. *Ароцкер Л.Е.* Возможности решения неидентификационных задач почерковедческой экспертизой // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы» (материалы научн. конф.). Душанбе, 1962. Вып. 2.
45. *Ароцкер Л.Е.* Предмет неидентификационных исследований в судебном почерковедении // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1970. Вып. 7.
46. *Ароцкер Л.Е.* Криминалистическое исследование подписей, выполненных с подражанием // Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1956. Вып. 2.
47. *Ароцкер Л.Е., Коновалов Е.П.* Признаки автоподлога подписей // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957.
48. *Вольвач Н. С.* О влиянии свойств пишущего прибора на признаки почерка // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957.
49. *Вул С.М.* О возможности установления факта выполнения рукописи в состоянии физической усталости // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1970. Вып. 7.
50. *Гордеева Г.И., Грузкова В.Г.* Установление факта выполнения текста лицом, находившимся в необычном психофизиологическом состоянии // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1970. Вып. 7.
51. *Еливанова М.С.* Криминалистическая экспертиза текстов, выполненных левой рукой. Дисс... канд. юр. наук. Казань, 1966.
52. *Костенко К.И., Нефедова Т.К., Асафьева Н.И.* Устойчивость и изменяемость почерка в зависимости от степени алкогольного опьянения пишущего // Экспертная техника. М., 1967. Вып. 13.

53. *Нефедова Т.К., Татарина Л.И., Трынкина И.А., Кжстенко К.И.* К вопросу об изменении почерка в зависимости от физического состояния пишущего (опьянения) // Проблемы судебной экспертизы. М., 1961. № 2.
54. *Рожкова Г.В.* Устойчивость признаков почерка в зависимости от позы пишущего // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957.
55. *Рожкова Г.В.* Влияние материала письма (различных тканей) на признаки почерка // Проблемы судебной экспертизы. М., 1961. № 2.
56. *Стаховская А.С.* Особенности признаков почерка при письме без зрительного контроля // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1965. Вып. 2.
57. *Трубникова В.А., Шванкова М.В.* Признаки письма в рукописях лиц, перенесших травму мозга // Экспертная техника. М., 1967. Вып. 21.
58. *Мажар ff.М.* Криминалистическая экспертиза рукописей и подписей, выполненных с разрывом во времени в уголовном и гражданском судопроизводстве. Дисс... канд. юр. наук. Харьков, 1967.
59. *Томчлин В.В.* Возрастные изменения навыка письма и их экспертное значение. Автореф. дисс... канд. мед. наук. Л., 1963.
60. *Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе.* Киев, 1972.
61. *Куприянова А.А.* Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований. Дисс... канд. юр. наук. М., 1982.
62. *Криминалистика социалистических стран.* Юридическая литература. М., 1986.
63. *Бурчанинов В.П., Богатырев М.Г., Топольский А.Д., Берзин В.Ф., Суярко В.А.* Устойчивость признаков почерка при умышленном его изменении // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957.
64. *Стрибуль Т.Н.* Зависимость признаков почерка от изменения наклона с правого на левый. Метод, письмо. М.: ВНИИСЭ, 1971.
65. *Богачкина Г.Р.* и др. Исследование рукописей, выполненных измененным почерком // Экспертная техника. М.: ВНИИСЭ, 1972. Вып. 41.
66. *Модифицированная методика установления факта намеренного изменения почерка.* В кн.: Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании в судебно-почерковедческой экспертизе. Метод, пособие. М., 1976.
67. *Расулов А.С.* Установление факта выполнения рукописи непривычной к письму левой рукой. Метод, реком. Ташкент: Таш-НИИСЭ, 1986.
68. *Дутова Н.В.* Теоретические и методические основы судебно-почерковедческого исследования подписи с целью установления ее подлинности (либо неподлинности). Дисс... канд. юр. наук. М., 1985.

69. *Комплексная методика установления подлинности (неподлинности) кратких и простых подписей. Метод, пособие. М., 1987.*
70. *Горгошидзе Л.Ш., Смирнов А.В. Судебно-почерковедческое исследование подписей, выполненных в необычных условиях // Экспертная техника. М., 1985. Вып. 89.*
71. *Чепульченко Т.А. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных лицами пожилого и старческого возраста. Дисс... канд. юр. наук. М., 1986.*
72. *Литовский В.В. Криминалистическое исследование подписей, выполненных от имени лиц пожилого и старческого возраста. Метод, пособие. М., 1983.*
73. *Лысенко А.Н., Орлова В.Ф., Ширикова Н.Ю. Возможности создания методов (методики) установления исполнителя неподлинной подписи // Актуальные вопросы судебной экспертизы: Сб. науч. тр. М., 1992.*
74. *Лысенко А.Н. Установление исполнителей неподлинных подписей // Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. Метод, пособие для экспертов. М., 1997. Вып. 3.*
75. *Герасимов А.Н., Погибко Ю.Н. и др. О зависимости психологических параметров личности исполнителя рукописного текста от половой принадлежности // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики: Тез. науч.-практич. конф. Киев, 1993.*
76. *Герасимов А.Н., Погибко Ю.Н. и др. Установление пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности. Метод, письмо. М., 1993.*
77. *Сидельникова Л.В., Герасимов А.Н. Установление пола, возраста и психологических характеристик исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности. Метод, письмо. (Рукопись). М., 2000.*
78. *Российская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М.: Право и закон, 1996.*
79. *Российская Е.Р., Черенков А.М., Бородин А.Л. Графология: вчера, сегодня, завтра // Записки криминалистов. 1994. Вып. 3.*
80. *Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов. Учеб. пособие. М., 1990.*
81. *Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. М., 1996. Вып. 2*
82. *Маркова Л. В. Криминалистическое исследование подписей, выполненных лицами от своего имени с намеренным искажением. Дисс... канд. юр. наук. М., 1992.*
83. *Криминалистическое исследование подписей, выполненных в необычных условиях (намеренное изменение, подражание, состояние алкогольного опьянения и стресса) в целях установления их подлинности (неподлинности). Метод, пособие. М., 1994.*

84. Орлова **В.Ф.**, Смирнов **А.В.** Исследование подписей, выполненных в необычных условиях. Метод, пособие. М., 1998.
85. Бобовкин **М.В.** Возможности судебно-диагностического исследования письма лиц, находящихся в психопатологических состояниях. Автореф. дисс... канд. юр. наук. М., 1998.
86. Суровикин **В.Ф.**, Юдин **В.П.** К особенностям почерка психически больных // Судебная экспертиза. Иваново, 1934.
87. Томилиן **В.В.** Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма. М., 1963.
88. Томилиן **В.В.** Основы судебно-медицинской экспертизы письма. Дисс... докт. мед. наук М., 1969.
89. Томилиן **В.В.** Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М., 1974.
90. Breil **M.A.** Graphologie im Dienste der Psychiatrie // Psychol.u. Psychiatr. Karger, Basel, New-York, 1964. Обзор зарубежной литературы по вопросам криминалистической экспертизы документов (1964-1967 гг.). М.: ЦНИИСЭ, 1968.
91. Kiss **L.** Az elkovetok szemelyere vonatkozó következtetések levonásának lehetőségei kezesrások statisztikai elemzése alapjain // «Bunu-gyi Tehnikai Kozlemenyek», 1973. Обзорная информация. М.: ВНИИ-СЭ, 1977. № 5.
92. Manfred Philipp. Expected Future Developments in the Forensic Information — System Handwriting (FISH), 4-я Европейская конф. полиции и экспертов-почерковедов. Лондон, 12—14 окт. 1994 г.
93. Klesk **A.** Psichofiziologia i patotogija pisma. Lwow-Warszawa, 1924.
94. Хилтон **О.** Исследования почерка душевнобольных: Реферат статьи // Криминалистика. 1962. Вып. 4.
95. Hilton **O.** Consideration of the Writer's Health in Identifying Signatures and Detecting Forgery // J.F.S.-(Journal of forensic Science). 1969. Vol. 14. № 2. // Обзорная информация. М.: ВНИИСЭ, 1976. № 6.
96. Hilton **O.** A Study of the Influence of Alcohol on Handwriting // J.F.S., Vol. 14. № 3. 1969. Ibid.
97. Mayer **M.** Über die Beeinflussung der Schrift durch den Alkohol // Kraepelins Psychologische Arbeiten. Leipzig, 1901. Bd. 111.
98. Dennemark **H.-G.** Die Handschrift Angetrunkener unter Berücksichtigung der Reaktionstypen // Kriminalistik. Hamburg, 1964. Н. 1. Бюллетень переводов зарубежной литературы. М.: ЦНИИСЭ, 1966. Вып. 1.
99. Purtell **D.J.** Effects of Droge on Handwriting // J.F.S., 1965 Vol. 10. № 3. // Обзорная информация. М.: ВНИИСЭ, 1976. Вып. 6.
100. Pun **K.S.** Effects of Intoxication on Handwriting // The Journal of Criminal Law and Criminology, 1965, 56, 3 // Обзор зарубежной литературы 1964-1967 гг. М.: ЦНИИСЭ, 1968.
101. Galbraith **N.G.** Alkohol: Its Effect on Handwriting // J.F.S., 1986. Vol. 31. № 2 // Судебная экспертиза за рубежом. М.: ВНИИСЭ, 1988. Вып. 1.

102. *Safianowski A.* Identyfikacja osoby na podstawie rekopisu wykonanego przez nią w stanie nietrzeźwym // Problemy Kryminalistyki. 1974. № 112 // Обзорная информация. М.: ВНИИСЭ, 1977. Вып. 5.
103. *Stinson M.* A Validation Study of the Influence of Alcohol on Handwriting // J.F.S. 1977. 42(3).
104. *Zirke G.A., McAtee O.B., King R.D.* Meprobamate and Small Amounts of Alcohol // J.A.M.A., Vol. 173. № 16. Aug. 20(1960).
105. *Goetschel E.* Zum Einfluss von Drogen auf die Handschrift // Kriminalistik. 1967. H.1
106. *Legien M.* Der Einfluss von Drogen auf die Handschrift // Kriminalistik. 1977. H.10 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1978. Вып. 4.
107. *Buquet A., Rudler M.* Handwriting and Exogenous Intoxication // Inter-pol. 1987. № 408 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1988. Вып. 4.
108. *Buquet A.* The Trembling — Hand Factor in Document Examination // Interpol, 1986. № 400.
109. *Legrun A.* Zum Ausdmck der Erregung in der Schrift // Kriminalistik. 1965. H.5
110. *Widacki J., Felus A.* Zwarysiewicz. Zakocenia izmiany w pismie samobojcow // Archiwum medycyny sadowej i Kryminologii. 1977, 27, № 1 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1977. Вып. 4.
111. *Санду Д.* Признаки (симптомы) самоубийства в почерке // Реферативная информация о 1-м европейском симпозиуме судебных наук (Швейцария, 17-19 сентября 1997 г.) / Пер. РФЦСЭ, 1999.
112. *Lacy J.* Handwriting and Forgery under Hypnosis // The Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. 34. № 5 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1974. Вып. 1.
113. *Gross A.* Untersuchungen uber die Schrift Gesunder und Geist-eskrankter // Psychologische Arbeiten. Bd.2. Leipzig, 1899.
114. *Schneidemuhl G.* Die Bedeutung der Handschriftenbeurteilung fur die Arzt // Deutsch. Med. Wochenschr. Jg.50. NN 34, 35. 1924.
115. *Boisseau M.* et al. Handwriting Analysis of Several Extrapryami-dal Dusorders // Canadian Society of Forensic Science Journal. 1987. Vol. 20. № 4 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1989. Вып. 6.
116. *Gilmor C., Bradford J.* The Effect of Medication on Handwriting // J. Can. Soc. For. Sci. 1987. 20, № 4.
117. *Fran-jieim L.* Vorgetauschte Schuttellahmung im Schriftbild // Archiv fur die Kriminologie. 1965, 135, 5—6 // Обзор зарубежной литературы. М., 1968.
118. *BehrendtJ.R.* Alzheimer's Disease and Its Effect on Handwriting // J.F.S. 1984. Vol. 29. № 1.
119. *Beacom M.S.* Modern Educational Aids for Simplified Explanations of Handwriting Comparisons // J.F.S. Vol. 13. № 4. 1968. // Обзорная информация. М.: ВНИИСЭ, 1976. Вып. 6.

120. *Stevens V.* Caracteristiques de 200 Signatures de la mauvaise main // Revue internationale de police criminelle. Paris, 1970. № 237. Бюллетень переводов зарубежной литературы. М.: ВНИИСЭ, 1972. Вып. 12.
121. *Sellers C.* Assisted and Quided Signatures // The Journal of Criminal Law, Criminologie and Police Science. 1962. Vol. 53. № 1. // Обзорная информация. М., 1976. Вып. 6.
122. *Foley B.C., Felly J.H.* Quided Hand Signature Research // J.P.S. and Administration. 1977. Vol. 5. № 2 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1978. Вып. 3.
123. *Michel L.* Gerichtliche Schriflvergleichung. Berlin-N-York, 1982.
124. *Kelly J.H.* Effects of Artificial Aids and Protheses on Signatures // Journal of Police Science and Administration. 1975. Vol. 3. № 4.
125. *Matyer J.* Influence de l'instrument utilise sur l'ecriture et les signatures // Revue international de criminologie et de police technique 1967. № 1.
126. *Masson J.F.* Felt Tip Pen Writing Problems of Identification // J.F.S. 1985. Vol. 30. № 1.
127. *Morion S.E.* How Does Crowding Affect Signatures? // J.F S 1980. Vol. 25. № 1.
128. *Исследование* рукописей, выполненных измененным почерком // Экспертная техника. М., 1972. Вып. 41.
129. *Harris J.J.* Disquised Handwriting // J.C.L.C.P.S. 1953. Vol. 43. № 5 // Обзорная информация. М., 1976. Вып. 6.
130. *Afford E.* Disquised Handwriting. A Statistical Survey of **How** Handwriting Its Most Frequently Disquised // **J.F.S.** 1970. Vol. 15. № 4 // Там же.
131. *Regent J.* Changing Slant: is it the Only Change? // J.F.S. 1977. Vol. 22. № 1 // Судебная экспертиза за рубежом. М., 1978. Вып. 3.
132. *Jamison J.A.* Effects of Slofe Change on Handwriting // Canadian Society of Forensic Science Journal. 1983. Vol. 16. № 3.
133. *Хальдер-Зинн П., Майнерт Л.* Целенаправленное изменение положения письменного текста и размерных соотношений букв и буквенных элементов в почерке // Archiv fur Kriminalistik. 1990. № 5, 6 / Пер. РФЦСЭ: 6880, 6881.

Глава 3

ПОЧЕРК КАК ОБЪЕКТ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Физиологические и психологические предпосылки отражения в почерке свойств личности

Разработанные в судебном почерковедении теоретические основы судебно-почерковедческого идентификационного исследования полностью относятся и к судебно-почерковедческой диагностике. Общими для них являются все положения, содержащие знания об анатомии письменного-двигательного аппарата, биомеханике письменных движений, построении их системы и управлении ею со стороны нервных центров, формировании и функционировании ПД ФДК (1, 2). Однако закономерности, определяющие качества почерка как объекта судебно-почерковедческой диагностики, еще исследованы недостаточно. Если в отношении идентификационных исследований уже сложилось довольно четкое представление о существенных качествах почерка, позволяющих видеть в нем источник информации об идентификации исполнителя рукописи — индивидуальности, устойчивости, вариационности, то в отношении диагностики такой полной картины еще нет. Лишь относительно недавно в криминалистике, в том числе в судебном почерковедении, сформировалось представление о таком качестве почерка, как его избирательная изменчивость и возможности основывать на нем решение диагностических задач, связанных с установлением влияния на процесс письма «сбивающих» факторов (3, 4). Это качество будет предметом специального рассмотрения в данной главе. В отношении же научной базы для атрибутивно-диагностических исследований подобного рода базовых данных чрезвычайно мало.

В работах графологов и криминалистов чаще всего декларируются многие общие положения о том, что в почерке отражаются различные свойства личности: социально-демографические, физические, физиологические и психологические, причем многие позиции выдвигаются в виде гипотез, еще ждущих своего подтверждения. Научные же разработки о конкретных зависимостях почерка от свойств личности, как видно из содержания предшествующей главы, весьма немногочисленны. Они свидетельствуют о том, что

соответствующие зависимости существуют, но, как правило, не раскрывают механизма их отображения в почерке. Сведения об этих зависимостях, несмотря на наличие методического выхода отдельных разработок, все же фрагментарны и целостной системы не образуют. Причины такого состояния вполне понятны, если вспомнить, что, во-первых, обращение к проблемам судебно-почерково-ведческой диагностики состоялось значительно позже разработки проблем идентификационного характера и, во-вторых, объект исследования — личность ~ представляет собой чрезвычайно сложное явление нашей действительности.

По словам А. Г. Асмолова: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают.» (5, с. 26) Каждый в своем развитии проходит одни и те же этапы своего становления:

человек как живая система биологической природы — индивид — личность. По определению В.М. Русалова, «личность — это многоуровневое, целостное, интегративное, социально-психологическое образование, ядром которого являются ценностно-смысловые отношения, находящиеся в постоянном развитии и движении» (6, с. 25). В итоге индивид — личность перед исследователем выступает в единстве биологической природы и личностных свойств, на важность изучения как первого, так и второго обращали внимание криминалисты, решая проблемы идентификации и опознания. **Так, В.К.** Стринжа в качестве такого рода объекта определяет личность как «совокупность социальных и физических свойств, присущих конкретному лицу и отличающих его от других людей» (7, с. 12). Считая личность сверхсложной системой, криминалисты рассматривали ее с различных отдельных сторон, не пытаясь охватить всю систему в целом по причине сверхсложности такой задачи. **Так,** например, отдельные авторы предлагали изучать и использовать в целях установления и розыска преступников функциональный портрет личности (8). Судебные почерковеды изучали соответственно связи между признаками почерка, с одной стороны, и отдельными свойствами личности, относящимися к различным уровням ее организации, с другой.

Не пытаясь на современном, явно недостаточном для этого материале построить систему знаний о зависимости признаков почерка от свойств личности, попробуем несколько пополнить фрагментарное представление о свойствах личности и закономерностях, определяющих зависимости от них почерковых объектов.

Даже очень упрощенная схема структуры личности многокомпонентна и обусловлена сложными отношениями. На рисунке 3.1 дана схема свойств индивида — личности, построенная на соотношении природного, генетического и средового, социального начал. Как видно из этой схемы, близкие к природному началу, иначе говоря,



Рис. 3.1. Соотношение природного и социального в структурах индивидуальности и личности

индивидуальные свойства (они расположены слева) — это возрастные, половые, конституциональные (телосложение, биохимические свойства), нейродинамические свойства, особенности, связанные с геометрией больших полушарий, и другие. Эти первичные свойства определяют динамику вторичных — психофизиологических функций и органических потребностей. Наивысшая интеграция этих свойств — темперамент и задатки. Первичные обычно называют первичными, вторичные — психодинамическими (5, с. 53).

По мере перехода слева направо в этой схеме представлены психологические характеристики, являющиеся в структуре личности ведущими. Главные подструктуры психологической составляющей:

мотивация, темперамент, способности, характер. Они связаны в единое целое структурообразующими признаками, к которым относятся эмоциональность, активность, саморегуляция, побуждения (9, с. 79).

Письмо — социальная функция человека. Со способностью писать не рождаются, умение письменно излагать свои мысли и вообще писать человек приобретает в течение довольно продолжительного обучения. Однако как известно из новейших философских работ, сравнительно недавно возникшая область знаний — эволюционная эпистимология — свидетельствует, что «наши познавательные возможности основываются на врожденном аппарате отражения мира, формирование которого совпадает с возникновением жизни... **Все** известные науке живые существа снабжены системой доопытных, врожденных познавательных структур, которые развились в процессе эволюции всего живого, в т.ч. в ходе «родовой истории^ человечества» (10, с. 83).

Врожденные механизмы восприятия, оказывающие влияние на формирование различной функциональной деятельности человека привлекали внимание психологов и изучались ими. Эти исследования, носящие фрагментарный характер, касались и двигательных функций человека. Они имеют фундаментальное значение для раскрытия закономерностей, определяющих связи между свойствами личности и продуктами человеческой деятельности, в том числе письмом. Поэтому остановимся на положениях, определяющих соотношение наследственных, генетических и средовых факторов в формировании двигательных функций, одной из которых является письменная.

К капитальным генетическим детерминантам прежде всего относятся конституциональные (морфологические) особенности человека (11, с. 8). Наследственно зависимые морфологические показатели — это длина тела человека и его конечностей, вес тела, диаметры верхних и нижних конечностей, ширина таза и бедер, обхваты талии, груди, ягодиц, плеч, жировые складки в некоторых частях тела и т.п. (12, с. 166). Однако генотип может влиять на поведение только через морфофункциональный уровень, через анализаторные функции.

Генотип оказывает определенное влияние на формирование зрительных вызванных потенциалов. Генетически обусловлены их параметры, сопровождающие мобилизацию внимания (нейрофизиологические механизмы внимания) (13, с. 92). На основе врожденных способностей зрительной системы происходит опознание фигуры «в результате объединения информации об отдельных участках ее контура в единый код» (11, с. 1).

В отношении двигательных функций наследуется время простой двигательной реакции. Генетически обусловлена двигательная активность у детей 1-го года жизни (14, с. 36—37). Выдвинута гипотеза, что индивидуальный темп выполнения самых разных действий в значительной мере контролируется генотипом (14, с. 38).

Наследственные факторы оказывают большее влияние, чем средовые, на быстроту обучения двигательным навыкам и умениям человека, однако в процессе обучения их роль может меняться (15, с. 155).

Развитие моторики человека в известной степени вообще определяется его генотипом. В частности поэтому для каждого человека существует предел тренировок. Генетически обусловлены аэробные и анаэробные механизмы обеспечения мышечной деятельности. Под значительным генетическим контролем находятся как энергетические, так и рефлекторные параметры скоростных возможностей человека. Индивидуальные особенности развития двигательных способностей в большой мере определяются типом высшей нервной деятельности, генетическая обусловленность которого связана с биоэнергетикой организма человека (13, с. 167).

К врожденным свойствам нервной системы человека относятся электроэнцефалографические характеристики, которые лежат в основе психодинамики индивида (его темперамента) (16, с. 153). Наиболее важные функциональные особенности мозговой частотно-пространственной организации, интегральные характеристики ЭЭГ-активности имеют общемозговой характер и преимущественно наследственную природу (17, с. 20). Генетический контроль чаще всего сказывается на параметрах вызванных потенциалов при ориентировочной реакции. Это — проявление наследуемости индивидуального уровня подкорковых влияний, модулирующих корковую электрическую активность (11, с. 124).

Таким образом, межиндивидуальная вариативность скоростных и энергетических аспектов приема и переработки сенсорной информации в определенной мере зависит от генотипической вариативности (11, с. 13).

В картине психологических характеристик индивида также значительное место занимает влияние наследственных факторов. Так, формирование индивидуальных различий по отдельным характеристикам внимания происходит под отчетливым генетическим контролем (18, с. 251). Вместе с тем влияние генетических факторов прогрессивно убывает с возрастом благодаря овладению произвольной регуляцией деятельности. Дольше других в онтогенезе обнаруживает зависимость от генотипа устойчивость внимания, что может быть связано с генотипической обусловленностью свойств нервной системы. Индивидуальные особенности кратковременной модаль-

но-специфической несловесной памяти для зрительного, слухового, тактильного анализаторов в значительной степени носят генетический характер, что нельзя сказать о словесно-логической памяти, на которую преимущественно влияют факторы внешней среды (18, с. 251-261).

Меж индивидуальная изменчивость психофизиологического ряда формируется под влиянием факторов генотипа (11, с. 11). По данным психологов, «ядро бессознательного составляют унаследованные психические образования» (19, с. 22), причем врожденные факторы действуют на всех стадиях онтогенеза (9, с. 78). Как уже отмечалось, под выраженным генетическим контролем формируется темперамент человека. Конкретнее, по данным одних исследователей, наследственную обусловленность обнаруживают безусловно-рефлекторные параметры свойств нервной системы: сила — слабость, лабильность — инертность, активированность — неактивированность (9, с. 78). Однако другие психологи считают, что сила зависит от генотипа в смысле ее характеристики через уровень чувствительности, а как предел работоспособности — неизвестно, т.к. варьирует в зависимости от возраста (20, с. 109). Генотипический контроль установлен в изменчивости показателей экстраверсии — интроверсии; по невротизму он менее доказан; не установлена связь с генотипом изменчивости психотизма (11, с. 274).

Очень важным моментом в связи с рассматриваемой проблемой является то, что роль генетических и средовых факторов в процессе функциональной деятельности меняется в зависимости от того, в какую функциональную систему данный фактор включен. Так, в комплексе мозговых потенциалов, вызванных движением, генетические влияния слабее, если это движение — цель действия, и сильнее, если оно — средство достижения иной цели (11, с. 9). Это непосредственно касается ПД ФДК, где движение — именно средство достижения цели, которой призвано служить письмо в целом — за" печатлению мысли.

Соответственно роль генотипа различна в формировании индивидуальных особенностей функциональной двигательной системы. Если она выполняется на уровне осознанной произвольной регуляции — эта роль менее выражена и, напротив, очень отчетлива на уровне автоматизированного выполнения. Это означает, что в начале обучения письму, когда роль словесных инструкций и сознательной регуляции очень велика, влияние определенных генетических факторов должно быть меньше, чем в стадии автоматизации ПД ФДК, когда словесные инструкции отсутствуют, а сознательная регуляция уступает место в основном проприоцептивному контролю. В связи с этим интересно утверждение психологов о том, что «зависимость фенотипической изменчивости от факторов генотипа

тем выше, чем более автоматизированным является само движение и чем проще его координационная структура» (11, с. 179). Индивидуальные свойства любого плана характеризуют формально-динамические особенности поведения личности, его энергетический аспект протекания физиологических и психологических процессов, но не определяют ее отношения к действительности. Например, темперамент оказывает влияние лишь на форму реакции лица на окружающую действительность, но не на содержание этой реакции.

Остановимся несколько подробнее на роли генетических (заданных) факторов в организации ПД ФДК на базе теории построения движений, с позиции которой в настоящее время рассматриваются в судебном почерковедении механизм письма и природа почерка (21). Краткая характеристика уровней построения движений, по теории Н.А. Бернштейна, дана в работе (4), поэтому здесь мы ее не приводим. Напомним лишь, что уровней, имеющих значение для рассмотрения построения ПД ФДК 5: А, В, С, Д, Е, причем А и В — субкортикальные, С, Д, Е — кортикальные.

По данным Г.А. Шибаровской, наибольшую генетическую обусловленность обнаруживают показатели динамики подкорковой неспецифической активации (индекс, длительность ориентировочной и условно-ориентировочной ЭЭГ-реакции) (22, с. 143). Поэтому, надо полагать, работа уровней А и В должна находиться под значительным генетическим контролем и, следовательно, под влиянием заданных факторов. В ряду заданных факторов центральное место, скорее всего, будут занимать те показатели, которые определяют двигательные координационные возможности (способности) обучающегося пишущего лица. Они оказывают влияние: на освоение технических навыков в процессе обучения письму — принятие правильной позы, правильного способа держания пишущего прибора и сохранение их; на согласование движений при выполнении письменных знаков — выдерживание ровности штрихов в определенное время их выполнения (начало формирования координации движений 1-й группы). Как известно, по мере обучения письму и автоматизации навыков происходит спуск сознательно регулируемых соответствующих функций на уровни А и В, автоматизировано обеспечивающих реализацию технических навыков и сложившуюся координацию движений. По данным исследователей, «сложные движения обнаруживают наследственную обусловленность, в особенности тонкие, выполняемые кистью, а не всей рукой» (13, с. 37). Движения руки и пишущего прибора, которыми выполняются буквенные и иные письменные знаки, несомненно, относятся к сложным и тонким, т.к. осуществляются мелкими движениями мышц кисти и пальцев, согласованными с движениями предплечья и плеча. Есте-

ственно, каждым пишущим эта задача выполняется в соответствии с его способностями. Вместе с тем, в формировании рассматриваемых координационных структур большое значение имеет вербальный контроль, соответствующие упражнения, сознательное отношение самого пишущего лица к упражнениям и их результату. Именно поэтому, как правило, одновременно, но в результате обучения и практики у пишущих с началом автоматизации стабилизируется высокая координация движений 1-й группы. Однако особенности тонических напряжений мышц, свойственные отдельным пишущим могут сказаться на координации движений 1-й группы и в дальнейшем. Так, едва заметная извилистость в больших по протяженности штрихах, выполняемых разгибательными движениями, может сохраниться и при достаточно выработанном навыке.

Кортикальный уровень С в условиях автоматизированного навыка обеспечивает всю развернутую картину письменных движений. Как известно, уровень С сложный, он включает 2 подуровня:

С-1 и С-2. С-1 обеспечивает всю пространственную ориентацию и метрику движений и в большей мере является фоновым, нежели С-2. С-2 отвечает за формы и направления траекторий движений, которыми выполняется вся система письменных знаков, образующая рукопись. В процессе формирования ПД ФДК, несмотря на кортикальную природу, уровень С очень подвержен генетическому контролю. В его работе сосредоточены функции очень многих анализаторов: зрительного, осязательного, проприоцептивного (двигательного) и др. В процессе письма на уровне С строится вся афферентная модель письма, которая при выработанных навыках реализуется автоматизировано. Функции анализаторов складываются в единую скоординированную систему, в которой особенности, свойственные конкретному лицу, играют определенную роль. Зрительные, двигательные способности, психологические особенности восприятия кратковременной памяти обучающегося лица, его отношение к обучению несомненно скажутся на формировании этой системы. Здесь очень большое значение имеет сознательное отношение к формированию тех или иных почерковых структур: следование вербальным указаниям педагога, прописям, стремление подражать почерку конкретных лиц, желание выработать почерк определенного строения и т.п. Однако всегда обучающийся в соответствии со своими задатками достигает результата в пределах желаемого и возможного, причем и эти пределы в значительной мере определяются им самим. По мере автоматизации, наступающей относительно уровня С, рассматриваемая система стабилизируется и сохраняет все особенности, связанные с воздействием как заданных, так и средовых факторов. Многокомпонентность формирующейся системы предопределяет ее индивидуальность, которая закрепляется в процессе автома-

тизации навыков. В то же время именно многокомпонентность вряд ли даст возможность разобрать эту систему — модель влияний заданных и средовых факторов на формирование и стабилизацию почерка и увидеть однозначную зависимость между теми и другими.

Уровень Д отвечает за соответствие графических изображений письменных знаков их фонетическому содержанию в рукописи. Он является ведущим в письменном процессе и также вносит свой вклад в формирование ПД ФДК, в зависимости от способностей пишущего, ускоряя или замедляя процесс выработки двигательной системы.

Процесс автоматизации несомненно активизирует воздействие заданных факторов. Ослабление сознательного контроля как бы освобождает природные влияния, а поскольку умение писать уже освоено, их воздействие на навык продолжается. Не случайно почерк продолжает формироваться далеко за пределами школьного обучения письму. Естественно, на его формирование большое влияние оказывают средовые факторы, такие как: дальнейшее обучение, работа, профессия, образ жизни и т.п. Однако, поскольку это воздействие происходит в условиях уже освоенного навыка, последний будет отражать качество и меру неосознанного влияния заданных факторов на дальнейшее развитие почерковой системы.

Различия в двигательных и психологических особенностях, которые отделяют одну личность от другой, с учетом средовых факторов должны отражаться в почерке. Однако в связи с многокомпонентностью этого воздействия в почерке мы получаем как бы его суммарный результат, а не «перечень причин-следствий». Нам представляются весьма правдоподобными и косвенно подтвержденными экспериментальными разработками гипотезы: а) чем в большей мере выражено в структуре двигательного механизма и структуре личности писавшего какое-то заданное или средовое качество и б) чем в большей мере выраженные в структуре двигательного механизма и структуре личности писавшего заданные и средовые качества организуются в систему, образующую определенный тип, тем больше вероятность отражения отдельного качества или определенного типа их в почерке.

Наиболее фундаментальными качествами природного свойства обладают различия всех пишущих лиц по полу. Попробуем рассмотреть межличностные половые различия, которые весьма заметны уже на нейрофизиологическом уровне. Так, существенным фактором в межличностной изменчивости потенциалов мозга является следующее: «у женщин более короткие латентные периоды и более высокая амплитуда зрительных, слуховых и соматосенсорных потенциалов» (11, с. 112). Этот факт объясняется чисто анатомическими причинами — различием в длине проводящих путей,

величине мозга и толщине черепа, длине руки (предплечья и плеча). Причем некоторые параметры коррелируют с весом (там же, с. 113—114). При этом примечательно, что специальными исследованиями установлено, что генетический контроль в формировании индивидуальных особенностей мозговых потенциалов, связанных с реализацией двигательного действия, чаще обнаруживается у мужчин, чем у женщин (23, с. 18).

Межиндивидуальные нейрофизиологические и обуславливающие их анатомические половые различия у отдельных особей могут быть выражены в большей или меньшей степени. Отсюда их проявление в двигательном акте может быть как отчетливым, так и «стертым». На них как бы накладываются различия, проявляющиеся на более высоких уровнях построения движений и обусловленные межиндивидуальными различиями в психологической структуре лиц разного пола.

Мужские организмы в процессе приспособления к среде имеют тенденцию к узкой и жесткой специализации. Жесткая же специализация органов, клеток и т.п. обуславливает их хрупкость, а значит и хрупкость всего организма по отношению к внешним влияниям (24, с. 18). Поэтому эффект обучения в большей мере должен быть выражен у женщин и не случайно, как уже говорилось, З.И. Кирсанов и А.П. Рогозин чаще наблюдали строение почерка, приближающееся к прописям, именно у женщин, а у мужчин имели место чаще значительные и разнообразные отклонения от стандартных прописей.

Как следует из литературных источников, по данным американских ученых, стиль мышления у женщин в большей мере несет на себе следы заученных схем. У мужчин наблюдается большее разнообразие ответов при решении интеллектуальных задач. Поиск мысли у мужчин в меньшей мере подвержен уравнивающему влиянию обучения. Большая вероятность достижения высоких школьных успехов девочек объясняется легкостью заучивания и воспроизведения готовых способов восприятия и оценки. Большая подверженность женщин следованию готовым схемам обнаруживается и в социальной сфере. Процент выбора профессии по советам родных и знакомых больше у девушек, чем у юношей. Женщины более уступчивы по отношению к разнообразным внешним воздействиям социальной среды, склонны к деятельности, успех которой может быть заблаговременно предсказан (24, с. 18—19).

Однако рассмотренные межиндивидуальные различия в двигательной и психологической сфере мужчин и женщин также обладают различной степенью выраженности, которая имеет не строго детерминированный, а статистический характер. Различия, влияющие на формирование двигательных навыков, обусловленные ана-

томическими и нейрофизиологическими особенностями, спецификой психологических качеств, не могут быть строго классифицированы в зависимости от пола. Достаточно напомнить, что встречаются мужеподобные женщины и женеподобные мужчины как по своим физическим качествам, так и по психологическим особенностям. Степень выраженности этих качеств и особенностей может быть различной и зависящей от половой принадлежности не строго детерминированно, а статистически. Кроме того, на них накладывает свой отпечаток и сознательное отношение к ним собственно их обладателя. Как пишет Г.С. Тарасов, «для становления человеческой уникальности существенное значение имеют факторы самодетерминации деятельности и поведенческих актов» (25, с. 122).

Обобщая изложенное, можно со всей определенностью утверждать, что связь между половыми различиями и почерком мужчин и женщин несомненно есть. Однако если проявление половых особенностей в структуре индивида и личности носит многофакторный и многокомпонентный, а следовательно, статистический характер, то ожидать строго детерминированных связей между этими особенностями и почерком не приходится. Эту связь определяют: а) заданные факторы, б) средовые условия и в) сознательное воздействие индивида. Это означает, что между половыми различиями в их совокупности и почерком не может быть жестко детерминированной зависимости, связь между ними имеет статистический характер, закономерности которого выражаются в виде законов-тенденций. Именно поэтому графологические построения определения пола по почерку оказались безуспешными, а создать методику определения пола по почерку удалось криминалистам на основе вероятностно-статистического подхода.

Вторым фундаментальным качеством индивида и личности, привлекающим внимание криминалистов, является возраст. Закономерности формирования ПД ФДК, его становления и развития, а также деградации в связи с возрастными изменениями организма индивида также подчинены определенным законам и находят свое отображение в почерке. Об этом свидетельствуют многочисленные наблюдения и исследования, позволяющие дифференцировать школьный маловыработанный почерк и все иные его виды, а следовательно и диагностировать в определенных пределах возраст его обладателя. В предшествующем разделе уже упоминались исследования В.В. Томилина, позволившие ему выделить признаки почерка, по которым можно ориентировочно судить о классе, в котором обучается исполнитель рукописи в пределах средней школы. Специальными, также уже ранее рассмотренными исследованиями установлены признаки почерка, свидетельствующие о возрастной деградации ПД ФДК лиц, достигших пожилого и старческого возраста.

та (соответственно 60 и 74 лет). Таким образом, в почерке находят свое довольно отчетливое отображение возрастные особенности индивида, характерные для периода формирования ПД ФДК, периода его становления, развития и функционирования и периода деградации, разрушения.

В рассмотренных случаях закономерности, определяющие зависимость почерка от возрастных особенностей пишущего, приближаются к жестко детерминированным, поскольку речь идет об очень больших периодах жизни человека (детский, юношеский возраст, зрелость и старость). Однако и здесь соответствующие изменения в почерке у разных пишущих наступают далеко не в строго одинаковое для всех время, т.к. зависят от различных причин и условий (пола, двигательных и иных способностей, состояния здоровья и др.). В еще большей мере отсутствие жесткой детерминации признаков почерка возрастными особенностями индивида проявляется при попытках дифференцировать возрастную зависимость применительно к менее продолжительным отрезкам времени в жизни индивида, находящегося в периоде зрелости и обладающего сформировавшимся почерком. В этом случае преимущественно действуют статистические закономерности, определяющие интересующие нас зависимости. Именно поэтому решить задачу определения возраста по почерку в пределах более коротких временных интервалов криминалистам удалось на основе вероятностного подхода и статистического анализа.

В настоящее время очень мало объективных данных относительно зависимости почерка от отдельных свойств личности. Так, ранее уже говорилось об исследованиях с использованием электро-миографической методики, которыми была намечена определенная зависимость между интегральным свойством нервной системы — уравновешенностью, с одной стороны, и строением почерка, а также способностями пишущего изменять свой почерк и подражать почерку другого лица — с другой. Такая зависимость существует и оказывается достаточно выраженной, видимо, благодаря тому, что речь идет о зависимости интегрального свойства нервной системы индивида и общесистемного признака почерка. Как было видно из ранее приведенного рисунка, свойства нервной системы имеют генетическую природу, постоянны и, наверное, существенны для определения направления формирования определенного строения почерка, а строение почерка, в свою очередь, может свидетельствовать как о структуре этих свойств, так и о зависящих от них двигательных способностях пишущего. К сожалению, дальнейшего развития такого рода работы не получили, поэтому сказанное остается достаточно обоснованной, но все же гипотезой.

Еще сложнее дело обстоит с зависимостями почерковых свойств от отдельных психологических характеристик личности, производ-

ность которых от многообразия генетических (заданных), средовых (приобретенных), в том числе сознательно выработанных, факторов и условий очень велика. В системе психологические характеристики составляют определенный образ, психологический портрет личности. В настоящее время не существует классификации такого рода портретов на обобщенные типы. Поэтому говоря о зависимости почерка от свойств личности, обычно имеют в виду его зависимость от отдельных свойств. К сожалению, мы не располагаем надежными объективными данными, подтверждающими наличие такого рода конкретных зависимостей. Однако если они существуют, то они имеют статистическую природу и дальнейшая работа по их изучению должна строиться на основе вероятностно-статистического подхода. Надо полагать, при достаточной выраженности той или иной психологической характеристики у лица больше вероятность ее проявления в почерке, что подтверждается экспериментальными исследованиями криминалистов. Например, если у лица отчетливо выражено свойство интроверта или экстраверта, то это свойство скорее проявится в почерке, нежели в тех случаях, когда оно имеет промежуточную форму.

Многие психологические характеристики личности строятся на свойствах среднего характера. Наиболее типичное из них — профессия лица. Профессия, несомненно, влияет на формирование и развитие ПД ФДК. При определенном рода профессиях (врач, бухгалтер и др.) это влияние оказывается довольно сильным и проявляется в почерке.

Обобщая изложенное в данном разделе, приходим к следующим выводам.

1. Индивид как личность формируется в течение определенного времени. Роль заданных и средовых факторов в формировании личности на протяжении этого времени может меняться, роль заданных факторов сглаживается, уступая место средовым. Однако некоторые из них сохраняют свое постоянное значение на протяжении всей жизни человека (например, свойства нервной системы).

2. Формирование, становление и развитие почерка сопутствует формированию личности. Безусловно, на этот процесс оказывают влияние заданные свойства индивида, которые должны приспособливаться и использоваться для достижения задачи средового характера — научиться писать в соответствии с принятой системой письма и использовать письмо для целей общения и фиксации мысли.

3. В основе почерка лежит зрительно-двигательный образ, формирование которого происходит под влиянием анатомических, нейрофизиологических и психофизиологических особенностей человека. Система этих особенностей определяет разную степень приспособления заданных факторов к средовым задачам и условиям. Эта

степень приспособления должна отражаться в почерке. **При** этом вполне допустима гипотеза, что при отчетливо выраженных задатках и соответствующих свойствах больше вероятность отражения их в системе почерковых свойств.

4. Множественность факторов, определяющих формирование как свойств личности, так и почерка, не могут дать картины «зеркального» отражения в почерке личностного портрета. Зависимость между свойствами личности и почерком несомненно существует, но она не жестко детерминирована, а статистична.

5. Наибольшая вероятность выраженности в почерке свойств личности, надо полагать, будет в случаях:

- а) интегральности свойства личности, его системности (например, пол),
- б) достаточной выраженности свойства личности в ее структуре.

3.2. Природа избирательной и временной (ситуативной) изменчивости почерка

В основе избирательной изменчивости почерка лежит способность письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков избирательно реагировать на внешние и внутренние возмущающие воздействия или, как их принято называть, «сбивающие» факторы.

ПД ФДК навыков — архисложная многоуровневая система. Будучи сформировавшейся, она индивидуальна и относительно устойчива. Формой устойчивости, как известно, являются вариационность и разброс, обеспечивающие адаптационную функцию этой системы. Адаптационные возможности **ПД ФДК** велики, но не безграничны. Условия выполнения рукописей могут столь резко изменяться, что в системе неизбежно наступают «сбой». **При** этом способность писать не утрачивается, а наступают изменения в **ПД ФДК**, которые выходят за пределы компенсационных возможностей и неизбежно сказываются на почерке. Эти изменения, будучи отраженными в выполняемых лицом рукописях, свидетельствуют о влиянии «сбивающих» факторов на процесс письма.

«Сбивающими» факторами в судебном почерковедении принято считать возмущающие воздействия на процесс выполнения рукописи, нарушающие его обычное (нормальное) протекание. Классификация «сбивающих» факторов, разработанная в судебном почерковедении, имеет иерархический характер и предусматривает следующее их деление:

- постоянные — временные;
- постоянные, в свою очередь, дифференцируются на возрастные изменения и хронические заболевания; временные рас-

смагиваются с точки зрения дифференциации условий на связанные и не связанные с намеренным изменением почерка;

- связанные с намеренным изменением почерка делятся на намеренное искажение своего почерка с целью маскировки и подражание почерку другого лица;
- намеренное искажение своего почерка с целью маскировки дифференцируется далее по способу искажения (скорописное изменение, перемена пишущей руки, подражание буквам печатной формы и др.);
- не связанные с намеренным изменением почерка делятся на внешние или обстановочные (письмо в необычной позе, в движущемся транспортном средстве, на необычной подложке, в затемненном помещении и т.п.) и внутренние или функциональные состояния (состояние алкогольного или наркотического опьянения, стресса, сильное утомление и др.) (26, с. 14—15). Многочисленными наблюдениями и экспериментальными исследованиями, о которых достаточно подробно говорилось во второй главе, установлено, что многие определенные «сбивающие» факторы или их группы вызывают также определенные изменения в почерке, т.е. действуют на почерк избирательно. Это находит свое объяснение в различном механизме и разной силе воздействия «сбивающих» факторов на ПД ФДК.

Теоретическими и экспериментальными исследованиями установлены следующие основные положения, лежащие в основе избирательной изменчивости почерка и определяющие возможности изучения этого его качества:

1) специализированные уровни построения движений, уже бывшие ранее предметом рассмотрения, различно реагируют на воздействие разных возмущающих факторов;

2) взаимосвязанность различных уровней построения движений в процессе письма, их компенсаторные возможности, мобилизуемые системой в экстремальных ситуациях, не позволяют рассматривать избирательную изменчивость почерка как однозначно проявляющееся в почерке качество, а признать статистический характер такого рода проявления; реакции на возмущающие воздействия должны носить характер не жестких закономерностей, а законов-тенденций;

3) выраженность и характер реакции ПД ФДК на возмущающие воздействия зависят не только от вида воздействия, но и от его силы, а также свойств навыков пишущего лица.

Остановимся на перечисленных основополагающих моментах несколько подробнее.

Проблема механизма воздействия «сбивающих» факторов- на процесс письма и почерк с учетом уровневой теории построения

движений исследовалась А.А. Куприяновой, Л.Ш. Горгошидзе и другими криминалистами. На основе их разработок в настоящее время этот механизм представляет собой следующее.

Сложная многоуровневая структура ПД ФДК предполагает, с одной стороны, тесную взаимосвязь, а с другой — одновременно относительную самостоятельность работы всех уровней, задействованных в письменном процессе. В сформировавшемся ПД ФДК все уровни А-Е, участвующие в письменном процессе, строго специализированы. В то же время они представляют собой слаженно действующую систему, в которой в качестве ведущих выступают один-два, в данном случае Д-Е уровни. Остальные, нижележащие уровни, выполняют свои функции автоматизировано.

Любой «сбивающий» фактор оказывает свое воздействие прежде всего на систему в целом и далее — если его действие специализировано -- на соответствующий уровень. Система в целом стремится противостоять возмущающему воздействию «сбивающего» фактора и включает компенсаторные механизмы. Если последние не срабатывают, страдают определенные уровни и при сильном воздействии система в целом.

В случаях, если возмущающие воздействия превышают адаптационные возможности системы, «сбои» прежде всего наступают в нижележащих уровнях, т.к. происходит деавтоматизация процесса. При этом осложняется выполнение функции ведущего уровня Д, обеспечивающего перевод фонем в графемы и несущего определенную смысловую нагрузку. Ему приходится переключаться на несвойственное ему управление нижележащими уровнями. В этом случае соответствующие автоматизмы, обеспечиваемые нижележащими уровнями, выключаются. В первую очередь при этом страдают фоновые уровни А и В, функции которых строятся на проприо-цептивной информации и они слабо связаны с телерецепторами. Отсюда нарушается точность, координированность мелких движений пальцев и кисти, замедляется и становится неравномерным темп письма и нажим. Если нарушения существенны, они затрагивают уровень С и приводят к изменениям метрики крупных движений, преимущественно движений кисти и предплечья.

В связи с тем, что нарушение автоматизма письма является общей причиной «сбоя» в работе системы, его проявления в почерке и рукописи имеют общий характер. Это позволяет судить по почерку о факте отклонения от нормы условий, в которых выполнялась рукопись.

Дифференциация условий по проявлениям в почерке возможна, но в относительно ограниченных пределах и зависит как от вида «сбивающего» фактора, так и от силы его воздействия на ПД ФДК.

Механизмы влияния постоянно действующих «сбивающих» факторов (различного рода патологии и возрастные изменения ор-

ганизма, связанные со старением) изучались представителями медицины и криминалистами. В работах, о которых упоминалось во второй главе, достаточно определенно показаны возможности диагностирования разных групп заболеваний и установления факта выполнения рукописей лицами пожилого и старческого возраста.

В ряде случаев, а именно при поражении вышележащих уровней, включая регуляцию письменной речи, изменения в почерке становятся настолько специфичными, что избирательность проявляется довольно отчетливо (например, при определенных формах шизофрении). При выпадении функций высших центров наступают изменения в смысловой сфере письма, двигательная же сторона может остаться не затронутой. «Сбои» в работе телерецепторов (болезни глаз, если не компенсируются очками) вызывают нарушения в уровне С: теряется пространственная ориентация и проявления в рукописи могут быть весьма специфичными. Однако четких критериев для диагностики определенных заболеваний по почерку не существует, поэтому справедлива рекомендация ряда авторов использовать письмо в медицинских диагностических целях как вспомогательное средство — как своего рода тест. Это понятно, т.к. механизм нарушений функций организма во многих случаях патологии является общим, а отсюда и общность соответствующих изменений в письме.

Старение и сопутствующие ему заболевания, затрагивающие двигательную сферу, сказываются на функциях уровней А-С. Изменения нарастают постепенно, приводя с течением времени к отчетливо выраженным нарушениям. Последние были предметом изучения и описания в литературе (В.В. Липовский, Т.А. Чепульченко). Нарушения этой природы не компенсируются, а постепенно захватывают всю систему.

Избирательность постоянных «сбивающих» факторов во многом зависит от типологических свойств ПД ФДК пишущего, от состояния его организма и сопутствующих средовых факторов. Здесь также сказывается относительный характер избирательности. Поэтому не случайно о постоянстве «сбивающего» фактора, как правило, определенно удастся судить лишь при наличии соответствующих образцов почерка исполнителя рукописи.

Временно действующие «сбивающие» факторы, даже в пределах ранее рассмотренных групп, весьма разнообразны по механизму воздействия на ПД ФДК, но вместе с тем многие из них имеют общие компоненты.

Внешние обстановочные факторы вызывают нарушения функций следующих уровней: неудобная поза, движущийся транспорт — А, В, С-1; необычная подложка и пишущий прибор — А, В, С-1, 2, а иногда и Д (переход на другой вариант письма, например, подра-

жание буквам «печатной» формы для обеспечения читаемости); ограниченная освещенность или ее отсутствие — С-1.

Из числа временных факторов внутреннего характера отечественными и зарубежными авторами наиболее исследован механизм воздействия на процесс письма алкогольного опьянения. Алкоголь избирательно влияет на уровень С-1 и отчасти на С-2, вызывая довольно симптоматичную картину нарушений в процессе письма и в почерке. Механизм влияния наркотического опьянения на ПД ФДК еще мало изучен. Стресс, видимо, поражает двигательную систему в целом, поэтому выделить симптомокомплекс признаков почерка, свидетельствующий о нем, пока не удается. Усталость, надо полагать, сказывается на функциях уровней А, В, С.

Установочные факторы оказываются «сбивающими» чаще всего при переходе пишущим на непривычно быстрый темп письма либо, напротив, на замедленный темп, особенно в связи с намеренным изменением почерка. Слишком быстрое письмо вызывает следующие изменения в его механизме. Уровень Д не успевает осуществлять свои функции в заданном «запредельном» темпе и в нем начинаются «сбои», проявляющиеся в недописывании слов, сокращениях слов, пропусках букв, появлении предельно упрощенных и нечитаемых букв. В уровне С происходит своего рода адаптация к изменившимся условиям: чтобы сохранить способность писать в автоматизированном режиме, нарушаются метрические и топологические характеристики движений (подуровни С-1 и С-2).

Если сопоставить механизм нарушений ПД ФДК при алкогольном опьянении и слишком быстром темпе, то окажется, что в обоих случаях нарушаются функции уровня С. Отсюда не случайно криминалисты, исследовавшие изменения почерка в рукописях выполненных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, считали наиболее сопоставимыми образцами для этих случаев идентификационного исследования рукописи, выполненные в быстром темпе (К.И. Костенко и др.).

Намеренное изменение почерка посредством перемены пишущей руки (обычно письмо непривычной левой рукой) резко нарушает функции всей системы. Однако воздействие этого фактора довольно специфично как по силе, так и по характеру. Неадаптированными оказываются уровни А, В, С-1 и частично С-2. Всю картину управления деавтоматизированным процессом берет на себя уровень Д. В результате на фоне разрушенных автоматизмов, частично восстанавливаемых по ходу выполнения рукописи, выполняются привычные и приспособленные к новым условиям образы (конструкции) письменных знаков. В движениях появляется «зеркальность». Избирательный характер данного «сбивающего» фактора обычно бывает достаточно хорошо выражен.

Намеренное изменение почерка другими способами, включая подражание почерку другого лица, связано с изменением функций уровней С-2 и Д. Вместе с тем, оно обязательно затрагивает и нижележащие уровни, т.к. в этих случаях обязательно происходит де-автоматизация процесса письма. На уровне А усиливается тоническое напряжение мышц, на уровне В теряется целостная координационная и временная структура процесса, на уровне С реализуются другие метрические и ориентационные параметры, нежели присущие ФДК исполнителя. Проявление избирательности тесно связано со способом изменения почерка. Поскольку же способы изменения почерка достаточно четко различаются между собой и реализуются сознательно на уровнях Д и С-2, избирательность проявления их в почерке обычно достаточно хорошо выражена.

Заключая изложенное, подчеркнем, что избирательная изменчивость почерка как основное свойство, обуславливающее возможность использования его для решения задач диагностического характера:

- относительна,
- определяется психофизиологическими факторами,
- различно проявляется в зависимости от многих факторов (силы воздействия «сбивающего» фактора, свойств ПД ФДК, свойств и состояния пишущего лица),
- строго детерминирована лишь в отдельных случаях, чаще связана с группой воздействий; ее проявление, как правило, носит характер закона-тенденции, т.е. подчинено статистическим закономерностям.

Природа временной (ситуативной) изменчивости также тесно связана с приспособительными возможностями ПД ФДК и их проявлениями в виде вариационности и разброса.

При сформировавшемся ПД ФДК в случае письма в нормальных, но несколько варьирующих обычных условиях, обязательно проявляется вариационность почерка и признаков, а также разброс. Нормальные условия письма в разное время никогда не бывают строго одинаковыми. Варьируют освещенность, пишущий прибор. Но, даже если обстановка письма абсолютно такая же, как в предыдущий раз, то внутреннее состояние лица может быть другим. Такого рода колебания в почерке малозаметны и при решении идентификационных и ряда диагностических задач ими можно пренебречь.

Однако если речь идет об отнесении выполнения рукописи к определенному времени (не охватываемому возрастными границами, о которых говорилось выше) или об одновременности либо неодновременности выполнения фрагментов рукописи, указанные выше вариативные колебания, а также колебания в разбросе приобретают определенный смысл.

В рамках судебно-почерковедческой экспертизы могут решаться диагностические задачи о факте дописки, вставки, неодновременности выполнения разных фрагментов одного документа, об отнесении выполнения рукописи к определенному периоду времени.

Если речь идет об установлении неодновременного выполнения в виде дописок или вставок большое значение приобретают проявления признаков, свидетельствующие о различии условий при выполнении основного текста и дописок, вставок (различие пишущего прибора, необходимость разместить дописываемый или вставляемый текст на определенном участке документа). В этом случае сказывается некоторое неудобство условий, а отсюда варьируют общие признаки — в дописке или вставке будет меньше размер букв, разгон, несколько изменится наклон (чаще становится более выпрямленным). Может снизиться и координация движений, особенно 2-й группы, и несколько замедлится темп выполнения дописки или вставки. По наличию такого рода признаков и их различий удастся устанавливать факт дописки или вставки.

Для решения вопроса о неодновременном выполнении фрагментов рукописи необходим симптомокомплекс признаков, характерный для выполнения различных рукописей, выполняемых с небольшими временными интервалами. Здесь большое значение имеют конкретные ситуативные моменты, сопровождающие выполнение рукописи как целого. В начальной части рукописи всегда происходит некоторая почти незаметная адаптация и обычно первые 1—2 слова выполняются несколько медленнее, чем последующие; по мере выполнения большого текста темп нарастает. Эта адаптационная картина сказывается в постепенном изменении общих признаков: размере, разгоне, наклоне, связности (размер и разгон увеличиваются, наклон может увеличиться либо напротив уменьшиться, может стать неравномерным, связность повысится). Если адаптационное развитие почерка прерывается, то это уже некоторый симптом временного перерыва движения. К этому могут присоединиться и некоторые изменения обстановочных и внутренних факторов, о которых уже упоминалось (пишущий прибор, освещенность, температурные условия, состояние лица, настроение и т.п.). Кроме того, динамический характер устойчивости почерка таков, что его подвижность проявляется при выполнении каждой рукописи в отклонениях координационно-скоростного, конфигурационного, ориентационного и нажимного характера, которые укладываются в представление о вариационности и разбросе в этом почерке, но будучи сконцентрированными в одном объекте, несколько отличают его от других. Назовем это явление ситуативной вариационностью. Именно она позволяет отличать друг от друга неодновременно выполненные рукописи и фрагменты текста. Отсюда различия при-

знаков почерка, проявившиеся в разных фрагментах рукописи, становятся свидетельством неодновременности их выполнения.

Задача об отнесении рукописи к определенному отрезку времени, находящемуся в пределах одной возрастной группы, является довольно сложной, но все же при определенных условиях разрешимой.

Вариационность как фундаментальное свойство почерка не стоит на месте, а развивается и деградирует вместе с ним. Поэтому проявления программной и коррекционной вариационности в различные периоды формирования и функционирования ПД ФДК могут носить временной характер и использоваться для отнесения конкретной рукописи к определенному периоду развития и угасания ПД ФДК. Возможности разрешения этой задачи, естественно, будут больше в отношении формирующегося ПД ФДК. В этом случае изменения в почерке постоянно нарастают и, как уже ранее отмечалось, возможно устанавливать принадлежность рукописи ученику определенного класса, а следовательно, определять и время ее выполнения в соответствующий период. Также эти возможности больше и в отношении почерка лиц пожилого и старческого возраста, когда почерк деградирует и изменения в нем наступают достаточно быстро.

Однако и в пределах времени функционирования сформировавшегося ПД ФДК установление периода времени выполнения исследуемой рукописи нельзя считать безнадежной задачей. При наличии обширного материала для сравнения, охватывающего большие временные периоды — предшествующие, соответствующие и последующие относительно искомого отрезка времени, — решение такой задачи принципиально возможно.

3.3. Диагностические признаки и их систематизация

Свойства и признаки почерка, проявления которых используются в процессе судебно-почерковедческих исследований, весьма разнообразны. Поэтому общее определение признака почерка как гносеологической категории возможно лишь ориентируясь на его информативность для решения различных классов судебно-почерковедческих задач. Поскольку идентификация и диагностика в криминалистике рассматриваются в качестве частных случаев общего познавательного процесса — распознавания образов (27, 28), признаком почерка будет такое проявление его свойства, которое информативно с позиции этого распознавания.

Целью распознавания в судебном почерковедении являются: конкретный почерк (идентификация почерка определенного лица),

свойства личности и условия выполнения рукописных объектов (диагностика). Общим содержанием представления об информативности признака, независимо от класса или вида задачи, должны быть степень или мера его способности служить цели распознавания образа при решении указанных задач, различающихся искомыми объектами. Эти степень или мера определяются частотой встречаемости проявления признака в зависимости от искомого объекта.

С этой позиции при идентификации информативность проявления признака определяется частотой его встречаемости в почерках разных людей. В традиционном исследовании это определение осуществляется с помощью методических рекомендаций и «несчитанной» статистики, которой располагает каждый эксперт, благодаря своему личному опыту и практике. Если же методика исследования включает оценочные количественные компоненты, то частота встречаемости проявления признаков в почерках разных лиц, использующих определенную письменность, обладающих определенным почерком по степени выработанности и строению, основывается на статистическом анализе и количественных показателях информативности (или идентификационной значимости) проявлений признаков почерка.

В процессе установления свойств личности (социально-демографических или психологических) в роли признака выступает такое его проявление, которое обладает способностью варьировать по частоте встречаемости в зависимости от изучаемого свойства личности.

В случае диагностики условий выполнения рукописи или «сбивающего» фактора признаком будет его проявление, которое варьирует по частоте встречаемости в зависимости от того, выполняется ли рукопись в норме (общей или индивидуальной) либо в необычных условиях и в каких именно (группе условий или конкретных).

Таким образом, информативность признака — это способность его проявления различаться по частоте встречаемости в зависимости от искомого объекта.

В судебном почерковедении много внимания уделялось изучению содержания признаков почерка как выражению свойств ПД ФДК, их психофизиологической природы. Исследования криминалистов, проводившиеся в основном в русле разработки теории и практики судебно-почерковедческой идентификации, привели к тому, что была создана полная (исчерпывающая на соответствующем уровне развития науки) базовая система признаков почерка и их проявлений, позволявшая описывать любой почерковый объект. Это имело огромное значение и для диагностических исследований, которые могли использовать те же признаки и (или) их проявления для своих целей, рассматривая их информативность с точки зрения спо-

способности служить решению других задач. Так, для решения собственно диагностических задач существенны именно определенные проявления признаков, частота встречаемости которых при наступлении определенных условий высока. Например, определенные проявления таких признаков, как координация движений, темп, нажим носят отчетливо выраженный диагностический характер даже на традиционном уровне их анализа.

Как правильно отмечали многие криминалисты, четкой границы между идентификационными и диагностическими признаками не существует. Зависимость сущности признака от природы объекта сближает содержание диагностических и идентификационных признаков. В качестве диагностических признаков используются определенные проявления идентификационных признаков, а в качестве идентификационных — определенные проявления диагностических признаков, если они присутствуют в образцах почерка предполагаемого исполнителя. Например, проявления сниженной координации движений 1-й группы, имеющие постоянный характер и совпадающие с образцами почерка предполагаемого исполнителя по объему, характеру и локализации проявлений, включаются в комплекс совпадающих признаков при идентификации конкретного лица. В то же время проявление и «поведение» признаков, которые используются преимущественно в идентификационных целях, в том числе частных, может оказаться симптоматичным как для установления свойств личности исполнителя рукописи, так и условий ее выполнения.

Таким образом, специальной базовой системы диагностических признаков почерка не существует и в ней нет необходимости. Для диагностических целей вполне достаточно общепринятая базовая система признаков почерка, используемая в идентификационных целях, которая предусматривает описание всех признаков и их проявлений, доступных выявлению, сравнению и оценке на традиционном уровне исследования. Эти признаки и их проявления доступны и для статистического анализа в целях установления частоты их встречаемости, что и имеет место во многих разработанных нетрадиционных методиках.

Вместе с тем общие принципы систематизации диагностических признаков могут и должны быть сформулированы. Связь систематизации признаков с методическими основами экспертизы требует учета принципов построения методики, схем, процедур решения диагностических задач. При разработке методов решения диагностических задач на основе базовой системы признаков почерка строятся частные системы признаков, ориентированные на решение определенных задач. Многие из них носят сугубо утилитарный характер, т.е. используются только при проведении исследований, на

которые они ориентированы. Например, в зависимости от того, строится ли методика по принципу сужения возможных альтернатив или по принципу выхода на наиболее вероятные условия либо их перебора, основания систематизации будут различаться. Иногда такие системы могут иметь характер просто перечней информативных признаков. Именно таким, например, был перечень из 21 признака, предназначенный для установления пола по высоковыработанному почерку.

На основе изложенного диагностический признак можно определить как проявление свойства почерка, способное служить источником информации о свойствах личности (социально-демографических или психологических) либо об условиях выполнения рукописей. Диагностическими признаками будут признаки, проявления которых используются для установления пола, возраста, психологических характеристик по почерку; признаки, информативные для установления «сбивающих» факторов на процесс письма и конкретных причин, времени, одновременности или неодновременности выполнения рукописей.

Системы диагностических признаков, разработанные для решения различных задач диагностического характера будут рассмотрены в методической части данной работы. Здесь отметим лишь, что к диагностическим признакам вполне применимы многие основания систематизации, принятые в отношении идентификационных признаков. Так, в отношении диагностических признаков могут быть использованы такие основания систематизации, как объем проявления признака (общие, частные), вид представления признака (качественно-описательные, количественные), опосредованность отражаемых свойств (первичные, вторичные).

В связи с тем, что основным содержанием диагностического признака является его информативность для решения определенной задачи, остановимся на этом существенном качестве несколько подробнее.

3.4. Информативность диагностического признака

Общими показателями информативности диагностического признака являются:

- а) симптоматичность проявления признака,
- б) устойчивость (воспроизводимость) проявления признака,
- в) зависимость проявления признака от проявлений других признаков.

Симптоматичность признака определяется степенью связи между признаком (его проявлением) и искомым объектом. По степени

симптоматичности диагностические признаки далеко не равноценны и в диагностирующем комплексе могут занимать различные места. На качественно-описательном уровне их можно разделить на основные (или главные) и вспомогательные (или дополнительные, сопутствующие). Отметим кстати, что аналогичное деление используется и в медицинской диагностике. Основные признаки — это проявления, частота встречаемости которых наиболее значима. Без них диагностика искомого объекта невозможна. Дополнительные признаки — это проявления, присутствие которых в комплексе носит вспомогательный, дополняющий характер. Например, в диагностике необычных условий, в которых выполнялась исследуемая рукопись, основными признаками будут: снижение координации мелких движений (1 группа), замедленность темпа; вспомогательное значение в этой ситуации будут иметь: недостаточность координации движений 2-й группы, недифференцированный нажим и др. На количественном уровне исследования симптоматичность признаков выражается числовыми значимостями, содержание которых составляет частота встречаемости соответствующих проявлений признаков. Такая частота встречаемости отражает меру информативности (значимости) признака.

Однако в процессе исследования диагностических признаков не следует всегда полностью отождествлять значимость проявления признака с частотой. Частота встречаемости — категория статистическая и применима к признакам, частота появления которых не является исключительно редкой. В то же время возможны проявления признаков, которые встречаются редко, но тесно связаны именно с искомым объектом. Они если и встречаются, то при данном условии, а при других вообще не встречаются. Такой признак, несмотря на редкую встречаемость, очень симптоматичен. Например, при установлении факта исполнения рукописи непривычно леворучным почерком наиболее симптоматичным признаком является «зеркальность» движений, выражающаяся в замене обычного направления движений на противоположное. Однако в отчетливо выраженной форме этот признак встречается очень редко, но это не снижает его значимости, т.к. при других условиях он почти не встречается.

Информативность диагностических признаков зависит и от воспроизводимости их, т.к. диагностические признаки различаются по степени их устойчивости, т.е. постоянства проявления в искомых обстоятельствах. Встречаются признаки, постоянно присутствующие при наличии условия конкретного вида или искомой причины, а есть признаки, которые могут быть в наличии, а могут и отсутствовать. Это зависит от постоянства связи признака с искомым объектом. Например, в определенный период жизни человека возрас-

тные изменения постоянны и относительно постоянны проявления их в ПД ФДК и почерке. В отношении многих других условий такого постоянства не будет. Например, стрессовое состояние может порождать изменения в ПД ФДК, а может и не вызывать этих изменений. Воспроизводимость их может зависеть от ряда факторов:

силы воздействия стрессогенной причины, состояния организма лица в данный момент, его личностных свойств.

Важным показателем информативности признака является его отношение с другими признаками в диагностирующем комплексе. Признаки могут быть зависимыми и относительно самостоятельными, что обусловлено теснотой их связи с уровнями построения движений. Например, относительно самостоятельны координация движений 1-й группы и координация движений 2-й группы. Снижение одной из них не влечет за собой автоматического снижения другой, т.к. уровни, управляющие ими, различны (**В** и **С**). **Вместе** с тем, координация движений 1-й группы и темп тесно связаны, т.к. управляются одним уровнем (**В**). При резком снижении координации движений 1-й группы темп замедляется.

Диагностический комплекс — это система, в которой каждый признак занимает определенное место и должен оцениваться с учетом других.

Попробуем информативность признака и некоторые принципы построения систем диагностических признаков рассмотреть применительно к различным искомым объектам и задачам.

Диагностический признак почерка при установлении свойств личности — это проявление свойства, информативное с точки зрения решения задач рассматриваемого вида. Поскольку решение такого рода задач осуществляется на основании информативного комплекса признаков, указанное проявление значимо лишь в сочетании с другими проявлениями, входящими в комплекс.

Связь свойств личности с признаками почерка отражается в межиндивидуальных (типологических) и индивидуальных отклонениях от некоторого нейтрального, общего (пересекающегося) состояния свойств. Отсюда содержанием диагностического признака в этом случае будет мера этого отклонения, выраженная в виде частоты встречаемости его проявления в искомых объектах, т.е. у лиц, обладающих определенными свойствами.

Задачи экспертизы, связанные с установлением свойств личности, в настоящее время решаются только с помощью методик, включающих количественные критерии оценки информативности диагностических признаков. В качестве основы при этом используется базовая система признаков, которая трансформируется в рабочую систему проявлений признаков с учетом установленных экспериментальным путем частот встречаемости проявлений признаков.

В различных методиках авторы используют различный объем признаков и по-разному в зависимости от различных причин, чаще по причине удобства обработки, строят соответствующие подсистемы. Например, при разработке иерархической методики определения по почерку пола, возраста и психологических характеристик использовалась базовая система признаков, проявления которых затем структурировались в зависимости от того, как строилось их исследование: на качественно-описательном уровне, с помощью полуколичественных характеристик либо посредством измерений. В отношении каждого проявления признака, входящего в выделенные группы, определялась частота встречаемости как мера связи с устанавливаемым свойством и соответствующая значимость признака.

Описание проявлений признаков, используемых для возрастной диагностики, в период формирования почерка строится на основе базовой систематизации и качественно-описательного уровня. Содержание диагностического признака в этом случае составит отклонение в ПД ФДК от прописной системы письма и прописных форм письменных знаков. Рабочая система диагностических признаков полностью соответствует базовой систематизации.

Диагностический признак, как отражение избирательной изменчивости почерка, используемый для установления условий выполнения рукописи, в качестве основного содержания определяется мерой обусловленности проявления признака конкретным «сбивающим» фактором или их группой. Эта мера также находит свое количественное выражение в частоте встречаемости.

Диагностические признаки, свидетельствующие о влиянии на процесс письма «сбивающих» факторов, были предметом исследования отдельных авторов с целью построения специальных систем диагностических признаков. В наиболее завершеном виде такая система была предложена А.А. Куприяновой. Она попробовала разделить информативные проявления признаков в зависимости от вида «сбивающего» фактора (постоянный, временный; внешний, внутренний; естественный, искусственный) и их воздействия на определенные уровни построения движений. Цель систематизации ~ очертить симптомокомплексы признаков, по которым можно было бы судить об определенной группе причин (соответственно классификационному разряду), в число которых входит причина, сопровождающая выполнение конкретной рукописи.

При разработке частных диагностических методик использовались разные модификации базовой системы признаков почерка. Необходимым условием построения любой системы диагностических признаков была адекватность процессу решения диагностической задачи. Однако если вести речь о возможности построения системы диагностических признаков на основе базовой системати

звизи с качественно-описательной расшифровкой проявлений признаков, то иерархия построения такой системы должна включать: а) выделение признаков, свидетельствующих о влиянии на процесс письма необычных условий, или об отсутствии такого влияния и б) выделение симптомокомплекса признаков, существенных для установления группы условий или конкретной «сбивающей» причины. Именно такая иерархия типична для процесса традиционного исследования с целью решения задач экспертизы данного вида. В каждом из случаев комплекс признаков содержит неравнозначные проявления и основной задачей их исследования является определение существенных из них (основных) и дополнительных (вспомогательных). Граница между ними в каждом конкретном случае подвижна, для одного условия одни признаки будут основными, для другого — другие. Попробуем рассмотреть общую картину систематизации диагностических признаков для решения типичных задач и подзадач в соответствии с иерархической структурой диагностического процесса.

Иерархическая структура диагностического процесса представляет собой следующее:

1) установление факта выполнения рукописи в обычных или необычных условиях;

2) при установлении факта необычного выполнения — дифференциация факторов: постоянных и временных;

3) при установлении факта необычного выполнения постоянного характера — дифференциация возможных причин: возрастные изменения, хронические заболевания;

4) при установлении факта необычного выполнения временного характера — дифференциация условий, связанных и не связанных с намеренным изменением почерка;

5) при установлении условий, связанных с намеренным изменением — дифференциация искажения своего почерка и подражания почерку другого лица;

6) при установлении факта намеренного изменения (маскировки) — конкретизация его способа;

7) при установлении условий, не связанных с намеренным изменением ~ дифференциация факторов: обстановочных и функциональных, их конкретизация.

Рассмотрим признаки, используемые на каждом этапе, более подробно.

Установление факта выполнения рукописи в обычных или необычных условиях.

Общими для всех почерковых объектов и условий выполнения рукописи в качестве основных будут следующие признаки:

- степень выработанности: наличие или отсутствие признаков ее снижения;

- координация движений 1-й группы: наличие или отсутствие признаков ее нарушения;
- темп выполнения: наличие или отсутствие признаков замедления. Группу сопутствующих признаков образуют:
 - координация движений 2-й группы: ее недостаточность или достаточность;
 - степень совершенства системы движений: недостаточная или высокая;
 - нажим: неравномерный — равномерный, недифференцированный — дифференцированный, нестандартный — стандартный;
 - строение букв: необычное (подражание буквам печатной формы, резко отличающееся от скорописного, плохо читаемые буквы) или обычное скорописное (упрощенное, простое, усложненное);
 - фрагментарность различных проявлений общих признаков на протяжении текста: наличие или отсутствие;
 - наличие или отсутствие исправлений, зачеркиваний, дорисовок;
 - нарушения смысловой организации письма: орфографические ошибки, пропуски букв, недописывания, лишние штрихи и буквы или отсутствие нарушений.

Соответственно наличие описанных проявлений признаков и проявлений признаков, указанных в первых позициях указанных описаний будет свидетельствовать о факте выполнения рукописи в необычных условиях, под воздействием «сбивающих» факторов, а их отсутствие будет, напротив, характерно для выполнения рукописи в обычных для лица условиях.

Установление постоянного или временного характера необычного выполнения исследуемой рукописи.

Основным ориентиром, позволяющим разграничить постоянный и временный характер необычного выполнения исследуемой рукописи, является совпадение (в первом случае) или различие (во втором случае) признаков необычного выполнения рукописи.

Далее, при решении вопроса о характере необычного выполнения исследуемой рукописи важное значение приобретает равномерность или неравномерность проявлений описанных ранее признаков:

степени выработанности, координации движений 1-й и 2-й группы, темпа и нажима, а также определенное сочетание этих проявлений.

Установление возможной причины постоянного характера — возрастных изменений (характерных для пожилого и старческого возраста) происходит с опорой на:

- постоянное нарушение координации движений 1-й группы на протяжении текста в виде мелкой или крупной извилистости или угловатости. Степень выраженности этих проявлений может быть различной и зависит от степени изменений в орга-

низме стареющего человека и от его порогов «сбиваемости» ПД ФДК навыков. Сначала страдают разгибательные и дуговые движения, затем и сгибательные прямолинейные. При отягощении старения заболеваниями нарушения координации усугубляются. Может вообще появиться картина мелкого и крупного дрожания (паркинсонизм);

- темп равномерно замедляется в соответствии со снижением координации движений 1-й группы;
- нарушения координации движений 2-й группы;
- нажим может как усиливаться, так и ослабевать;
- чаще используются простые или упрощенные строения букв;
- встречается фрагментарность общих признаков, исправления, зачеркивания букв, их пропуски, недописывания, лишние буквы.

Изменения проявлений признаков, наступающие при различных заболеваниях многообразны, описаны в литературе и на них останавливаться не будем.

Установление условий временного характера (как связанных, так и не связанных с намеренным изменением почерка).

Эта группа условий весьма многообразна. Первые различаются по способу искажения: умышленное изменение своего почерка в пределах скорописных форм букв (скорописный способ), выполнение рукописи с подражанием буквам печатного шрифта, исполнение рукописи непривычной к письму рукой (как правило, левой), подражание почерку другого лица. Очевидно, что условия, связанные с намеренным искажением почерка, резко различаются между собой механизмом выполнения рукописей, поэтому вряд ли возможно объединить признаки намеренного искажения своего почерка в одном комплексе. Проявления каждого способа искажения довольно симптоматичны, поэтому установление факта и способа искажения в процессе экспертного исследования совмещаются. Для каждого способа строится своя система (или перечень) информативных признаков, описанных в методической литературе и успешно используемых в практике производства экспертиз.

Вторая группа условий, в свою очередь, по механизму воздействия на ПД ФДК делится на два вида: внешние и внутренние «сбивающие» факторы. Наиболее типичными внешними (обстановочными) «сбивающими» факторами являются: необычная (неудобная) поза, необычные материал письма и (или) подложка, необычный способ держания пишущего прибора, движущееся транспортное средство, затемненное помещение или полностью темное помещение, письмо без очков, письмо на холоде. Внутренние — это функциональные состояния, к которым относятся: алкогольное или наркотическое опьянение, эмоциональная (психическая) напряженность (стресс), физическая усталость, болезненное состояние, воздействие фармакологических средств. Как видно, условия, не связанные с на-

меренным изменением, но влияющие на механизм письма и почерк, также весьма разнородны. Однако их проявления в почерке и рукописях далеко не всегда достаточно симптоматичны. Многие из них дифференцируются лишь по объему проявившихся нарушений.

Из числа внешних (обстановочных) факторов относительно симптоматичны признаки, свидетельствующие о необычном материале письма, письме в затемненном помещении или при отсутствии освещения (отсутствие зрительного контроля), а из числа внутренних (состояний) — об алкогольном опьянении.

Характерным для построения систем информативных диагностических признаков, предназначенных для установления временно действующих «сбивающих» факторов, является использование в качестве такого рода признаков результатов их сравнения (в исследуемой рукописи и в образцах), свидетельствующих об определенном «поведении» признака, конкретном отклонении его от индивидуальной нормы. Этот принцип построения систем диагностических признаков был использован при разработке системы признаков, предназначенной для исследования подписей, выполненных в состоянии опьянения. Например, увеличение размера букв, выпрямление наклона в сравнении с образцами. На использовании этого принципа были построены системы признаков для диагностического исследования подписей, выполненных в необычных условиях. Например, появление в исследуемой подписи строений букв, свойственных не подписному почерку исполнителя, а его обычному почерку, что выявляется при сравнении с образцами подписей и почерка данного лица.

Список литературы

1. Манцетова А.И., Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Теоретические основы судебного почерковедения // Тр. ЦНИИСЭ. М., 1967. Вып. 1.
2. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 6.
3. Криминалистика социалистических стран. М.: Юр. лит., 1986.
4. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. М., 1988. Вып. 1.
5. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. М., 1986.
6. Русалов В.М. О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека // Вопросы психологии. 1985. № 1. ^
7. Стринжа В. К. Личность как объект криминалистической идентификации // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 24.
8. Бахин В.П., Машотин Ю.Л. функциональный портрет человека в криминалистике // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1987. Вып. 34.

9. Голубева Э.Л. Дифференциальный подход к способностям и склонностям // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4.
10. Бучило Н.Ф., Чумаков АН. Философия: Учеб. пособие. М., 1998.
11. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека/ Под ред. И.В. Равич-Щербо. М., 1988.
12. Шварц В.Б. К проблеме врожденного и приобретенного в развитии двигательных способностей // Проблемы генетической психофизиологии. М., 1978.
13. Марютина Т.М. О генотипической обусловленности вызванных потенциалов человека. Там же.
14. Равич-Щербо И.В. Метод близнецов в психологии и психофизиологии. Там же.
15. Сергиенко Л.П., Корневич В.П. Соотношение влияния наследственности и среды в процессе обучения движениям человека // Вопросы психологии. 1989. № 4.
16. Цуканов Б.И. Психогенетические закономерности воспроизводства индивидов в типологических группах. Там же.
17. Анохин А.П. Изменчивость и наследуемость нейродинамических характеристик индивидуальности человека. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 1987.
18. Мозговой В.Д. Исследование наследственной детерминации произвольного внимания // Проблемы генетической психологии. М., 1978.
19. Лейбин В.М. Психоанализ и бессознательное уточнение понятий // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3.
20. Шляхта Н.Ф., Пантелеева Т.А. Исследование генотипической обусловленности синдрома силы нервной системы // Проблемы генетической психологии. М., 1978.
21. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
22. Шибаровская В.А. О генетических основах динамичности нервных процессов // Проблемы генетической психофизиологии. М., 1978.
23. Малых С.Б. Индивидуальные особенности потенциалов мозга, связанных с движениями, и роль генотипа в их формировании. Автореф. дисс... канд. психол. наук М., 1986.
24. Багрунов В., Тюрин П. Половые различия в психике человека // Наука и техника. 1980. № 10.
25. Тарасов Г.С. О неповторимости человеческой личности // Вопросы психологии. 1989. № 3.
26. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. М., 1996. Вып. 2.
27. Орлова В.ф. О распознавании образов в криминалистике и судебной экспертизе // Проблемы криминалистического распознавания: Материалы науч.-практ. конф. Иркутск — Москва, 1999.
28. Образцов В.А. Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы // Там же.

Глава 4

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ВИДЫ ОБЪЕКТОВ ЭКСПЕРТНОГО СУДЕБНО- ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В общей теории судебной экспертизы «...предмет каждой судебной экспертизы характеризуется соответствующими объектами, задачами, методиками (методами), теоретические и практические аспекты которых предусматриваются судебно-экспертной теорией» (1, с. 73). Предметом экспертного судебно-почерковедческого диагностического исследования является установление искомых (диагностируемых) фактических обстоятельств, потенциально имеющих доказательственное значение в судопроизводстве. В соответствии с рассмотренными ранее теоретическими положениями судебно-почерковедческой диагностики такими искомыми фактическими обстоятельствами являются определенные свойства личности — исполнителя рукописного документа, определенные типологические свойства почерка и условия (в широком смысле) выполнения конкретных рукописей.

Понятие предмета экспертизы тесно связано с содержанием ее задач, а задачи, в свою очередь, — с содержанием искомых объектов. Отсюда систематизация задач экспертного судебно-почерковедческого исследования должна строиться применительно к каждому из них. Современный уровень развития теории и практики судебно-почерковедческой диагностики позволяет решать большой и многообразный круг диагностических экспертных задач, определяющий возможности этого вида исследования. Попробуем сформировать и рассмотреть соответствующую систему задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

1. Установление свойств личности (социально-демографических и психологических характеристик). Задачи этой группы являются диагностико-классификационными (или атрибутивными) (2). В настоящее время в экспертной практике **возможно** решение следующих задач этой группы:

- установление пола;
- установление возраста;
- определение отдельных психологических характеристик.

2. Установление условий и времени выполнения рукописи. Задачи этой группы считаются собственно диагностическими, их сис-

тематизация обычно строится на основе классификации искомых диагностируемых условий, основное содержание которых составляют «сбивающие» факторы. В современных условиях возможно решение следующих задач, относящихся к рассматриваемой группе:

- установление факта наличия или отсутствия необычности выполнения рукописи;
- при наличии необычности — определение ее характера, т.е. воздействие на процесс письма постоянно действующего или временного фактора;
- при установлении факта воздействия на процесс письма временного фактора — отнесение его к группе естественных, т.е. не связанных с намеренным изменением пишущим своего почерка, или к группе так называемых искусственных, т.е. предполагающих искажение исполнителем рукописи своего почерка;
- при отнесении фактора к группе естественных — определение его принадлежности к подгруппе внутренних (функциональных состояний) либо к подгруппе внешних (обстановочных);
- при отнесении фактора к подгруппе внутренних, в которую входят: состояние стресса, усталости, алкогольного или наркотического опьянения, заболевания руки, глаз — определение конкретного функционального состояния или заболевания;
- при отнесении фактора к подгруппе внешних, в которую включаются: необычные поза, подложка или пишущий прибор, движущееся транспортное средство, недостаточная освещенность, письмо без очков, письмо на холоде и т.п. — определение конкретного обстановочного фактора;
- при отнесении фактора к группе искусственных — определение конкретного способа намеренного изменения своего почерка, каковым может быть:
 - перемена пишущей руки (обычно письмо непривычной левой рукой);
 - письмо с подражанием буквам печатной формы;
 - письмо с подражанием прописям, маловыработанному почерку;
 - письмо с удерживанием пишущего прибора на далеком расстоянии от пишущего острья;
- намеренное скорописное искажение своего почерка — изменение наклона, общих признаков, строения букв; компетентное изменение;
- подражание почерку (подписи) конкретного лица. В группе искомых условий определенное место занимают временные факторы:
 - отнесение выполнения рукописи к определенному периоду времени;
 - установление факта одновременного (или разновременного) выполнения рукописи;

- установление факта дописки.

Установление группы, круга условий в процессе исследования чаще играет роль промежуточных задач, своего рода подзадач, а не задачи экспертизы, которая всегда конечна. Однако из этого не следует, что установление конкретного «сбивающего» фактора — цель, в процессе исследования всегда достижимая. Возможности установления каждого из конкретных «сбивающих» факторов далеко не равнозначны. Например, возможности установления факта выполнения рукописи левой рукой, намеренно измененным почерком скорописным способом, в состоянии алкогольного опьянения намного выше, нежели определение факта выполнения рукописи в состоянии усталости и стресса. **Поэтому** перед экспертом может быть поставлена и им решаться любая из перечисленных задач как задача экспертизы. Естественно, решение задачи о конкретном условии всегда предпочтительнее, ибо, как правило, доказательственное значение именно такого решения выше. Поэтому, решая задачу более общего плана, даже если она перед ним поставлена в качестве конечной, эксперт должен попытаться довести исследование до установления конкретного искомого условия. Однако возможны случаи, когда для расследования или рассмотрения дела достаточно отнесения искомого условия к определенной группе, например, естественных или искусственных и вполне правомерна постановка соответствующей задачи.

Приведенная система задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы должна быть открытой. Судебно-экспертная практика выдвигает новые, ранее нерешаемые и не имеющие еще для своего решения достаточной методической базы задачи, что должно стимулировать соответствующие научные разработки необходимых методов и методик. Так, по данным обобщения практики производства экспертиз в ЛСПЭ РФЦСЭ за 1998—2000 гг., проведенного экспертом М.В. Жижиной, по делам, рассматриваемым арбитражными судами, выявились новые диагностические задачи двух видов (3).

В обоих случаях речь шла о свойствах рукописи как искомом объекте. В первом случае арбитражный суд интересовало: «мог ли человек, не обладающий специальными познаниями (в частности, работник операционного отдела банка) определить, что подпись на платежном поручении... выполнена не тем лицом, от имени которого она значится?» Вопрос ставился перед экспертом при условии, что им будет установлена неподлинность исследуемой подписи. Ранее, правда довольно редко, подобные вопросы ставились перед экспертами-почерковедами и по другим уголовным и гражданским делам. Несмотря на то, что в настоящее время не существует методики решения такой задачи в судебном почерковедении, эксперты

пытались ее решать. В подобной ситуации естественны сомнения в правомерности как постановки перед экспертом такой задачи, так и попытки ее разрешения-

Разрешение этого сомнения связано с ответом на другой вопрос, нужны ли специальные знания в области судебного почерковедения, чтобы решать такую задачу или они не требуются? Поскольку речь идет о свойствах почеркового объекта — неподлинности подписи, а точнее о выраженности признаков подделки (различие с образцами подписи в специальной карточке, имеющейся в банке, неестественность выполнения), выявить их и профессионально оценить, конечно, может лишь эксперт-почерковед. Но в данном случае для решения поставленной перед экспертом задачи этого недостаточно. Эксперт-почерковед должен не только оценить степень выраженности признаков подделки (для этого достаточно его профессиональных знаний), но и установить зависимость между этой степенью выраженности и психологическими возможностями оценить ее со стороны непрофессионала — лица, по долгу службы часто наблюдающего подписи разных лиц, но не обладающего кругом специальных знаний эксперта-почерковеда. Объективных научных данных в судебном почерковедении об этой зависимости нет. Однако это не означает, что она не будет установлена в результате специального экспериментального исследования и соответствующая методика будет разработана. Таким образом, перед учеными-почерковедами стоит конкретная исследовательская задача — разработать научную базу и методику решения рассмотренной нестандартной диагностической задачи экспертизы.

Второй вариант нестандартной задачи выглядит следующим образом. Арбитражный суд просил установить, не только кем выполнена исследуемая подпись, но и от имени кого она выполнена. Должностное положение и фамилия лица, которое должно было расписаться на документе, не были обозначены. В то же время для разрешения спора было важно, от имени кого была сделана подпись на документе, а именно: от имени руководителя предприятия, который имел соответствующие полномочия, или от имени его заместителя, который такими полномочиями не обладал. В последнем случае, независимо от того, кем была выполнена исследуемая подпись, документ терял юридическую силу, он был недействительным.

В рассматриваемой ситуации, как и в первой, речь идет о свойстве исследуемого объекта и о правомерности судить об этом свойстве эксперту-почерковеду. Здесь также возникает вопрос, нужны ли специальные знания, чтобы решать такую задачу? Однако ответ на него представляется нам менее однозначным и зависит от того, что представляет собой исследуемая подпись и в первую очередь от ее транскрипции. В отношении подписи, содержащей все буквы

представленной ею фамилии, и, если не предполагаются разные лица-однофамильцы, ответ на вопрос, от имени кого выполнена подпись, представляет собой очевидный факт и разрешение его специальных знаний не требует. Иное дело, если подпись имеет смешанную или штриховую транскрипцию. Выход из положения может быть найден, если эту подпись опознают стороны или другие участники процесса, располагающие аналогичными подписями на других документах. Такое опознание не всегда имеет процессуальное значение, т.к. в АПК подобное судебное действие в числе средств доказывания вообще не предусмотрено. Тем не менее этого будет достаточно, чтобы назначить экспертизу с целью идентификации исполнителя, в результате которой ответ на интересующий вопрос будет получен.

Вместе с тем в практике возможна и такая ситуация, когда стороны либо плохо знают подписи предполагаемого лица, либо при опознании не уверены: есть сходство, но есть и различие в общем виде, подпись и похожа на подписи определенного лица и в чем-то непохожа, происхождение различий непонятно, их объяснить не удастся. В таком случае постановка вопроса, от имени кого выполнена исследуемая подпись, перед экспертом правомерна. Для его разрешения необходимы специальные знания в области диагностических и идентификационных исследований почерка. Однако решаться он должен при четко очерченном круге возможных лиц, от имени которых эта подпись могла быть выполнена, и при наличии соответствующих образцов подписного почерка этих лиц.

Представления об объекте судебно-почерковедческой экспертизы, о классификации объектов, достаточно подробно рассмотренные в литературе (2), всецело распространяются и на объекты диагностических исследований. Однако представления об объекте как сложной системе, о иерархии значений этого понятия, учет механизма отображения источника информации в его носителе, содержащиеся в общей теории судебной экспертизы, дают основание для развития современных представлений об объекте судебно-почерковедческих диагностических исследований.

Объект экспертного исследования в общей теории судебной экспертизы рассматривается в качестве сложной системы, элементами которой являются: а) материальный носитель информации о факте, б) источник информации о факте, в) механизм передачи информации от источника к носителю, механизм их взаимодействия (1, с. 89). Материальным носителем информации о факте в судебно-почерковедческой экспертизе является документ, содержащий рукопись. Именно документ — рукопись является носителем информации как для идентификационного, так и для диагностического исследования. Источником информации о факте в судебно-

почерковедческой экспертизе является почерк как одна из наиболее сложных разновидностей ФДК навыков, имеющих большое криминалистическое значение. Почерк реализуется в рукописи, которая благодаря этому становится носителем информации об индивидуальности писавшего, о свойствах его личности, об условиях и временных факторах выполнения рукописи. Это происходит благодаря закономерным связям между свойствами личности и почерком, между свойствами почерка и механизмом их отображения в рукописи. Рукопись, содержащаяся в документе, будучи носителем информации о почерке и механизме отображения его свойств в рукописи, является непосредственным объектом экспертного исследования.

Существуют различные основания систематизации объектов экспертного исследования. В процессе диагностического исследования выделяются диагностируемый и диагностирующий объекты (1, с. 94). В судебно-почерковедческом диагностическом исследовании диагностируемыми объектами будут искомые свойства личности и условия выполнения рукописи, включая временные. В качестве диагностирующего объекта выступает рукопись, содержащая почерковую реализацию, т.е. отображающая почерк исполнителя. Таким образом, диагностирующий объект имеет сложную структуру — это почерк-рукопись.

В судебном почерковедении существуют различные основания для систематизации рукописей, являющихся объектами идентификационных и диагностических исследований. Соответствующие рукописи подразделяются на виды, подвиды, группы объектов (2, с. 111-114).

Основанием деления рукописей на виды является их общее целевое назначение: служить цели фиксации определенного письменного-речевого содержания или служить удостоверительным знаком. В зависимости от этого различают тексты и подписи.

Подвиды объектов дифференцируются по составу: тексты в зависимости от состава различаются как буквенные, цифровые и смешанные (буквенно-цифровые); подписи по составу — транскрипции делятся на подписи буквенной, безбуквенной и смешанной транскрипции.

Группы объектов различаются по объему. Тексты любого состава различаются следующим образом: тексты большого объема, тексты среднего объема, тексты малого объема и краткие записи. Подписи также дифференцируются на большие, средние и краткие. Критерии отнесения рукописи к определенному подвиду и группе изложены в литературе (2) и поэтому останавливаться на них нет необходимости.

В литературе имеются сведения о систематизации рукописных объектов по условиям выполнения, по информативности. Однако,

учитывая то обстоятельство, что условия в данном случае являются искомым, диагностируемым объектом, систематизация рукописей по ним будет совпадать с ранее рассмотренной систематизацией диагностических задач.

Ранее было отмечено, что понятие предмета экспертизы включает методическую основу - методы, методики экспертного исследования, которым посвящается следующая глава.

Список литературы

- 1 *Основы судебной экспертизы*. Ч. 1. Общая теория. М., 1997.
- 2 *Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть* Метод. пособие для экспертов, следователей, судей. М., 1988. Вып.1.
- 3 *Жижина М.В.* Криминалистическая экспертиза Документов в арбитражном судопроизводстве. Дисс.-канд. юрид. наук. М. 2. *W*.

Глава 5

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕШЕНИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

5.1. Структура решения судебно-почерковедческих диагностических задач

Построение процесса решения диагностических задач подчинено общим принципам, на которых строится любое, в том числе судебно-почерковедческое исследование. Основными из них являются: а) уровневый принцип, предполагающий обязательное выделение в качестве первоначального этапа предварительное исследование (первый уровень решения задачи) или подготовительный этап;

б) двойственный — исследовательский и оценочный характер экспертного познания, предполагающий обязательное выделение оценки промежуточной на каждом этапе процесса решения задачи и заключительной, предшествующей принятию решения экспертом по задаче в целом; в) использование в качестве основных психологических механизмов выдвижение версий, а также формирование и распознавание образов. Отталкиваясь от них, общая блок-схема решения любой диагностической задачи не будет отличаться от блок-схемы решения задачи экспертизы вообще (I.e. 262). На основе этих принципов раскроем содержательную сторону процесса решения диагностической судебно-почерковедческой задачи экспертизы.

Предварительное исследование (подготовительный этап)

Этот этап разнообразен по своему составу, но универсален относительно объектов исследования. Поэтому по своей структуре он близок к соответствующему этапу при решении идентификационных задач, естественно отличаясь от них целями и содержанием. В судебно-почерковедческой литературе достаточно подробно рассмотрена общая блок-схема решения задач на первом уровне экспертизы почерка (2, с. 17).

Рассматриваемый этап обычно включает следующие стадии: ознакомление с поступившими материалами, уяснение и конкретиза-

ция задания экспертизы, осмотр и предварительное исследование объектов экспертизы, определение достаточности представленного материала, выдвижение общих и частных экспертных версий, планирование дальнейшего исследования.

Ознакомление с поступившими материалами предполагает: ознакомление с документом — основанием производства экспертизы — постановлением следователя или определением суда о назначении экспертизы, с вопросами, поставленными на разрешение эксперта, установление объектов, подлежащих исследованию, проверку их наличия, с обстоятельствами дела или относящимися к предмету экспертизы сведениями из материалов дела.

В процессе ознакомления с материалами эксперт узнает о том, что поставленная перед ним задача является диагностической, определяет ее род, вид и по возможности конкретизирует.

Уяснение задачи экспертизы и ее конкретизация имеют очень важное значение для предстоящего исследования. Чтобы определить и конкретизировать задачу, необходимо уяснить цель предстоящего исследования. Особенностью судебно-почерковедческих диагностических исследований является их тесная связь с идентификационными исследованиями по тем же почерковым объектам. Как свидетельствует экспертная практика, вариантами решений экспертным путем диагностической задачи являются следующие:

1) вопрос, содержащий диагностическую задачу, может быть поставлен лицом или органом, назначившим экспертизу, самостоятельно, т.е. независимо от необходимости решения идентификационной задачи. Вопрос ставится всегда в случае установления личностных характеристик писавшего в розыскных целях, когда предполагаемый исполнитель рукописи неизвестен. При необходимости установления условий выполнения рукописи ее исполнитель может быть известен, а доказательственное значение по делу имеют условия выполнения рукописи, например, факт выполнения рукописи в состоянии алкогольного опьянения и т.п.;

2) вопрос, содержащий диагностическую задачу, ставится наряду с идентификационной в отношении того же рукописного объекта. Такая необходимость возникает в тех случаях, когда доказательственное значение имеет установление и лица, выполнившего рукопись, и условий ее выполнения;

3) в вопросе, поставленном перед экспертом, диагностическая задача, связанная с установлением условий выполнения рукописи, не обозначена, но она присутствует в скрытой форме. Это своего рода латентная диагностика.

В процессе уяснения задания и его конкретизации эксперт определяет, с каким вариантом задания он имеет дело и соответственно строит свое дальнейшее исследование. Процесс уяснения за~

дачи протекает не одномоментно, а может сопровождать и дальнейшие действия эксперта, составляющие содержание данного этапа исследования.

В том случае, если диагностическая задача поставлена перед экспертом самостоятельно, т.е. не связана с решением идентификационной задачи в отношении того же объекта, уяснение задания сложности не представляет. Однако при построении дальнейшего исследования, проводимого с целью установления условий выполнения рукописи, в пределах и за пределами данного этапа эксперт решает вопрос о необходимости включения в процесс исследования решения идентификационной задачи. Дело в том, что при анализе диагностических признаков существенное значение имеет индивидуальная реактивность ПД ФДК в ответ на «сбивающие факторы», а отсюда важно провести сравнительное исследование диагностических признаков в спорной рукописи и образцах почерка данного исполнителя, полученных с учетом проверяемых условий. В такой ситуации для обеспечения надежности результатов исследования необходима абсолютная достоверность происхождения исследуемой рукописи, т.е. доказанность факта выполнения ее данным лицом. Если же остается сомнение относительно выполнения данной рукописи этим лицом, эксперт обязан предусмотреть идентификационное исследование в рамках предстоящей диагностики, осуществляемой в соответствии с поставленным перед ним вопросом следователя или суда.

Во втором случае при постановке идентификационной и диагностической задач одновременно в отношении одного и того же объекта эксперт проводит дальнейшее исследование таким образом, чтобы решение задач происходило согласованно в едином сложном процессе.

Третий вариант свидетельствует о том, что диагностическое исследование, связанное с установлением условий выполнения рукописи, в судебно-почерковедческой экспертизе фактически всегда сопутствует идентификационному. В соответствии с общепринятой методикой судебнопочерковедческого идентификационного исследования необходимым этапом второго уровня решения задачи экспертизы является установление факта выполнения рукописи в необычных условиях. Таким образом, собственно диагностическое исследование рукописи при производстве судебно-почерковедческой экспертизы присутствует всегда. Это исследование необходимо: а) для определения возможностей экспертного исследования, б) для выбора методов исследования, в) для правильной оценки идентификационных признаков и экспертных ситуаций (совпадений и различий признаков).

Многие методы и методики судебно-почерковедческого исследования, особенно нетрадиционные, ориентированы на объекты с

учетом их классификационной категории по виду, подвиду, группе, в том числе по условиям выполнения. Например, действующая методика установления пола и возраста (РФЦСЭ) применима только к текстам большого и среднего объема, выполненным высоко- или средневывработанным почерком в обычных условиях. Следовательно, прежде, чем применять на практике эту методику, нужно установить, выполнялся ли исследуемый текст без влияния «сбивающих» факторов. Комплексная методика установления подлинности (неподлинности) кратких и простых подписей предполагает отсутствие в исследуемых подписях отчетливо выраженных признаков необычного выполнения, а отсюда и необходимость установления этого факта.

Уясняя задание, эксперт составляет представление о структуре задачи экспертизы и соответственно о требующихся для ее решения материалах. По структуре диагностические задачи бывают двух видов:

а) задачи, решаемые при их неполном компонентном составе, и б) задачи, решаемые при их полном компонентном составе (3, с 9—10). К числу первых относятся те задачи, в условиях которых отсутствует предполагаемый исполнитель рукописи и соответственно образцы его почерка. Вторые образует группа задач, в условиях которых обозначен предполагаемый исполнитель и представлены образцы его почерка. С учетом этого осуществляется проверка наличия и достаточности представленных эксперту материалов.

Проверка исследуемого объекта, образцов, сведений из материалов дела осуществляется в соответствии с общими правилами, установленными для судебно-почерковедческой экспертизы. Особое внимание при этом обращается на следующие обстоятельства, существенные для производства диагностических исследований: а) представление исследуемого документа, содержащего рукопись, в подлиннике, а не его копии, б) наличие среди представленных образцов рукописей, выполненных в проверяемых условиях или условиях, близких к ним, в) представление сведений из материалов дела о возможных условиях выполнения исследуемой рукописи.

Представление исследуемого документа в подлиннике всегда приоритетно для решения любой задачи экспертизы почерка и в особенности для решения диагностических задач, связанных с установлением условий выполнения рукописи. Отображение почерковых характеристик в копии в сравнении с подлинником всегда ограничено. Как показывает экспертная практика, чаще всего на исследование направляются копии документов, выполненные электрофотографическим способом. При изготовлении этих копий не передаются или искажаются прежде всего признаки почерка, имеющие диагностическое значение: координация движений 1 группы, темп выполнения и нажим. Следовательно, диагностиче-

ское исследование почерка по копии документа сильно затрудняется и решение задачи чаще всего оказывается невозможным. Обнаружив при ознакомлении с поступившими материалами исследуемый документ в копии, эксперту следует выяснить у лица или органа, назначившего экспертизу, существует ли подлинник и в положительном случае его запросить.

Если перед экспертом поставлена диагностическая задача, решаемая при полном компонентном составе, большое значение имеют правильно подготовленные сравнительные материалы, достаточные по объему и качественные по своему содержанию. Сравнительные материалы должны быть представлены большим количеством образцов почерка предполагаемого или действительного исполнителя, отражающими как естественную вариационность почерка, так и его избирательную изменчивость в отношении «сбивающих» факторов. **Такими** образцами могут быть как свободные, так и экспериментальные. Особенно важно, чтобы среди них были образцы, выполненные в аналогичных проверяемым условиям или по возможности в близких к ним. Для проведения диагностических исследований трудно переоценить значение экспериментальных образцов, которые в большинстве случаев могут быть получены в условиях, аналогичных проверяемым. Однако, если это невозможно, образцы должны быть выполнены в различных условиях и в том числе близких к проверяемым. Например, если проверяемым условием является состояние алкогольного опьянения при выполнении текста, в числе образцов должны быть рукописи, выполненные лицом в предельно быстром темпе, т.к. по данным экспериментальных исследований именно они являются наиболее сопоставимыми для решения поставленной задачи.

Для решения диагностических экспертных задач, связанных с установлением условий выполнения рукописей, существенное значение имеют сведения из материалов дела о состоянии исполнителя рукописи, об обстановке, в которой выполнялся исследуемый документ. Например, для установления состояния лица, выполнившего запись и подпись в завещании, необходимы сведения о его возрасте, состоянии здоровья (история болезни, заключение врача), о том, в какой обстановке выполнялись запись и подпись, а именно:

в какой позе находилось лицо — сидя, лежа; в каком положении была подложка, на которой находилось завещание, каким было освещение; не оказывалась ли помощь лицу со стороны других лиц (поддержка или ведение руки) и т.п. Большое значение при исследовании подписей имеют сведения о возможном выполнении их родственниками, однофамильцами, что должно ориентировать эксперта на проверку версии о сходстве подписного почерка разных лиц.

Все подлежащие исследованию документы и образцы подлежат осмотру и предварительному исследованию.

В процессе осмотра исследуемого объекта предварительно решается вопрос о его пригодности к предстоящему исследованию. При этом иногда этот вопрос может быть решен сразу отрицательно. Так, например, перед экспертом поставлен вопрос о состоянии лица, выполнившего конкретную подпись, а в процессе осмотра и предварительного исследования эксперт выясняет, что подпись является изображением, переданным по факсу. Такая подпись непригодна для решения подобной диагностической задачи экспертом-почерковедом. В соответствии с нормами процессуального законодательства и ст. 16 Федерального закона «О государственной судеб-но-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее — ФЗ о ГСЭД) эксперт должен сообщить органу или лицу, назначившему экспертизу, о невозможности дать заключение по поставленной задаче.

Осмотру и предварительному исследованию подлежат также сравнительные материалы. Если обнаруживается их недостаточная сопоставимость или их мало по количеству, необходимо ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим экспертизу, об их восполнении. Несопоставимость сравнительного материала или крайне малое его количество может стать причиной его непригодности для решения поставленной задачи и, соответственно, основанием для сообщения о невозможности дать заключение.

Осмотр и предварительное исследование на данном этапе осуществляются с ориентацией на самые информативные и непосредственно выраженные признаки. Обращается внимание на признаки необычности выполнения: снижение степени вы работай ности, снижение координации движений 1 и 2 групп, замедленность темпа, сильный, недифференцированный нажим, дописки, дорисовки, поправки, нарушения группы письменно-речевых признаков (описки, пропуски слов, орфографические ошибки, недописывания слов и т.п.). Те же признаки являются объектом внимания и в образцах.

Если перед экспертом стоит диагностическая задача при ее полном компонентном составе, проводится предварительное сравнение исследуемых объектов и образцов и предварительная оценка его результатов, которая служит основой для выдвижения экспертных версий. Как и в предшествующих случаях, характерной чертой сравнения и оценки является работа с самыми информативными и непосредственно выраженными признаками. Так, при обнаружении комплекса отчетливо выраженных диагностических признаков в исследуемой рукописи и аналогичного комплекса в образцах, у эксперта формируется версия о влиянии на процесс письма данного

лица постоянно действующих «сбивающих» факторов. Однако на данном этапе наиболее важным является не стремление к окончательному решению, а, скорее, определение того, что для этого решения нужно.

Выдвижение версий в диагностическом исследовании ~ это определение круга возможных альтернативных решений, подлежащих проверке дальнейшим основным исследованием. Версии по своему содержанию и структуре различаются в зависимости от сложившейся ситуации в конце предварительного исследования. **Они** могут быть обобщенными и довольно конкретными. При выдвижении версий большое значение имеют эвристические приемы мышления, в особенности интуиция, основанная на личном опыте эксперта. Поскольку на данном этапе исследование строится на проявлении наиболее информативных и непосредственно выраженных признаках, в большинстве случаев версии выдвигаются обобщенные. Это означает, что выдвигается версия на уровне достаточно обоснованных предположений о факте влияния необычных условий на выполнение рукописи, о факте временно или постоянно действующих «сбивающих» факторов и возможном примерном круге входящих в каждую группу конкретных причин. В пределах этого круга некоторые причины могут обозначаться с большей или меньшей вероятностью. Конкретные единичные версии выдвигаются реже.

Выдвижение версий позволяет, с одной стороны, оценить исходные данные, их достаточность для решения задачи, а с другой — построить план дальнейшего исследования: определить последовательность решения подзадач, выбрать нужную методику (методики) для их решения, наметить очередность применения различных методов и т.п.

Структура основного содержания решения диагностической экспертной задачи

Эта структура бывает разной в зависимости от вида задачи, компонентного состава и того, какими методами (методиками) располагает судебное почерковедение для ее решения.

Задачи, связанные с установлением по почерку свойств личности, по компонентному составу всегда являются неполными. Поэтому в схеме их решения отсутствует такой элемент как сравнение. В принципе структура решения такой задачи приближается к схеме решения классификационной задачи (2, с. 22). Особенностью решения диагностических задач, связанных с установлением пола, возраста и психологических характеристик, является отсутствие традиционного аналога методики их решения. Процесс решения задач строится на специальном исследовании базовых признаков почерка, описываемых на традиционно-качественном, полуколичественном и количе-

стенном (измерение) уровнях. Более конкретно блок-схема решения этого вида задач выглядит следующим образом (см. рис. ->.i)-



Рис. 5.1. Блок-схема решения атрибутивно-диагностической задачи

* НПВ — не представляется возможным.

Аналогично строится процесс диагностического исследования при неполном компонентном составе задачи, связанной с установлением условий выполнения рукописи.

Однако сказанное не означает, что в решении указанных задач отсутствует такая логическая процедура как сравнение. В этом процессе нет стадии натурального сравнения исследуемых объектов с образцами. Вместе с тем, сравнение присутствует в виде сопоставления проявлений признаков исследуемых объектов с мысленными модельными представлениями о соответствующих информативных проявлениях признаков и их комплексов, если исследование проводится на традиционном уровне, а также с эталонными перечнями информативных признаков, если уровень исследования количественный.

Для построения схемы решения диагностической задачи с полным компонентным составом характерно наличие необходимости решения в процессе исследования подзадачи идентификационного характера и стадии сравнительного исследования в собственно диагностическом процессе. Необходимость в идентификационном исследовании возникает тогда, когда ранее достоверно не доказано, что исполнителем исследуемой рукописи является именно лицо, образцы почерка которого представлены для сравнения. Однако независимо от этого, стадия сравнения исследуемых объектов с образцами при решении задачи установления условий выполнения исследуемой рукописи делает диагностическое исследование более перспективным, о чем уже упоминалось ранее. Сравнительное исследование с образцами почерка, выполненными в различных условиях, позволяет эксперту изучить пороги «сбиваемости»- и характер последней, свойственные ПД ФДК навыков именно конкретного лица, и точнее определить искомое условие. Этого лишен эксперт при отсутствии необходимого сравнительного материала.

В случае решения диагностической задачи в рамках идентификационного процесса, т.е. при постановке перед экспертом только идентификационной задачи, решение диагностической задачи становится стадией в этом процессе, а диагностическая задача выполняет роль подзадачи. Однако решение ее при этом не становится свернутым, а должно осуществляться в соответствии с полной схемой исследования.

В соответствии со сложившимся в судебном почерковедении представлением об уровневой структуре решения задач собственно диагностическое исследование реализуется на втором уровне — уровне традиционного исследования и заканчивается на нем, если нетрадиционные количественные методы (методики) не предусмотрены для решения задач, связанных с проверкой выдвинутых версий, и продолжается на третьем уровне, если соответствующие количественные методы (методики) имеются.

Обращаясь к построению собственно диагностического процесса исследования во всех случаях, когда речь идет об установлении условий выполнения рукописи, следует констатировать, что схема его реализации на втором и третьем уровнях решения задачи не является однозначной и всегда заранее заданной. Наиболее типичной является стратегия этого построения в двух вариантах.

Выбор того или другого варианта зависит от: а) круга выдвинутых на первом уровне решения задачи версий и распределения их в этом круге по приоритетности; б) наличия или отсутствия алгоритмизированных методик решения определенных диагностических задач.

Если в результате решения задачи на первом уровне у эксперта сформировались версии в виде большого круга альтернатив, причем без отчетливо выраженного перевеса какой-то определенной (каких-то определенных) версий, процесс исследования в большинстве случаев строится по пути сужения возможных альтернатив, очерченных при выдвижении экспертных версий. Это означает, что эксперт должен предусмотреть проверку всех или почти всех возможностей влияния «сбивающих» факторов на процесс выполнения рукописи. Если при **этом** имеется система признаков, предусматривающая подобную проверку в иерархическом режиме, то версии и процесс их проверки могут быть структурированы по иерархическому принципу с направлением от общего к частному, по пути сужения от широкого множества условий вплоть до одного. Так, эксперт должен установить, действительно ли рукопись выполнена в необычных условиях; постоянны или временны эти условия, в последнем случае — относятся ли они к группе необычных условий, связанных с намеренным изменением почерка данным лицом или нет, а также соответственно установить способ намеренного изменения почерка и конкретную причину (группу причин) (см. рис. 5.2). Это логически развернутый, репродуктивный подход к исследованию и, независимо от того, каким путем пойдет эксперт, проверять правильность своих действий он обязан именно таким образом. Не случайно описанный логически развернутый процесс диагностического исследования лежит в основе дидактической модели построения традиционного исследования для решения диагностической задачи (4, с. 14—15). Этот процесс отражен и в построении алгоритмов решения диагностико-идентификационных задач по подписям, выполненным в необычных условиях (см. рис. 5.3).

В ситуации, когда первый уровень решения задачи завершается выдвижением ограниченного круга экспертных версий или наличием в этом круге приоритетных (наиболее вероятных) версий, исследование может строиться по несколько упрощенной (сокращенной) схеме, напоминающей эвристическую. Это означает, что проверка осуществляется именно с наиболее вероятных гипотез-версий. Наи-

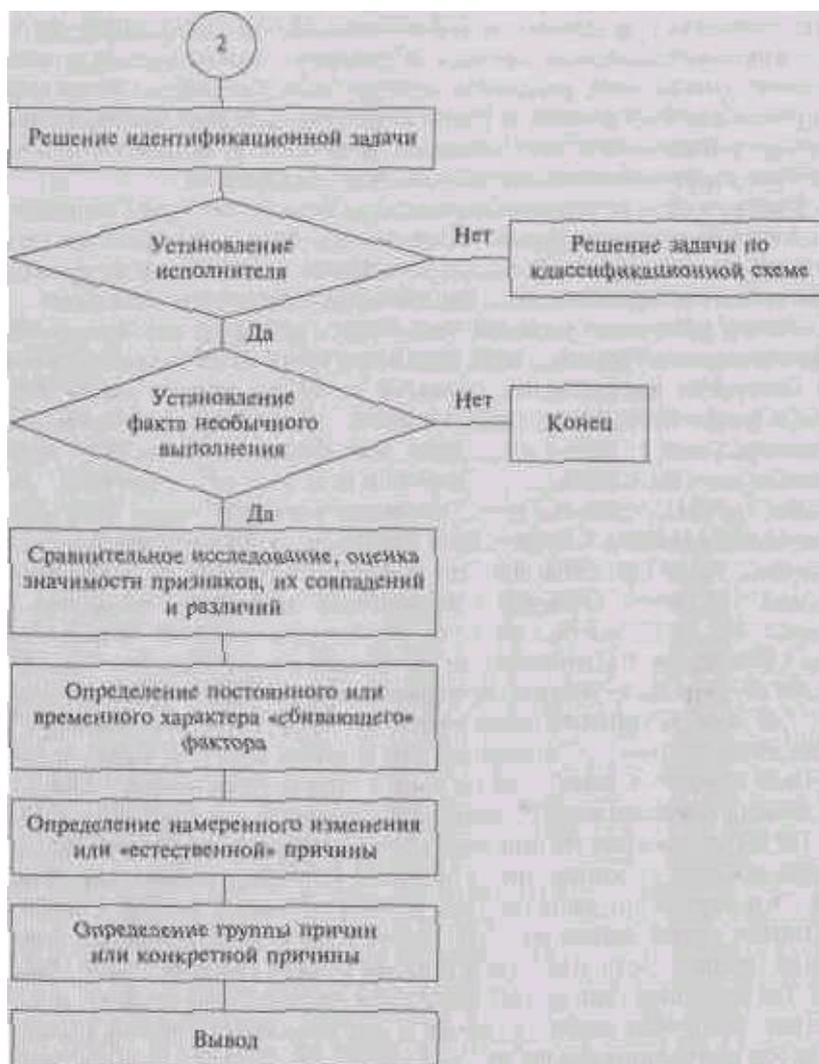


Рис. 5.2. Блок-схема решения диагностической задачи

более приемлем этот путь в том случае, если, во-первых, диагностические признаки отчетливо выражены и их симптоматичность довольно высока, а, во-вторых, имеются методы (методики) для проверки именно выдвинутых версий. Процесс исследования при этом может осуществляться как на традиционном, так и на нетрадиционном уровне. Например, если у эксперта сформировалась с

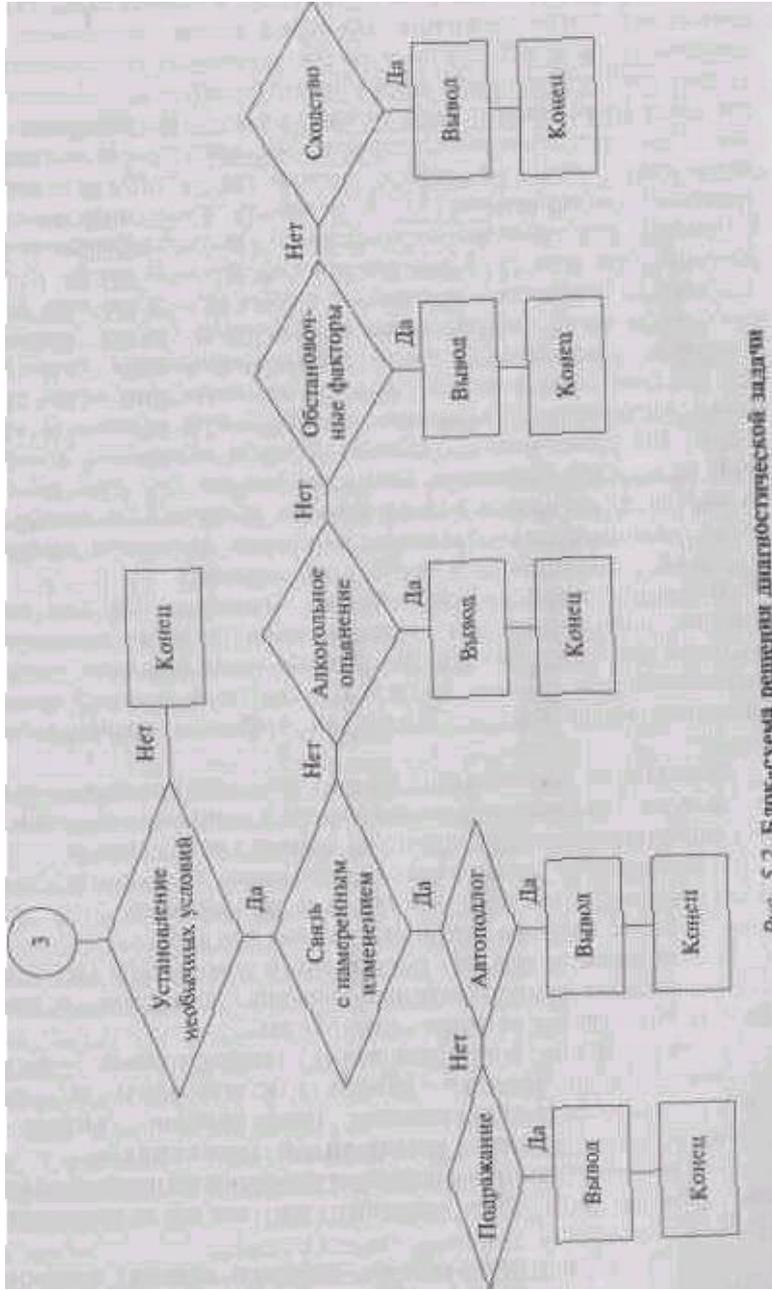


Рис. 5.2. Блок-схема решения диагностической задачи

высокой степенью вероятности версия о том, что исследуемая рукопись выполнена непривычной левой рукой, он строит свое исследование таким образом: детально исследует на традиционном и количественном уровнях проявления признаков, симптоматичных для данного условия и либо подтверждает, либо отвергает эту версию. **При** подтверждении исследование заканчивается, при неподтверждении прибегает либо к первой схеме, либо к поочередной проверке других версий, т.е. к перебору возможных альтернатив. Например, при исследовании подписи у эксперта формируется следующий круг версий: о выполнении ее данным лицом в обычных условиях; в необычном состоянии, а именно в состоянии алкогольного опьянения; о выполнении этой подписи другим лицом с подражанием подлинным подписям первого лица (чаще всего по памяти). Эксперт проверяет их в едином процессе, применяя традиционную методику и специально разработанную количественную методику для установления условия из числа названных альтернатив. Если результаты оказались неопределенными, то круг альтернатив должен быть расширен и исследование должно быть продолжено с использованием других методов, например, методики исследования подписей, выполненных в необычных условиях.

В диагностическом исследовании, независимо от того, строится оно на традиционной или нетрадиционной основе, основное место принадлежит развернутому детальному исследованию проявлений диагностических признаков и столь же развернутому детальному сравнению, если решается задача при полном ее компонентном составе.

Развернутое исследование диагностических признаков, осуществляемое на 2-м уровне решения задачи с неполным компонентным составом, предполагает следующие логические операции:

1. Развернутое раздельное исследование каждого диагностического признака в исследуемом объекте, включающее:

 выявление каждого диагностического признака;
 интерпретацию каждого выявленного признака с точки зрения его возможного происхождения (сравнение с мысленной моделью или перечнем информативных признаков).

2. Объединение (синтезирование) диагностических признаков, выявленных в исследуемом объекте в комплексе и исследование этого комплекса, предполагающее интерпретацию каждого выявленного признака с учетом других, входящих в комплекс.

Логические операции с диагностическими признаками при решении задачи с полным компонентным составом выглядят следующим образом:

1. Развернутое раздельное исследование каждого диагностического признака в исследуемом объекте и в образцах, включающее:

- выявление каждого диагностического признака в исследуемом объекте и образцах;
- сравнение каждого выявленного признака в исследуемом объекте с соответствующим признаком в образцах;
- интерпретация каждого выявленного признака под углом зрения его возможного происхождения.

2. Объединение (синтезирование) диагностических признаков, выявленных в каждом объекте (исследуемом и образцах), в комплексы и исследование этих комплексов, предполагающее интерпретацию каждого выявленного признака с учетом других, входящих в каждый комплекс.

3. Сравнение комплекса признаков, выявленного в исследуемом объекте, с соответствующим комплексом, выявленным в образцах, установление их совпадений и различий.

4. Интерпретация результатов сравнения комплексов признаков, объяснение совпадений и различий.

Путем визуального наблюдения или инструментального измерения, если это необходимо, выявляется каждый признак. Здесь важно выявление именно всех диагностических признаков, полный их охват без пропусков. Каждый выявленный признак должен быть охарактеризован правильно в соответствии с принятой системой описания его проявлений, предусмотренной классификацией признаков. Каждый признак изучается с точки зрения объяснения причины и механизма его появления. Например, наблюдая в рукописи проявления сниженной координации движений 1-й группы, эксперт должен связать это проявление с влиянием на процесс выполнения рукописи «сбивающих» факторов.

Очень важной логической процедурой в диагностическом процессе является синтезирование (формирование) признаков в комплексы. Важность и ответственность ее обусловлена тем, что значимость каждого ранее изученного признака при синтезировании может изменяться, уточняться, конкретизироваться, в зависимости от того, в окружении каких признаков данный признак находится. **Так**, например, снижение координации движений 1-й группы, наблюдающееся без замедления темпа при выполнении рукописи, скорее всего обусловлено воздействием «сбивающих» факторов, не связанных с намеренным изменением почерка, а если снижение координации движений сопровождается отчетливо выраженным замедлением темпа — более вероятно намеренное изменение почерка, включая подражание почерку другого лица.

Психологическим механизмом мысленного моделирования при исследовании признаков, их зависимостей и объединения в комплексы является формирование образа и последующее его распознавание. Изучение признаков в исследуемом диагностирующем

объекте формирует образ свойств проверяемого объекта, который сопоставляется с мысленной моделью, запечатленной в интеллектуальной базе эксперта, сложившейся в результате его знаний и опыта, либо имеющейся в виде соответствующих эталонных перечней и систем. В результате сравнения формируется представление о совпадении или различии.

Формирование образа свойств проверяемого объекта на основе изучения признаков, содержащихся в исследуемом объекте, начинается еще на первом уровне решения задачи с образования в сознании эксперта схемы, своего рода неполного контура, который по мере накопления знаний о свойствах проверяемого объекта и сопоставления со сравнительным материалом или мысленной моделью, эталоном в виде перечня информативных признаков уже на втором уровне решения задачи все более наполняется конкретным содержанием, пока не обретет черты комплекса свойств, необходимого и достаточного для распознавания образа, лежащего в основе решения диагностической задачи. Сопоставление, как уже говорилось выше, может быть как натурным развернутым, так и мысленным, в том числе одномоментным.

В диагностическом исследовании, в особенности, если оно осуществляется без образцов почерка лица, перед экспертом открывается широкое поле для использования эвристических методов (аналогии, экстраполяции, интуиции).

Заключительная оценка результатов исследования

Этот этап строится на основе определения информативности (значимости) диагностических признаков и их комплексов, установленных совпадений и различий.

Критерии оценки диагностических признаков, их совпадений и различий внешне сходны с соответствующими критериями, используемыми при идентификационном исследовании. Однако по содержанию они существенно различаются. Если в идентификационном процессе на первый план выступает критерий своеобразия, редкой встречаемости идентификационных признаков и неповторимости их в комплексе для разных лиц, то в диагностическом — значим критерий типичности признаков и их комплекса для искомого свойства, условия, т.е. , напротив, важна частая встречаемость проявлений признаков для диагностируемого объекта. Диагностические признаки, как проявления определенного качества объекта — избирательной изменчивости, реактивности на определенное воздействие, — тем значимее, чем типичнее их отражательная способность для искомого объекта. Содержание специфичности в отношении

диагностических признаков другое. Здесь под специфичностью следует понимать способность признака (или комплекса признаков) дифференцировать искомый объект (определенное условие) от других объектов (условий).

Таким образом, критерий оценки диагностических признаков имеет сложную структуру и состоит из двух компонентов: типичности и специфичности, в целом образующих новое понятие — симптоматичность диагностических признаков и их комплексов. Подчеркнем, что понятия типичности и специфичности в данном случае не совпадают. Признак может часто встречаться при наступлении определенного условия, но слабо разделять его и другие, т.е. быть типичным, но не специфичным. Напротив, признак может редко встречаться при воздействии определенного фактора, но не встречаться при влиянии многих других, т.е. быть специфичным, но не типичным. Например, «зеркальность» — специфичный признак для письма непривычной левой рукой, но вообще редко встречающийся признак. Сочетание того и другого определяет симптоматичность признака. Таким образом, диагностическая значимость признака тем выше, чем он симптоматичнее: типичнее и специфичнее с точки зрения искомого свойства или условия.

Сказанное относится и к комплексам признаков. В идентификационном процессе, как известно, основное требование к комплексу совпадающих признаков — его индивидуальность в сравнении с любым другим объектом; в диагностическом же — его симптоматичность для определенного свойства либо конкретного условия.

Рассмотренные критерии оценки используются как в традиционной, качественно-описательной форме, так и в количественном выражении. Последняя представляется более предпочтительной, т.к. основана на объективных математических оценочных моделях в виде таблиц количественно выраженных значимостей признаков и решающих правил, которые не только помогают принимать правильные и достаточно обоснованные решения на базе выявленного комплекса диагностических признаков, но и оценивать надежность и эффективность принимаемых решений. Количественные оценочные критерии широко используются в методиках криминалистических экспертиз.

Однако во многих случаях диагностических исследований эксперты не располагают количественными данными и строят оценку на базе менее точных представлений о значимости признаков и их комплексов, сложившихся на основе литературных методических источников и собственного экспертного опыта. В таких ситуациях используются качественно-описательные рекомендации и личная «несчитанная статистика», которая накопилась у эксперта за время его экспертной деятельности и исследования подобных объектов.

Напомним, что психологическим механизмом, сопутствующим формированию вывода эксперта, является внутреннее убеждение эксперта в правильности и обоснованности принимаемого решения. Формирование внутреннего убеждения, как правило, протекает легче при наличии объективных количественных оценочных критериев и намного сложнее при их отсутствии. В последнем случае очень важна уверенность эксперта в адекватности построения мысленных моделей экспертной ситуации, в соответствии выявленного комплекса диагностических признаков или отличия от модельных представлений о конкретном условии или группе «сбивающих» факторов. При решении диагностических задач особенную осторожность следует проявлять при использовании в процессе исследования эвристических средств (аналогии, экстраполяции, интуиции и др.) В таких случаях процесс решения диагностической задачи должен подвергаться экспертом тщательному логическому самоанализу с оценкой достоверности промежуточных данных и принимаемого окончательного решения.

5.2. Частные методики (методные системы) решения судебно-почерковедческих диагностических задач

Частной методикой (методной системой) решения судебно-почерковедческой диагностической задачи является качественно-описательный или представленный на количественном уровне, а также комплексный (сочетающий качественно-описательные и количественные компоненты) алгоритм (программа) решения конкретной диагностической задачи. Не следует считать методикой опубликованные отдельные рекомендации по производству экспертных действий при решении диагностических задач экспертизы. Если для решения конкретной задачи соответствующий алгоритм отсутствует, а это не редкий случай, то эксперт практически сам строит методику, опираясь на знания об общей схеме диагностического исследования, публикации, содержащие нужные рекомендации, и собственный опыт. В настоящее время судебное почерковедение располагает большим числом частных методик, различных по способу и степени алгоритмизации. Все они обязательно включают качественно-описательные компоненты. Однако их можно разделить на: а) качественно-описательные, б) комплексные (качественно-описательные и количественные). В комплексных доля и роль количественного компонента могут быть различными и варьировать от решающей до вспомогательной. Поскольку частные методики решения судебно-почерковедческих задач весьма многочисленны, под-

робно изложить их содержание в данной работе невозможно. Рассмотрим лишь краткую общую их характеристику, определяющую вид и характер алгоритмизации, условия применения, а также возможности.

Методики определения свойств личности

Метод (методная система) дифференциации рукописей на мужские и женские (ВНИИ МВД СССР) — методика, основанная на вероятностном подходе и статистическом анализе частоты встречаемости частных признаков в почерках мужчин и женщин, определении количественных критериев для разграничения совокупно-стей признаков на этом основании. Применима к высоковыработанным неискаженным почеркам. Позволяет на количественном уровне определить симптоматичность комплекса признаков и решать задачу установления пола по почерку (5).

Метод (методная система) определения пола и возраста по средне- и маловыработанному почерку (ведомственная лаборатория) — модифицированный вариант определения пола по средне- и маловыработанному почерку (ВНИИСЭ Минюста СССР) — методика, основанная на вероятностном подходе и статистическом анализе частных признаков в средне- и маловыработанных почерках мужчин и женщин определенных возрастных групп, определении количественных критериев для разграничения комплексов признаков по этому основанию. Позволяет количественно выразить симптоматичность комплексов признаков в почерках мужчин и женщин определенных возрастных групп и решать задачи дифференциации по почерку пола и возраста исполнителей рукописей. Модифицированный вариант рассчитан только на решение задачи установления пола по почерку средней и малой степени выработанности (6, 7).

Методика установления пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности (ВНИИСЭ при Минюсте СССР) — методика, основанная на вероятностном подходе и статистическом анализе частот проявлений общих, особенных и частных признаков в высоко- и средневыработанных почерках мужчин и женщин в возрасте от 17 до 60 лет. Применяется в отношении рукописей большого и среднего объема, выполненных в обычных условиях. Перечень информативных признаков насчитывает 43 единицы. Признаки представлены в полуколичественном выражении. Вывод о поле исполнителя принимается в соответствии с процедурой последовательных приближений, основанной на пятишаговом решающем правиле. В половине случаев вывод принимается на первом шаге (на основе исследования 9 при-

знаков) с надежностью 0,99. Предусмотрены выводы с надежностью 0,95. Меньшая надежность служит основанием лишь для вывода в форме НПВ (8).

Разработана методика установления пола, возраста и психологических характеристик исполнителя рукописи (РФЦСЭ при Мин-юсте России) — методика, основанная на вероятностном подходе и статистическом анализе частот проявлений общих, особенных и частных признаков в почерках лиц разного пола, различных возрастных групп и обладающих разными комплексами психологических характеристик. Методика рекомендована к опубликованию.

Методики установления условий выполнения рукописи

Эта группа методик разрабатывалась применительно к решению задач, связанных с установлением необычных условий выполнения рукописей. Она включает как традиционные, так и нетрадиционные методические системы. Как правило, нетрадиционные методики имеют традиционные аналоги.

В связи с тем, что основное внимание разработчиков было сконцентрировано на установлении «сбивающих» факторов, как задаче диагностического исследования, специального рассмотрения требует вопрос о возможности установления экспертом факта выполнения рукописи в обычных условиях. К сожалению, симметричное решение вопроса, а именно вывод о выполнении рукописи в обычных условиях, как бы от обратного, при отсутствии в ней признаков необычного выполнения невозможен. Пороги «сбиваемости» в ПД ФДК навыков у разных людей настолько различны, что отсутствие признаков необычности в почерке конкретного лица еще не является свидетельством отсутствия «сбивающих» факторов в действительности. Например, средняя степень алкогольного опьянения, как правило, вызывающая заметные и довольно симптоматичные изменения в почерке, в отдельных случаях у лиц, обладающих высоковыработанным почерком с совершенной системой движений, может пройти незамеченной. При выполнении подписей, которое вообще характеризуется высокой степенью автоматизма, многие «сбивающие» факторы, обычно вызывающие изменения в подписном почерке, у отдельных лиц на почерке не скажутся, например, необычная поза — письмо без опоры на предплечье, слабая освещенность и др. Поэтому эксперт не должен брать на себя обязанность решения задачи установления факта выполнения рукописи в обычных условиях в случае отсутствия признаков, свидетельствующих об обратном. Самое большее, что возможно констатировать в этих случаях — это отсутствие признаков необычного выполне-

ния, что свидетельствует о том, что рукопись выполнялась в условиях, исключая влияние резко «сбивающих» факторов для данного лица.

Установление факта выполнения рукописи в необычных условиях осуществляется как с помощью традиционных, так и нетрадиционных методических систем. Как уже упоминалось ранее, существуют «универсальные» качественно-описательные признаки, свидетельствующие о влиянии на процесс письма «сбивающих» факторов. Этому способствуют и выявляемые в рукописи симптоматичные признаки, характерные для воздействия на процесс выполнения как текстов, так и подписей, определенных необычных условий. Обычно эта задача решается экспертом в процессе исследования, имеющего целью установление конкретной причины, влияющей на почерк данного лица, и оказывается подзадачей в общем процессе экспертного исследования. Поэтому практически методика решения указанной задачи при производстве конкретной экспертизы формируется самим экспертом с опорой на соответствующие признаки. На нетрадиционном уровне решение этой задачи предусмотрено в иерархически построенных алгоритмах методики исследования подписей, выполненных в необычных условиях, где это решение осуществляется на первом этапе (9). Характеристика этой методики в целом будет дана ниже.

Для решения задачи о постоянном или временном характере «сбивающих» факторов используются специально разработанные методики, методические рекомендации и описания признаков в литературных источниках, в основном представленные на традиционном уровне. Решение этой задачи особенно сложно при неполном ее компонентном составе. Если же имеются образцы почерка предполагаемого или действительного исполнителя, сведения о нем и об условиях выполнения исследуемой рукописи, решение этой задачи вполне перспективно. Оно основывается на анализе и сравнении диагностических признаков в исследуемом документе и образцах. Совпадение их по наличию определенных проявлений, степени их выраженности и локализации свидетельствуют о постоянстве «сбивающей» причины. Различие же по этим показателям позволяет развить далее версию о временном характере влияния «сбивающего» фактора.

Для установления постоянно действующих возрастных факторов, а именно пожилого и старческого возраста, в отношении текстов имеются методические рекомендации, в которых содержатся описания информативных признаков, которыми возможно воспользоваться в экспертной практике при решении соответствующих вопросов (10). Для исследования подписей разработана специальная методика — методика судебно-почерковедческой экспертизы под-

писей, выполненных от имени лиц пожилого и старческого возраста (11). Эта методика основана на теоретических и экспериментальных данных о закономерностях изменения подписного почерка, связанных с физиологическими и патологическими процессами, происходящими в организме человека в связи с его старением. Она разработана на качественно-описательном уровне и включает описание информативных диагностических признаков и механизма их проявлений, возможностей их дифференциации от проявления признаков при имитации (подражании) подписи пожилых лиц и лиц, находящихся в старческом возрасте.

Признаки патологического характера описывались в различных методических и литературных источниках (3, 12, 13 и др.).

Как уже говорилось ранее, временно воздействующие на выполнение рукописей «сбивающие» факторы дифференцируются на связанные с намеренным изменением своего почерка и не связанные с ним. Методическая литература на этот счет весьма многочисленна. В отношении текстов предметом исследования были различные способы намеренного изменения почерка: скорописное — изменение наклона, изменение строения почерка и частных признаков, компетентное изменение почерка; посредством перемены пишущей руки; подражание — буквам печатной формы, прописям, маловыработанному практическому почерку, почерку другого конкретного лица. В большинстве случаев методический материал носит качественно-описательный характер (3, 14 и др.). Однако имеются и методики, разработанные на базе вероятностного подхода и статистического анализа информативных признаков. Таковы метод установления факта намеренного изменения почерка скорописным способом и метод выполнения текста непривычной левой рукой (15, 16).

Метод установления факта намеренного изменения почерка скорописным способом за счет изменения строения и частных признаков основан на экспериментальном изучении различий частот встречаемости проявлений признаков в измененных и неизмененных почерках. Разработан с учетом строения почерка. Дает возможность использовать количественные данные об информативности проявлений признаков, характеризующих скорописное намеренное искажение почерка в целях дифференциации измененных и неизмененных почерков различного строения.

Метод установления факта выполнения текста непривычной левой рукой также основан на вероятностном подходе и специальном статистическом анализе различий частот встречаемости проявлений признаков в рукописях, выполненных непривычной левой рукой, и рукописях, исполненных привычной правой. Этот метод позволяет использовать количественные данные о значимостях проявлений

признаков, характеризующих выполнение рукописи левой рукой, в целях установления этого факта.

«Сбивающие» факторы, не связанные с намеренным изменением почерка, (их еще называют естественными, в отличие от искусственных, т.е. связанных с сознательным вмешательством исполнителя рукописи в письменный процесс) делят на внутренние и внешние. Как известно, к первым относят различного рода функциональные состояния пишущего временного характера (алкогольное или наркотическое опьянение, действие фарм. препарата, утомление, кратковременные недомогания и т.п.). Вторую группу образуют обстановочные факторы: необычные поза, подложка, необычный материал письма, недостаточная освещенность или ее отсутствие, письмо в движущемся транспортном средстве и т.п. В отношении текстов имеются специальные разработки методического характера, проведенные в основном на качественно-описательном уровне. Они сводятся главным образом к описанию информативных признаков и методическим рекомендациям по их исследованию (например, 17). Не потеряла своего методического значения работа по исследованию текстов, выполненных в состоянии опьянения (18).

В большей мере количественный подход реализовывался применительно к исследованию подписного почерка. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, подпись в качестве краткого объекта вообще недостаточно информативна для исследования только на традиционном уровне и, во-вторых, решению идентификационного вопроса о подлинности (или неподлинности) подписи, отражающего наиболее типичную задачу экспертизы, часто сопутствует решение различных диагностических задач. Наиболее типичной диагностической задачей, сопутствующей отрицательному выводу о неподлинности подписи, является установление факта выполнения неподлинной подписи с подражанием подписному почерку лица, от имени которого эта подпись значит. Эта задача всегда была в центре внимания почерковедов при разработке методических систем как на традиционном, так и нетрадиционном уровне. **Реже**, но тем не менее довольно часто, решается экспертом-почерковедом диагностическая задача установления факта выполнения подписи в состоянии алкогольного опьянения. Необходимость решения этой задачи нередко сопутствует решению идентификационной задачи, однако иногда она ставится перед экспертом и самостоятельно. Решаются и другие диагностические задачи, такие как: установление факта автоподлога, сходства подписного почерка исполнителя исследуемой подписи и подписного почерка проверяемого лица, воздействия на процесс письма стрессогенных факторов, болезненного состояния, физической и умственной усталости, обстановочных

факторов — неудобной позы, плохой освещенности, движущегося транспортного средства и т.п. Возможности дифференциации «сбивающих» причин на традиционном уровне исследования весьма ограничены, в связи с чем разрабатывались модельные методные системы установления некоторых воздействующих на процесс выполнения подписи факторов. Такими системами являются метод исследования подписей, выполненных в состоянии опьянения и методика исследования подписей, выполненных в необычных условиях.

Метод исследования подписей, выполненных в состоянии опьянения, разработан в целях решения диагностической задачи — дифференциации подписей, выполненных в состоянии опьянения средней степени; подписей, выполненных в обычных условиях; и подписей, выполненных с подражанием «по памяти» (11). Метод основан на вероятностном подходе и статистическом анализе частот проявлений признаков как собственно диагностических, так и традиционно идентификационных, выявляемых в процессе сравнения (определенных совпадений и различий). Метод позволяет решать соответствующую диагностическую задачу с большой степенью надежности.

Методика исследования подписей, выполненных от имени существующих лиц в необычных условиях, является интеграционной методикой, предполагающей ее использование для решения диагностических и идентификационных задач в едином процессе исследования (9). Поэтому в части решения диагностических задач она относится только к задачам, имеющим полный компонентный состав. Методика построена на использовании качественно-описательных проявлений общих и частных признаков, их совпадений и различий, а также частотных характеристик. Методика включает подробные описания симптомокомплексов признаков и экспертных ситуаций, характерных для определенных условий: обычных, необычных; автоподлога, подражания, состояния опьянения, наличия сходства сравниваемых подписных почерков. При ее разработке были учтены и другие функциональные состояния — стресс, утомление, а также обстановочные факторы — необычная поза, нестандартная подложка, слабая освещенность, движущееся транспортное средство. Однако по результатам эксперимента разделить их не удалось, в связи с чем симптомокомплекс по указанным функциональным и обстановочным факторам дан в одной общей группе (условно названной группой «обстановочных» факторов). Методика позволяет алгоритмизированно (как качественно-описательно, так и количественно) провести исследования на базе единого иерархического процесса в режиме проверки экспертных версий в попарном сравнении условий. При разработке симптомокомплексов учитывались взаимозависимости диагностических признаков.

Однако следует отметить наибольшую эффективность этой методики в решении задач, связанных с установлением факта необычного выполнения подписей, и решения наиболее сложной задачи — дифференциации автоподлога и подражания. Разделить «обстановочные» факторы в пределах обширного и обобщенного экспериментального исследования оказалось сложно потому, что эта группа условий по силе воздействия слабо влияла на процесс выполнения подписей с учетом того, что подписи характеризовались высокой либо выше средней степенью выработанности. Возможно, более эффективными были бы дальнейшие специальные экспериментальные исследования для изучения влияния «обстановочных» факторов для их дифференциации с учетом силы воздействия в пределах интересующей нас группы условий.

5.3. Особенности составления заключения эксперта-почерковеда, решающего диагностическую задачу

Общие принципы и правила составления заключений экспертов-почерковедов (2) относятся и к заключениям, которыми оформляются судебно-почерковедческие диагностические исследования. Особенности составления заключений в этом случае следует рассматривать применительно к экспертным ситуациям, возникающим в практике и связанным с определенными схемами и методиками исследования, лежащими в основе построения решения диагностической задачи. Существенное значение при этом имеют следующие положения:

- самостоятельность или связанность диагностического исследования с идентификационным;
- компонентный состав задачи — полный или неполный;
- вид примененной методики — традиционная или нетрадиционная.

С учетом перечисленных факторов рассмотрим особенности составления заключения применительно к каждой его части.

Вводная часть заключения. Независимо от того, решается ли диагностическая задача самостоятельно или ее решение сопутствует решению идентификационной задачи, если она имеет полный компонентный состав, во вводной части заключения обязательно должно содержаться описание образцов почерка действительного или предполагаемого исполнителя исследуемой рукописи с указанием реквизитов, существенных для предстоящего диагностического исследования. Классификация образцов почерка на виды — свободные, условно-свободные, экспериментальные — здесь сохраняет

свое значение. Однако в данном случае особенно важное значение приобретают конкретные условия их выполнения или конкретный период времени, поэтому они обязательно должны быть указаны. При этом недостаточно просто отметить общие реквизиты свободных или количество листов экспериментальных образцов, необходимо указать, какие образцы, в каких условиях и каком количестве были получены. Например: «экспериментальные образцы, выполненные М. в неудобной позе — стоя с расположением подложки на вертикальной поверхности, на 5 листах». Если такого рода образцы были получены с участием специалиста, об этом также следует упомянуть во вводной части заключения после описания образцов.

При решении диагностических задач важное значение имеют относящиеся к предмету экспертизы сведения о действительном или предполагаемом исполнителе (возраст, состояние здоровья) и об условиях или времени, в которых предположительно выполнялся исследуемый документ. Также важны версии лица, назначившего экспертизу, и версии других участников процесса (они часто содержатся в кратком изложении обстоятельств дела, послуживших основанием для назначения экспертизы). Например: исследованию подлежит долговая расписка, исполнение которой лицо не отрицает, но утверждает, что она выполнялась в условиях сильного физического и психического прессинга, а именно во время движения в автомашине, причем пишущее лицо находилось на заднем сиденье между двумя вооруженными людьми, при размещении подложки на коленях. Перед экспертом поставлена задача — установить, не выполнена ли расписка в необычных условиях: неудобной позе, движущемся транспортном средстве, необычном функциональном состоянии. Полученные сведения эксперт кратко излагает в конце вводной части.

Исследовательская часть. 03 о ГСЭД (ст. 25) и отраслевое процессуальное законодательство обязывают эксперта указывать, какие методы и методики он применил для дачи заключения. Поэтому во всех случаях обязательно указание методов, методик, инструментальной базы, использованных экспертом для проведения исследований и получения его результатов. Это правило действенно и при составлении исследовательской части заключений экспертов-почерковедов, решающих диагностические задачи. В начале исследовательской части должно быть отмечено, какая методика применялась и соответствующий литературный источник.

При неполном компонентном составе задачи, который типичен для атрибутивно-диагностических задач и диагностических задач, решаемых при отсутствии действительного или предполагаемого исполнителя, описание исследования обычно реализуется по следующей схеме:

- указываются условия применения конкретной методики и ее возможности (необходимость решения задачи, вытекающая из поставленного вопроса, соответствие данной экспертной ситуации общим условиям применения методики и др.). Например, если условиями применения методики являются определенный вид рукописи, объем рукописи, степень выработанности почерка, то они должны быть отражены в исследовательской части;

- описание этапов исследования и перечень выделенных информативных признаков на каждом из **них с точки** зрения решаемой диагностической задачи;

- общая оценка выделенного комплекса признаков и соотнесение этой оценки с принятием решения.

Если для решения конкретной диагностической задачи имеется нетрадиционная формализованная методика, то в ее рамках (в соответствующем пособии) даются рекомендации относительно примерного описания применения ее в заключении, которыми и следует руководствоваться.

Так, например, при решении вопроса о факте выполнения рукописи намеренно измененным почерком необходимо указать, что текст по объему большой или средний, а степень выработанности почерка — высокая, т.к. это условия применения соответствующей методики. Если методикой предусмотрена количественная оценка значимости выделенных информативных признаков, то указывается эта значимость в отношении каждого признака и выделенного комплекса информативных признаков в целом — суммарная значимость. Эта значимость соотносится с решающим правилом, которое позволяет оценить вклад этой значимости в принимаемое решение, формулируемое в общепринятых формах выводов.

При условии, что методика автоматизирована, приводятся данные исследования на ЭВМ (указываются соответствующие программные комплексы и результаты их применения), а в наблюдательном производстве остаются подробные распечатки.

Описание исследования при полном компонентном составе решаемой диагностической задачи прежде всего различается в зависимости от того, является ли решение этой задачи самостоятельным или сопутствует решению идентификационной задачи.

В первом случае в процесс исследования обязательно включаются решение идентификационной задачи и сравнительное исследование диагностических признаков. Отсюда примерная схема описания выглядит следующим образом:

- описание исследуемого почерка по общим и диагностическим признакам на традиционном уровне с результатами промежуточного синтеза;

- описание идентификационного исследования;
- описание сравнительного исследования диагностических признаков;
- синтезирующая оценка диагностических признаков (комплекса).

Описание исследуемого почерка по общим и диагностическим признакам на традиционном уровне дается как отражение общего этапа исследования для диагностического и идентификационного исследования.

Идентификационное исследование необходимо потому, что проводя диагностическое исследование при полном компонентном составе задачи, эксперт должен быть уверен в выполнении сравнительного материала именно тем лицом, которым выполнена исследуемая рукопись. Если специальный вопрос об исполнителе не поставлен и у эксперта нет уверенности в том, что исследуемую рукопись и образцы действительно выполняло одно лицо, проводится промежуточное идентификационное исследование, которое отражается в исследовательской части заключения. В случае принятия положительного решения об исполнителе в заключении результаты идентификационного исследования могут быть представлены в краткой формулировке, например: «В целях проверки факта выполнения исследуемой рукописи Н., образцы почерка которого представлены, было проведено сравнительное исследование почерка, которым выполнена исследуемая рукопись и почерка Н., в результате которого установлено, что исследуемая рукопись выполнена Н.». В том же случае, если идентификационное исследование закончилось отрицательным выводом, следует описание сравнительного исследования привести полностью, как это принято при решении идентификационной задачи в качестве основной. В этом случае диагностическая задача утрачивает полный компонентный состав и ее решение описывается по схеме отражения в заключении решения задачи с неполным компонентным составом.

Сравнительное исследование диагностических признаков описывается различно в зависимости от ряда моментов: вида примененных методов и методики; что было результатом сравнения — совпадения или различия; было ли самостоятельным решением диагностической задачи или оно сопутствовало решению задачи идентификационной.

Если диагностическое исследование проводилось по нетрадиционной методике, то сравнительное исследование описывается в соответствии с ее рекомендациями. Например, при установлении факта выполнения подписи в состоянии алкогольного опьянения с применением соответствующей нетрадиционной методики, описание процесса сравнения и его результатов, которые выглядят как перечисление информативных признаков и ситуаций (совпадений и различий) с указанием значимостей отдельных признаков.

Если же нетрадиционные методы не применялись, результаты сравнительного исследования в заключении отражаются на качественно-описательном уровне. При этом действует общее правило — если установлены как совпадения, так и различия диагностических признаков, должны быть описаны и те и другие. При совпадении диагностических признаков, что чаще всего имеет место при воздействии на процесс письма постоянного «сбивающего фактора», описание совпадающих диагностических признаков может быть дано в виде их простого перечисления с конкретизацией. В случае различий диагностических признаков, что, как правило, наблюдается при воздействии на процесс письма временных причин, описание результатов сравнения целесообразно давать в табличной форме, принятой в идентификационном исследовании для описания различий признаков с их конкретизацией (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

№	Наименование диагностических признаков	Проявление признаков	
		в исследуемом объекте	в образцах
1	2	3	4

В этом случае в приведенную форму таблицы заносятся выявленные различающиеся проявления диагностических признаков, таких как: степень выработанности, степень совершенства системы движений, строение почерка, координация движений 1-й и 2-й групп, темп, нажим, связность, равномерность интервалов между словами, строками, исправления, дописки, пропуски букв и элементов и т.п.

Если диагностическое исследование проводилось в рамках решения идентификационной задачи, для описания сравнения существенно: требовало ли оно самостоятельного исследования или включалось в методику идентификационного экспертного процесса. В первом случае все ранее сказанное действенно и в отношении рассматриваемого варианта. Однако в ряде случаев методика решения судебно-почерковедческой задачи оказывается интеграционной и предполагает сравнение и оценку как диагностических, так и идентификационных признаков в сочетании. При этом условии после общей характеристики почерка, которым исполнена исследуемая рукопись, и промежуточного диагностического синтеза результаты сравнительного исследования могут быть описаны в виде единого перечня как совпадающих, так и различающихся признаков.

В оценочной части раздела «Исследование» определяется значимость выявленных различающихся признаков в исследуемой рукописи, информативных с точки зрения решения данной диагностической задачи. Эта оценка может относиться к отдельным признакам, но обязательно содержит характеристику их совокупности (сочетания, системы) как основы диагностического вывода.

Если экспертом применялись нетрадиционные методы или методики, включающие количественные критерии оценки, то в оценочной части приводятся соответствующие количественные данные, положенные в основу решения диагностической задачи, **о чем** уже говорилось выше. **При** проведении исследования без формализованной базы эта оценка основывается на содержащихся в методической литературе рекомендациях, экспериментальных данных, наблюдениях, «несчитанной статистике». Если при этом имеет значение конкретный источник, он упоминается.

При изложении оценочной части исследования в заключении важное значение имеет соблюдение логической согласованности описания промежуточного синтеза и заключительной оценки и в случае интеграционного решения диагностической и идентификационной задач — промежуточного синтеза, оценки результатов сравнения идентификационных признаков и оценки результатов сравнения диагностических признаков (заключительный синтез).

Описание промежуточного синтеза, как правило, не может быть уже, чем описание заключительного синтеза в диагностическом или интеграционном исследовании. Круг причин, раскрывающих факт необычного выполнения рукописи, должен быть шире или равен тем, которые устанавливаются в результате дальнейшего исследования. Последние могут быть конкретнее, даже сводиться к одной причине, но они должны охватываться тем видом необычности, который был очерчен в промежуточном синтезе. **Тем** более между ними не должно быть противоречий. Например, нельзя в промежуточном синтезе связывать необычность выполнения рукописи с воздействием обстановочных факторов, а затем в заключительном написать о том, что рукопись выполнена в состоянии опьянения.

Общим правилом оценки является обязательная оценка значимости как совпадений, так и различий. Это правило полностью распространимо на оценку диагностических признаков и ее отражение в заключении. Если диагностическое исследование сопутствует идентификационному или проводится в его рамках, оценочная диагностическая часть должна быть логически согласована с оценкой совпадений и различий идентификационных признаков.

При положительном решении идентификационной задачи относительно исполнителя рукописи совпадения диагностических признаков оцениваются с точки зрения постоянства действующих на

процесс письма «сбивающих» факторов. Если же при этом имеют место различия проявлений диагностических признаков, они оцениваются с точки зрения воздействия временных причин, а при наличии определенного смитгомокомплекса различий — как свидетельствующие о круге причин или конкретной причине.

В первом случае совпадения проявлений диагностических признаков могут выполнять функцию идентификационных и описываются в их едином перечне; во втором — они чисто диагностические и здесь важно правильно определить круг временно воздействующих факторов или конкретную причину.

При отрицательном идентификационном результате исследования неподлинных подписей наиболее типичный случай согласования компонентов оценки следующий. В промежуточном синтезе констатируется факт выполнения подписи в необычных условиях в том числе возможно с подражанием подлинным подписям. В заключительном синтезе оцениваются отдельно: различия идентификационных признаков и совпадения в сочетании с различиями диагностических признаков (проявлений). Различия идентификационных признаков объясняются выполнением исследуемой подписи другим лицом (идентификационный вывод). Совпадения же при проявлениях диагностических признаков объясняются фактом подражания.

Выводы. Основные формы выводов по отношению к искомому объекту и степени подтвержденности — положительный и отрицательный, категорический и вероятный, вывод в форме «установить не представилось возможным» (**НПВ**) — используются и при формулировании окончательных решений диагностических задач. Однако в отличие от идентификационных, выводы экспертов-почерковедов по диагностическим исследованиям более многообразны. **Так**, по количеству значимых связей искомого и проверяемых условий они могут быть однозначными и альтернативными; по модальности — возможности и действительности. В практике производства диагностических исследований почерка альтернативные выводы и выводы о возможности довольно распространены. Кроме того, диагностические выводы по своей структуре могут быть простыми и сложными. Простым выводом будет вывод, содержащий в своей формулировке одно решение, сложным — более одного (несколько решений). Сложные выводы могут сочетать в своей структуре различные формы решений.

Структурная сложность диагностических выводов обычно отражает иерархию принятия решений в процессе исследования, а именно:

- о факте необычных условий, в которых выполнялась рукопись;
- о постоянном или временном характере этих условий;

- о связи временных факторов с намеренным изменением своего почерка или подписи либо без такового;

- об определенной группе причин или конкретной причине. Однако в зависимости от конкретного решения формулировка конечного вывода может быть как простой, так и сложной. Простой она бывает в двух случаях:

- 1) эксперт все промежуточные задачи решил в категорической положительной и однозначной форме и в итоге установил конкретную причину (фактор). Например, эксперт установил факт выполнения рукописи в необычных условиях, временный характер этих условий и конкретную причину — выполнение рукописи непривычной левой рукой. В этом случае формулировка вывода будет простой, например: «Текст записки, начинающийся и заканчивающийся словами соответственно: «Так будет с каждым...» — «... Будь здоров.», написан непривычной левой рукой»;

- 2) перед экспертом стояла задача — установить одно конкретное условие (другие условия лицо, назначающее экспертизу, не интересовали). Например, в ответ на вопрос: «Не выполнена ли подпись от имени М. в состоянии опьянения», эксперт формулирует вывод: «Установить, не выполнена ли подпись от имени М. в состоянии опьянения не представилось возможным...».

В других случаях вывод эксперта чаще имеет сложную структуру. В таком выводе каждое из решений может иметь свою форму, которая должна соответствовать общепринятым вариантам их редакции'.

Типичными вариантами конструкций сложных выводов являются следующие.

- 1) Факт влияния необычных условий установлен в положительной категорической форме.

Временный характер необычных условий и отсутствие связи с намеренным изменением почерка установлены в положительной категорической форме.

Причины, повлиявшие на процесс письма, установлены в категорической альтернативной форме.

- 2) Факт влияния необычных условий установлен в положительной категорической форме.

Факт связи с временными или постоянными факторами установлен в положительной альтернативной форме.

Конкретная группа причин установлена в альтернативной форме и форме возможности.

- 3) Факт влияния необычных условий установлен в положительной вероятной форме.

Подробно формы выводов рассмотрены в работе (19).

Факт связи с временными факторами установлен в положительной вероятной форме.

Факторы, связанные с намеренным изменением и не связанные с ним, обусловленные обстановкой или состоянием писавшего, определены в положительной вероятной форме.

Примером 1-го варианта может служить следующий:

«Подпись от имени Н. выполнена в необычных условиях обстановочного характера ~ в неудобной позе (стоя при расположении подложки на вертикальной поверхности) либо в движущемся транспортном средстве)».

Разновидностью этого варианта может быть конечное решение в форме возможности, например: «Подпись от имени Н. выполнена в необычных условиях обстановочного характера, каковыми могли быть: неудобная поза, необычная подложка, письмо в движущемся транспортном средстве и др.».

Отличительной чертой данного подварианта является то, что перечень альтернативных условий не закрыт. Это означает, что экспертом были перечислены наиболее типичные условия в виде возможных, но не исключаются и другие, не упомянутые.

В качестве примера 2-го варианта приведем следующий: «Подпись от имени Н. выполнена в необычных условиях временного или постоянного характера, каковыми могли быть как обстановочные сбивающие факторы (неудобная поза, движущееся транспортное средство и др.), так и необычное состояние (алкогольное опьянение, стресс и т.п.).»

В этом случае категорический однозначный вывод дан только в отношении факта воздействия на процесс письма необычных условий. Второй и третий выводы даны в категорической и одновременно в альтернативной форме, а также в форме возможности.

Третий вариант выглядит примерно следующим образом.

«Подпись от имени Н. выполнена, вероятно, в необычных условиях временного характера, связанных либо со стремлением изменить свой почерк, либо с поспешным выполнением подписи в необычной обстановке (неудобная поза и т.п.) или в необычном состоянии (опьянение и др.)».

В данном случае вероятная форма вывода относится ко всем решениям, из которых вывод в однозначной форме дан только в отношении факта необычных условий. В остальных случаях вероятная форма сочетается с альтернативной.

Если вывод эксперта основан на использовании специальной количественной методики или количественного метода оценки признаков, в исследовательской части, а иногда и в выводе, указывается количественный показатель надежности выводов. Это требуется при установлении свойств личности, а также ряда условий выпол-

нения рукописи, если основания дачи выводов формализованы и зависят от применения соответствующих решающих правил.

-В случаях, связанных с применением традиционных методик, формулирование выводов имеет свою специфику, которая зависит от примененной схемы исследования и полученных результатов.

Особенностью формулирования выводов в этих случаях является «несимметричность» выводов эксперта при решении вопроса о влиянии на процесс письма необычных условий. При положительном решении вопроса вывод формулируется в любой из возможных форм, однако если признаки необычного выполнения экспертом не были обнаружены, современная практика идет по пути отказа от формулирования вывода о выполнении рукописи в обычных условиях.

Причина состоит в следующем: у каждого пишущего существуют свои «пороги сбиваемости» ПД ФДК навыков, которые у разных людей могут существенно различаться в силу целого ряда условий. Научные и экспериментальные исследования влияния различных условий на процесс письма обычно учитывали среднюю и большую нагрузку этих условий. Например, при исследовании влияния алкогольного опьянения на процесс письма эксперименты проводились в основном с лицами, находящимися в средней степени опьянения, т.к. при легкой степени признаки, симптоматичные для этого условия, в рукописи не проявлялись, а при тяжелой человек, как правило, вообще не в состоянии писать. Поэтому отсутствие признаков необычного выполнения в рукописи еще не доказательство отсутствия искомого факта. Как показали экспериментальные исследования, стрессовое состояние, например, при ДТП, в рукописях одних лиц вызывает появление признаков необычности, а других — нет. Поэтому вывод о выполнении рукописи в обычных условиях экспертами-почерковедами, как правило, не формулируется. Самое большее, что ими может быть отмечено, в том числе и в выводе, — это отсутствие признаков необычного выполнения в рукописи. В остальной части вывод дается в форме НПВ.

Однако в конкретных случаях этот вывод может быть уточнен в зависимости от искомого условия и возможностей методики исследования. Например, при решении вопроса о факте алкогольного опьянения эксперт при отсутствии выраженных признаков может исключить тяжелую и с большой вероятностью среднюю степень опьянения. Аналогично можно поступить и при условии, если речь идет о «сбивающих факторах» большой силы, которые почти всегда и у всех вызывают изменения в почерке. Сказанное, разумеется, не касается случаев, когда сам факт изменения почерка пишущим запрограммирован, т.е. случаи намеренного изменения почерка. Здесь отрицательные категорические выводы, естественно, должны присутствовать.

В отличие от идентификационных выводов при формулировании диагностических выводов в вероятной форме при наличии в формулировке альтернативных причин допустимо выделение особой степени вероятности в отношении какой-то из них или определенной их группы в виде добавления слов: «вероятнее всего». Например: «Удостоверительная запись в договоре (следует описание реквизитов документа) выполнена в необычных условиях, вероятнее всего, в болезненном состоянии или в состоянии стресса».

В соответствии со ст. 25 ФЗ о ГСЭД составной частью заключения эксперта являются фотоиллюстрации. Однако они не являются его обязательной частью и при производстве диагностических исследований присутствуют в заключении далеко не всегда. Скорее всего, причина этого состоит в неразработанности правил составления фототаблиц для иллюстрации диагностических исследований, что является методической задачей дальнейших разработок в области судебно-почерковедческой экспертизы.

При применении экспертами количественных и автоматизированных методов и методик таблицы и распечатки, полученные на компьютере, являются приложениями к наблюдательному производству, которое хранится в экспертном учреждении установленное время.

Список литературы

1. *Основы судебной экспертизы*. Ч. 1. Общая теория. М., 1997.
2. *Судебно-почерковедческая экспертиза*. Общая часть. М., 1989. Вып. 2.
3. *Куприянова А.А.* Методические рекомендации решения судебно-почерковедческих диагностических задач. Минск, 1982.
4. *Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов*. М., 1996. Вып. 2.
5. *Кулагин П.Г., Колонцова А.И.* Дифференциация рукописей на мужские и женские // *Судебно-почерковедческая экспертиза*. М., 1971. Вып. 2.
6. *Кирсанов З-Й., Рагозин А.П.* Методика распознавания по почерку возраста и пола исполнителя рукописи // *Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований*. М., 1974.
7. *Каюнов О.Н., Сахарова Н.Г., Смирнов А.В.* Модифицированный метод определения пола исполнителя рукописи по средневыработанному почерку // *Экспертная практика и новые методы исследования: Экспресс-информация*. М., 1982. Вып. 9.
8. *Герасимов Л.Н., Погибко Ю.Н.* и др. Установление пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанное™: *Метод, письмо*. М., 1993.

9. Орлова **В.Ф.**, Смирнов **А.В.** Исследование подписей, выполненных в необычных условиях: Метод, пособие. М., 2002.
10. Чепульченко **Т.А.** Установление пожилого и старческого возраста исполнителя рукописного текста. Метод, рекомендации. М., 1984.
11. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. М., 1997. Вып. 3.
12. Судебно-почерковедческая экспертиза. Ч. 1. М., 1971.
13. Томилин **В.В.** Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М., 1974.
14. Стрибуль **Т.Н.** Диагностические и идентификационные признаки почерка, сознательно измененного скорописным способом // Теория и методика судебно-почерковедческого и технического исследования документов: Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1988.
15. Модифицированная методика установления факта намеренного изменения почерка // Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании в судебно-почерковедческой экспертизе: Метод, пособие. М., 1976.
16. Расулов **А.С.** Установление факта выполнения рукописи непривычной к письму левой рукой: Метод, рекомендации. Ташкент, 1986.
17. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе. Киев, 1972.
18. Костенко **К.И.**, Нефедова **Т.К.**, Асафьева **Н.И.** Устойчивость и изменяемость признаков почерка в зависимости от степени алкогольного опьянения // Экспертная техника. М., 1967. Вып. 13.
19. Орлов **Ю.К.** Формы выводов в заключении эксперта: Метод. пособие. М.: ВНИИСЭ, 1981.

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО" ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА-ПОЧЕРКОВЕДА, РЕШАЮЩЕГО ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

6.1. Подготовка материалов для производства судебно-почерковедческой диагностической экспертизы при расследовании преступлений и рассмотрении дел в суде

Принимая решение о назначении судебно-почерковедческой экспертизы с заданиями диагностического характера дознаватель, следователь или судья должны:

- определить объект предстоящего экспертного исследования;
- определить задачу экспертизы и сформулировать вопросы эксперту;
- подготовить необходимые для эксперта сведения, относящиеся к предмету экспертизы;

• если диагностическая задача имеет полный компонентный состав (т.е. известен предполагаемый или действительный исполнитель рукописи), подготовить необходимый и достаточный по количеству и качеству сравнительный материал. Объект диагностического исследования в данном случае — это общий родовой объект судебно-почерковедческой экспертизы, т.е. рукопись во всех ее разновидностях: тексты различного объема, краткие записи, подписи.

При назначении судебно-почерковедческой диагностической экспертизы важно соблюдение общего правила, требующего направления в качестве исследуемого объекта подлинного документа, в особенности, если речь идет об установлении условий выполнения конкретной рукописи. В копии рукописи — тексте, подписи — получают отображение далеко не все признаки почерка, имеющие-

ся в оригинале. При этом в какой-то мере в копии отображаются идентификационные признаки, в связи с чем идентификационное исследование с целью установления исполнителя подлинника еще может быть проведено. Что же касается диагностических признаков, то, как правило, они либо не передаются в копии, либо присутствуют в ней в искаженном виде. Например, в тексте, переданном по факсу, локально-кусочная структура штрихов такова, что судить по ним о действительной координации движений, темпе, **нажиге** исполнителя рукописи невозможно. В такой копии в силу технических причин штрихи теряют ровность и создают картину раскоординированности движений, в то время как в оригинале этого нет. Искаженно передаются проявления нажима, в особенности в копиях, изготовленных электрофотографическим способом. Таким образом, в качестве объекта судебно-почерковедческого диагностического исследования экспертизу должен направляться только подлинный документ.

Задача судебно-почерковедческого диагностического исследования определяется на основании тех фактических данных, которые требуется установить, и ставится перед экспертом в форме вопроса, который приводится в постановлении или определении о назначении экспертизы. При постановке задач атрибутивно-диагностического характера и формулировании соответствующих вопросов в практике сложностей не возникает. Обычно вопрос в этих случаях выглядит следующим образом: «Лицом какого пола и возраста выполнен текст записки? Каковы психологические характеристики, присущие ее исполнителю?».

Формулируя вопрос при постановке задач собственно диагностического характера, стоит придерживаться определенных правил:

1) отпавляясь от обстоятельств дела следует по возможности сузить круг условий, подлежащих проверке с помощью экспертного исследования и во всяком случае избегать неопределенных заданий. Например, если по обстоятельствам дела запись или подпись предположительно выполнялись лицом в состоянии тяжелой болезни, лежа в постели, именно эти условия необходимо включить в вопрос, сформулировав его примерно так: «Не выполнена ли удосто-верительная запись в (следуют реквизиты документа) в необычных условиях, а именно — в необычной позе (лежа в постели) и (или) в болезненном состоянии?»;

2) очерчивая круг искомых условий, необходимо упомянуть **обо** всех возможных «сбивающих» факторах, которые по обстоятельствам дела могли сопутствовать выполнению рукописи. Продолжая приведенный в п. 1 пример, в вопросе можно было указать и такие условия, как оказание помощи при письме — поддержка руки или ее ведение другим лицом. Таким образом, приведенный в п. 1 во-

іірос доповнюється другим: «Не виконана ли удостоверительная запись с помощью другого лица в виде поддержки или ведения руки?»;

3) если по материалам дела существенно установлено наличие одной, строго определенной причины, в вопросах указывается именно она. Например: «Не выполнен ли текст записки непривычной левой рукой?», «Не выполнен ли текст расписки намеренно измененным почерком?». В случае возможной контрверсии из числа необычных условий следует в вопрос включить и ее, например: «Написан ли текст письма К. намеренно измененным почерком или он выполнен другим лицом с подражанием почерку К.?».

Следует избегать неточных, непонятных и просто громоздких формулировок вопросов, заставляющих эксперта выяснять у следователя или судьи их содержание и уточнять редакцию. Примером непонятного вопроса может служить такой: «Имеются ли признаки того, что подписи (следует их перечисление) исполнены Б. в нехарактерных для него условиях»¹. На основании такой редакции вопроса эксперт мог только догадываться, что следствие интересуется факт выполнения подписей в необычных условиях и в каких именно. Эксперту пришлось уточнять задание у лица, назначившего экспертизу. Примером излишне усложненного может служить вопрос: «Не являются ли различия в различных вариантах подписи М., выявленные в ходе расследования и судебного разбирательства следствием преднамеренного изменения почерка?». Здесь была бы логичной постановка вопроса: «Не выполнены ли подписи в (следуют реквизиты документов) М. с намеренным изменением подписного почерка?».

Следует избегать в формулировке вопросов выражений: «могло быть», «могло повлиять» и т.п. В принципе постановка задачи перед экспертом в форме возможности вполне допустима. Но в случае постановки перед экспертом задачи об установлении условий выполнения рукописи она не нужна, т.к. следствие и суд всегда интересуется конкретный факт. Например, при назначении экспертизы вопрос был поставлен так: «Могло ли повлиять на почерк О. то обстоятельство, что на момент подписания завещания О. страдала рядом заболеваний, которые отражены в акте судеб но-психиатрической экспертизы № 1417». Если эксперт даст ответ на этот вопрос в форме возможности, вряд ли это поможет суду, т.к. для него важно, выполнено ли завещание О. в болезненном состоянии, а не только принципиальная возможность влияния ее заболеваний на почерк.

Если решение диагностической задачи сопутствует решению идентификационной и входит в процесс исследования в соответст-

¹ Примеры взяты из наблюдательных производств по экспертным заключениям ЛСПЭ РФЦСЭ за 2001 г.

вии с применяемой методикой, то вопрос о ней можно и не ставить. Так, если исследованию подлежит подпись, в отношении которой необходимо установить, выполнена ли она лицом, от имени которого она значится, или другим неустановленным лицом, вопрос о выполнении этой подписи с подражанием в случае установления ее неподлинности можно и не ставить. Решение этого вопроса лежит на обязанности эксперта в соответствии с общей методикой исследования подписей от имени существующих лиц.

В случаях, когда диагностическая задача ставится в отношении конкретного лица (полный компонентный состав), в распоряжение эксперта должны быть представлены надлежащие по качеству и достаточные по количеству сравнительные материалы. Для диагностического исследования, аналогично идентификационному, представляются свободные и экспериментальные образцы, могут также представляться и условно-свободные образцы почерка. Содержание этих понятий и требования, предъявляемые к образцам, общие (1). Вместе с тем особое внимание при подготовке сравнительного материала для диагностического исследования следует обратить на следующие положения.

Для того, чтобы можно было судить о вариационности почерка определенного лица, о присущей ему избирательной изменчивости почерка, образцы должны быть представлены по возможности разнообразными и в большом количестве.

Обязательно представляется базовая категория образцов — рукописи, выполненные в обычных условиях с учетом естественных вариантов, обусловленных темпом письма (привычным, ускоренным, замедленным). Подобные рукописи должны быть в числе свободных, условно свободных образцов, а также специально полученных экспериментально.

Особое значение имеет обеспечение эксперта образцами, выполненными в проверяемых условиях или аналогичных им. К ним относятся рукописи, выполненные в тот же период времени, по возможности под влиянием тех же условий, что и исследуемый документ. Например, если известно, что исследуемая рукопись выполнялась в период, когда ее предполагаемый исполнитель тяжело болел, необходимо отыскать документы, выполненные этим лицом в этот период. В таких случаях особенно важно представление соответствующих свободных образцов, т.к. многие субъективные факторы, влияющие на состояние лица, не воспроизводимы при получении экспериментальных образцов.

В отношении получения экспериментальных образцов почерка действует общее правило: их отбор не должен сопровождаться причинением вреда здоровью, унижением достоинства, причинением моральных страданий. Поэтому при необходимости установления,

не выполнена ли рукопись в необычном состоянии — болезненном или функциональном (алкогольное или наркотическое опьянение, прием фармпрепаратов, стресс) — лицо нельзя приводить в такое состояние для отбора образцов. Равным образом нельзя лицо заставить писать намеренно измененным почерком, а также с подражанием почерку другого определенного лица за исключением тех случаев, когда человек сам признает выполнение исследуемых рукописей определенным способом и согласен показать, как он это делал.

При получении экспериментальных образцов вполне воспроизводимы обстановочные факторы: различные варианты неудобной позы (стоя без опоры на предплечье руки, стоя при расположении подложки на вертикальной поверхности и др.), письмо в движущемся транспортном средстве, затемненном помещении, при использовании нестандартных материалов письма и т.п.

Учитывая, что далеко не все условия, в проверке которых возникает необходимость, воспроизводимы, представляются образцы, выполненные в других условиях, которые по проявлениям диагностических признаков наиболее близки к проверяемым. Сопоставимость этих образцов относительна и условна, но наличие их в распоряжении эксперта очень важно. Такими образцами, например, при необходимости установления факта алкогольного опьянения писавшего, могут быть экспериментальные образцы почерка, выполненные в предельно быстром темпе, что установлено экспериментальными исследованиями, о чем уже упоминалось в предшествующих разделах.

В тех случаях, когда круг проверяемых условий при назначении экспертизы не определен либо затруднительно судить о том, какие именно образцы окажутся сопоставимыми, необходимо получить и направить эксперту как можно больше образцов, причем выполненных по возможности в разнообразных условиях. Здесь может помочь привлечение специалиста для консультации и участия в отборе экспериментальных образцов. С большим вниманием следует относиться к ходатайствам экспертов о получении определенного сравнительного материала и разъяснениям, какие именно образцы необходимы и как их получить.

Особое значение в производстве судебно-почерковедческих диагностических экспертиз имеют сведения из материалов дела, относящиеся к предмету экспертизы. Во-первых, это сведения о лице — действительном или предполагаемом исполнителе рукописи: возрасте, состоянии здоровья или функциональном состоянии во время выполнения рукописи, о возможных аномалиях и особенностях зрительного, двигательного анализатора, письменного-двигательного аппарата. Во-вторых, существенны сведения, относящиеся к ситуации, обстановке, в которой предположительно выполнялась иссле-

дуемая рукопись, а в связи с ней и о возможной психологической установке или эмоциональном состоянии писавшего лица.

В первом случае источником сведений являются автобиографические данные о лице, содержащиеся в материалах дела, медицинские документы — свидетельства, справки врачей, истории болезни, медицинские карты, заключения экспертов-психиатров и т.п. Такие документы запрашиваются из медицинских учреждений, в которых наблюдался или находился на излечении предполагаемый или действительный исполнитель исследуемой рукописи.

Во втором случае источником сведений служат показания очевидцев, свидетелей, показания самого лица, выполнившего рукопись, например, показания лица о том, что его принудили написать долговую расписку, для чего посадили в машину и угрожали огнестрельным оружием.

Сообщая эксперту необходимые сведения, не следует бояться «навязать» ему определенную версию. Методика экспертного исследования, как было показано в предшествующих разделах, построена с учетом проверки всех наиболее вероятных альтернатив (версий и контрверсий) и принятия решения на основе только объективных данных.

Необходимые эксперту сведения следует изложить в постановлении или определении о назначении экспертизы и направить ему первичные материалы (медицинские документы, протоколы допросов и др.)

6.2. Особенности оценки заключения эксперта-почерковеда при решении диагностической задачи

Общие правила оценки и использования заключения судебного эксперта и в частности эксперта-почерковеда (1—5) в полной мере относятся и к оценке заключения эксперта-почерковеда, решавшего диагностическую задачу.

Оценка заключения эксперта всегда предполагает: а) анализ заключения как процессуального документа (юридический аспект), б) исследование заключения как источника новой информации (гносеологический аспект), в) проверку достоверности — правильности и научной обоснованности (верификационный аспект) и г) определение юридической значимости заключения (доказательственный аспект).

Процессуальный закон во всех видах судопроизводства предусматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению дознавателя, следователя, судьи, прокурора на основе всестороннего, полного и объективного исследования источников доказательств. Содержание оценки доказательств состоит в установлении наличия

у оцениваемого источника необходимых доказательственных свойств — относимоеTM, допустимости, достоверности, силы (значимости), достаточности.

Все приведенные аспекты анализа заключения тесно между собой связаны. **Все** они относятся и к оценке заключения эксперта-почерковеда, решавшего диагностическую задачу. Особенности, на наш взгляд, можно усмотреть лишь в связи с оценкой достоверности и значения заключения, содержащего решение судебно-почерковедческой диагностической задачи.

В литературе вопрос об оценке достоверности заключения эксперта рассматривался многими криминалистами и процессуалистами в аспектах научных основ определенного вида экспертизы в целом, а также научной обоснованности конкретных исследований и выводов. В отношении первого аспекта преобладающей является позиция З.М. Соколовского, который считал, что в судебно-почерковедческой экспертизе «истинность научных положений настолько общепризнана и бесспорна, что суду просто нет необходимости задумываться над их научной обоснованностью, и главное — если следователь и суд будут ставить под сомнение истинность общих научных положений, на которых строится криминалистическая экспертиза письма, то сомнению будет подвергаться сама возможность идентификации личности по письму. Это будет не оценка конкретного заключения, а опорочивание данного вида экспертизы в целом. Ничего, кроме вреда судебной практике, такая оценка принести не может» (2, с. 22—23). Одновременно упомянутый автор считает, что в отличие от общих, частные научные положения «безусловно могут подвергаться критике со стороны следователей и судей, которые могут усомниться в правильности выводов эксперта, признав что примененное экспертом частное положение недостаточно обосновано» (2, с. 25). Аналогичной позиции придерживается Фридман (1).

В то же время несколько иную, относящуюся именно к диагностическим заключениям, точку зрения высказал Л.Е. Ароцкер, который вслед за З.М. Соколовским считал, что «нет нужды оценивать следователю и суду... самую возможность идентификации личности по подписям и цифровым записям. Однако в последнее время в практике судебно-почерковедческой экспертизы встречаются случаи решения экспертом вопросов неидентификационного характера... Научные основы такого исследования только формируются, поэтому оценка общих научных положений неидентификационных исследований на определенном этапе развития почерковедения может считаться вполне закономерной». (3, с. 310). Напомним, что эта точка зрения была высказана Л.Е. Ароцкером в 1971 г., когда неидентификационные исследования — прообраз диагностических — еще только зарождались.

Таким образом, в качестве предмета оценки различные авторы рассматривали научную состоятельность заключения с позиций разной степени общности: основ, если речь идет о несформировавшемся виде исследований, и частные положения, на которых базируется конкретное исследование.

На наш взгляд, научная состоятельность как общих, так и частных научных основ в процессе оценки конкретного заключения эксперта вообще не должна устанавливаться. Субъект оценки просто должен знать возможности конкретного вида экспертизы, определяющиеся научным уровнем разработанности ее теоретических и методических основ. **Предметом** оценки в данном случае следует считать научную состоятельность конкретного заключения, которое должно содержать все данные для этого.

Обращаясь к научным основам судебно-почерковедческой диагностической экспертизы, следует отметить, что со времени позиции, высказанной Л.Е. Ароцкером, прошло уже более 30 лет и за это время фундаментальный базис этого вида исследований значительно пополнился и укрепился. Его основные контуры были представлены в предшествующих главах настоящей работы. Изложенный в них материал, на наш взгляд, свидетельствует о том, что научные основы судебно-почерковедческих диагностических исследований находятся в периоде своего становления. Что же касается частных положений, то их научная состоятельность в каждом виде исследований зависит от уровня проведенных экспериментальных разработок по конкретным направлениям, на основе которых создаются специальные методики для решения определенных диагностических задач.

Таким образом, непосредственным объектом анализа и оценки должны быть положения заключений, отражающие ход и результаты применения методов и методик при производстве конкретной экспертизы. Научная состоятельность методов и методик зависит от уровня разработанности соответствующих общих и частных теоретических и методических научных положений. **Так**, например, научно-методическая состоятельность выводов эксперта о поле и возрасте исполнителя рукописи определяется эффективностью и надежностью соответствующей методики, разработанной применительно к текстам. В отношении подписей аналогичной методики пока нет. Естественно, если рассматривается заключение эксперта о поле и возрасте исполнителя подписи, вопрос о научной состоятельности такого вывода будет уместен.

Объектом анализа в целях оценки достоверности заключения эксперта-почерковеда, решавшего диагностическую задачу (далее — диагностического заключения), как и любого заключения, должен быть весь документ в целом и все составляющие его части: вводная, исследовательская, выводы. Процессуальное законодательство уде-

ляет этому документу особое внимание. УПК, ГПК, АПК содержат нормы, посвященные содержанию заключения эксперта (соответственно ст. 202, 86, 86). Особенно подробно требования к содержанию заключения судебного эксперта рассмотрены в ст. 25 ФЗ о ГСЭД-

Рассмотрим особенности анализа и оценки диагностического заключения применительно к трем его общепринятым частям.

Вводная часть. При ознакомлении с вводной частью заключения важно обратить внимание на сведения об эксперте, которому поручено производство экспертизы, если эти сведения субъекту оценки не были ранее известны. Особенно внимательно к ним следует отнестись, если экспертиза была проведена в негосударственном экспертном учреждении или частным экспертом.

При производстве судебно-почерковедческой экспертизы в государственном судеб но-экспертном учреждении (далее — ГСЭУ) руководитель учреждения отвечает за компетентность эксперта (его подготовку, получение права самостоятельного производства судебно-почерковедческой экспертизы, очередную аттестацию). Соответствующие обязанности и ответственность руководителя ГСЭУ предусмотрены ФЗ о ГСЭД (ст. 14—15). Несмотря на то, что эксперт свободен в выборе методов и методик при производстве экспертизы, в системах ГСЭУ стремятся обеспечить единый методический подход и единые требования к решению типовых экспертных задач. Государственные эксперты используют в основном только те методики и методы исследования, которые прошли специальную апробацию и рекомендованы предметными научно-методическими советами к публикации и внедрению в экспертную практику. Поэтому при ознакомлении со сведениями о государственном эксперте и обращая внимание на стаж экспертной работы по специальности эксперта-почерковеда не следует рассматривать как негативный момент относительно небольшой опыт экспертной работы конкретного лица. В ГСЭУ сравнительно молодые эксперты находятся под контролем опытных, высококвалифицированных специалистов, все эксперты проходят перееаттестацию каждые 5 лет. Подобного обеспечения нет в негосударственных экспертных структурах, где работают в основном специалисты, ранее трудившиеся в ГСЭУ и по каким-либо причинам уволившиеся из них. Какое-то время они сохраняют опыт и знания, приобретенные ранее, однако теоретический и методический уровень разработок постоянно растет, появляются новые более совершенные методы исследования и технические средства, которыми они уже не владеют. Разработка же новых методов и методик осуществляется в основном в ГСЭУ, причем наиболее интенсивно именно в области диагностических исследований. Освоение новых методов, как правило, требует специального обучения, которое негосударственными экспертами не практикуе

ся. В результате квалификация негосударственных экспертов-почерковедов намного уступает квалификации государственных экспертов.

Учитывая сложность судебно-почерковедческой экспертизы и относительную «молодость» диагностических исследований, не стоило бы вообще в судопроизводстве прибегать к услугам негосударственных экспертов для производства этого вида экспертизы, в особенности в случаях необходимости решения диагностических задач.

Знакомясь с заданием эксперту, следует обратить внимание на него в формулировке вопроса, поставленного перед экспертом, лицом или органом, назначившим экспертизу, и формулировке задания, приведенного экспертом во вводной части заключения. **Они** должны быть либо тождественны, либо соответствовать друг другу по объему и содержанию.

В том случае, если решалась диагностическая задача, имеющая полный компонентный состав, необходимо посмотреть, были ли представлены эксперту все необходимые сравнительные материалы и сведения: возбуждалось ли ходатайство о получении конкретных образцов или сведений, было ли оно удовлетворено, и если нет, то почему и как это сказалось на дальнейшем исследовании и выводе эксперта.

Исследовательская часть. В начале исследовательской части заключения указываются те методы и методики, которыми пользовался эксперт, проводя данное исследование, и их литературные источники. Поэтому, анализируя заключение, субъект оценки всегда может обратиться к соответствующим источникам с целью уточнения возможностей, надежности, условий применения того или иного методического средства. При этом следует иметь в виду, что в силу активно развивающегося состояния диагностических исследований, эксперт не всегда имеет возможность использовать завершённые методические разработки, т.е. оформленные и изданные в виде методических пособий, писем, рекомендаций, хотя, как правило, имеет место именно это. Поэтому в диагностических заключениях возможны ссылки на конкретные статьи, содержащие экспериментальные данные, описания результатов наблюдений и обобщения практики. Например, в настоящее время эксперты не располагают методикой установления факта помощи пишущему лицу в виде поддержки или ведения руки со стороны постороннего лица при выполнении записи или подписи. **Тем** не менее в практике такие задачи приходится решать с опорой на данные, опубликованные в отдельных статьях, в том числе и в зарубежных. Сведения о них должны содержаться в диагностическом заключении.

Анализ и оценка достоверности заключения эксперта намного облегчается в случае, если имеется нетрадиционная методика решения диагностической задачи и в исследовательской части описаны ее возможности, условия применения, результаты и указана надежность решения задачи. **Тем** не менее сказанное не означает, что та-

кого рода заключения следует всегда принимать «на веру». Как и всегда, следует проверить полноту и логическую согласованность всех компонентов исследовательской части.

Содержательной и логической структуре заключения эксперта уделялось много внимания в криминалистической литературе (А.Р. Шляхов, А.А. Эйсман, Ю.К. Орлов, А.К. Педенчук и др.) поэтому на ее анализе в общем плане останавливаться нет необходимости. Рассмотрим лишь важный аспект согласованности промежуточного и заключительного синтеза, а также связи заключительного синтеза с выводом в диагностических заключениях с решением задачи об условиях выполнения рукописи.

Промежуточный синтез — суждение эксперта о возможно имевших место необычных условиях, в которых выполнялась исследуемая рукопись. Он обычно предваряет основное исследование и применение определенных методов и методик. Если промежуточный синтез содержит описание определенного ряда альтернатив то его соотношение с заключительным синтезом должно быть строго определенным, а именно:

а) заключительный синтез, как правило, не должен быть по кругу возможных альтернатив больше промежуточного. Он может колебаться от равного промежуточному до сужения альтернатив до одной определенной причины;

б) в заключительном синтезе, как правило, не должны появляться альтернативы, не указанные в промежуточном синтезе, например: в промежуточном синтезе указаны только обстановочные факторы, а в заключительном появились еще — необычное состояние, намеренное изменение и т.п.

Отклонение от этих рекомендаций возможно только при условии обоснования его применением конкретной методики, с помощью которой были выявлены новые, не описанные ранее альтернативы.

Заключительный синтез является непосредственным основанием для принятия экспертного решения. Поэтому в заключительном синтезе и выводе модальность суждения эксперта при объяснении условий выполнения рукописи должна быть одинаковой. Так, если эксперт констатирует наличие определенных условий выполнения рукописи в вероятной форме, вывод по этим условиям не может быть категорическим. Напротив, если однозначно установлено влияние на процесс письма определенных условий (условия) и это отражено в заключительном синтезе, вывод должен быть дан в категорической форме.

В случае обнаружения в процессе анализа и оценки диагностического заключения такого рода несоответствий, необходимо уточнить эти вопросы в процессе допроса эксперта либо его пояснении.

Выводы. При оценке раздела «Выводы» очень важно правильное понимание формулировки выводов эксперта. Как ^{ле было "о"1"133"0} 151

в предшествующем разделе, каждая форма вывода имеет свое значение. Поэтому в отношении каждого вывода необходимо уяснить его содержание и форму, прежде чем оценить его как доказательство.

Соотношение категорических и вероятных выводов, сделанных в результате судеб но-поческоведческих диагностических исследований, такое же, как и при производстве идентификационных исследований. Вопросам содержания и допустимости вероятных выводов в литературе уделялось много внимания (4, 5). Вероятные выводы, полученные в результате диагностических исследований, по своей сущности очень близки к категорическим выводам. Вероятный вывод, полученный в результате применения количественной методики (методов) оценки признаков и их соотношений, имеет определенную меру надежности (как правило, не менее 0,95, при количественном критерии получения категорического вывода, равном 0,99). В случае использования такого рода методик (методов) обычно в выводах указывается степень их надежности. При применении традиционной, качественно-описательной методики вероятный вывод, равно как и категорический, дается на основе «несчитанной» статистики, обретенной опытом. В этом случае соотношение вероятного и категорического выводов при решении диагностических задач такое же.

Выводы в форме возможности по силе уступают вероятным выводам, т.к. констатируют только возможность существования определенного факта, т.е. не отрицают его. Однако данных о мере этой возможности не содержат.

Обычно уяснение содержания и значения простых по структуре выводов трудностей не представляет. Более проблемными представляются анализ и оценка выводов, имеющих сложную структуру. Здесь важно учитывать соблюдение определенного правила, состоящего в том, что в иерархической структуре выводов по степени подтвержденности последующие выводы не могут быть сильнее предыдущих. Например, если экспертом в отношении факта влияния на процесс письма необычных условий был дан вывод в вероятной форме, то вывод, конкретизирующий возможность воздействия «сбивающих» факторов (обстановочные, состояние писавшего и т.п.), не может быть дан в категорической форме. Равно как и при выводе относительно воздействия на процесс письма необычных условий в форме НПВ в отношении конкретных «сбивающих» факторов не может быть ни вероятного, ни категорического вывода. Поэтому обнаружив в выводах эксперта такую несообразность при оценке заключения, необходимо выяснить ее причину.

Важными средствами проверки достоверности заключения эксперта являются: а) сопоставление его с другими данными по делу и рассмотрение его в системе доказательств в целом, б) допрос экс-

перга в уголовном процессе и его пояснения в гражданском и арбитражном процессах, в) консультация специалиста, г) назначение и проведение дополнительной или повторной экспертизы.

Сопоставляя заключение эксперта с другими данными по делу, следователь или судья устанавливают, подтверждаются ли выводы эксперта другими доказательствами и образуют ли все они определенную систему, либо вывод эксперта им противоречит или не подтверждается другими доказательствами. При этом возможна ситуация, когда заключение эксперта недостаточно по силе и в целом система доказательств также недостаточна для подтверждения определенного факта. В подобных случаях необходимо выяснить причину создавшейся ситуации и постараться устранить ее: собрать дополнительные доказательства, допросить эксперта или выслушать его пояснения, получить консультацию специалиста. Если эти средства исчерпаны либо прибегать к ним не имеет смысла, назначить дополнительную либо повторную экспертизу.

Допрос эксперта на стадии предварительного расследования или в суде в уголовном процессе или его пояснения в гражданском суде общей юрисдикции либо арбитражном суде является источником доказательств. В целях проверки достоверности заключения эксперту могут быть заданы самые разнообразные вопросы, относящиеся: а) к профессиональной подготовке эксперта, б) к научно-методическим основам проведенного исследования, в) к интерпретации выводов.

В связи с тем, что в заключении эксперта отдельно не отражается опыт работы эксперта в области судебно-почерковедческих диагностических исследований, ему может быть задан вопрос, проводились ли им ранее исследования данного вида и в каком объеме. В особенности это важно, если речь идет о негосударственном эксперте.

В том случае, если в заключении не указана методика, которой пользовался эксперт, и ее литературный источник, ему стоит задать вопрос о ней, ее возможностях, а также о надежности получаемых с ее помощью выводов. Субъекта доказывания может интересовать, существуют ли другие методики решения подобных задач и почему эксперт использовал именно эту. Если структура выводов эксперта была сложной, ему могут задаваться вопросы о содержании и значении каждого вывода.

К консультации специалиста при оценке заключения эксперта имеет смысл прибегать лишь в тех случаях, если по каким-то объективным причинам невозможно допросить эксперта либо необходимо получить сведения справочного характера. Например, при анализе заключения эксперта у следователя либо судьи возникают трудности в понимании тех или иных положений заключения, допросить же эксперта нельзя (уехал, уволился, тяжело болен и т.п.). Тогда возможно обратиться к специалисту, желательно работнику

ГСЭУ того же профиля. Допустим, при анализе заключения возник вопрос, относится ли методика, использованная экспертом, к числу общепринятых, какова надежность методики и др.

В последние годы в судебной практике имеют место случаи, когда участник процесса (сторона), недовольная заключением эксперта, или ее представитель с целью нейтрализации этого заключения прибегают к таким средствам: а) получению у другого специалиста как бы в порядке консультации рецензии на заключение эксперта, б) получению в частном порядке акта несудебной экспертизы по тем же материалам, в) возбуждению ходатайств перед судом о назначении экспертизы с вопросами оценочного характера относительно полученного заключения эксперта. Подобная практика не способствует объективной оценке судом заключения эксперта и чаще всего негативно влияет на рассмотрение дела. Она обычно используется в целях воздействия на оценку заключения судом в интересах одной стороны и ведет к затягиванию процесса.

Дознаватель, следователь или судья всегда в случае необходимости могут прибегнуть к консультации специалиста, в том числе и по поводу полученного заключения эксперта. Однако рецензии на заключения не имеют статуса подобных консультаций. В ГСЭУ проводится рецензирование заключений экспертов в целях обеспечения должного научного уровня и методического единства производства экспертных исследований. Дача же рецензий на заключения экспертов для участников процесса в функции ГСЭУ не входит. Следовательно, за рецензиями стороны и их представители обращаются в негосударственные экспертные учреждения либо к частнопрактикующим экспертам, которые это делают не безвозмездно. Естественно, заказчику нужен соответствующий продукт, т.е. отрицательная рецензия на заключение. Получая оплату от одной стороны, такой специалист должен дать рецензию в ее пользу, причем никакой ответственности он за это не несет. Если эксперт, давая заключение, предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, то рецензент от этого совершенно свободен. По существу он связан лишь той оплатой, которую он отрабатывает, выполняя заказ на дискредитацию процессуального документа, которым является заключение эксперта, при этом ничем не рискуя. Как показывает практика рассмотрения дел в суде, критические замечания в таких случаях в адрес государственных экспертов-почерковедов в большинстве своем носят надуманный характер и принимать во внимание их при рассмотрении дел в суде просто не следует.

В соответствии со ст.37 **ФЗ о ГСЭД в ГСЭУ** могут проводиться экспертные исследования для юридических и физических лиц на договорной основе. Такие исследования могут быть проведены по поручению сторон и их представителей. **Они** оформляются актом

экспертизы, который представляется в суд, и суду предстоит решить вопрос о приобщении его к материалам дела. Статуса заключения судебного эксперта такой акт не имеет, т.к. суд эту экспертизу не назначал. Тем не менее, акт экспертизы может быть приобщен к делу в качестве письменного или иного доказательства, а для этого суду следует его изучить и оценить по общим правилам оценки доказательств. Если в результате оценки акта экспертизы у суда возникнет сомнение в достоверности ранее полученного заключения судебного эксперта, следует рассмотреть вопрос о назначении повторной экспертизы.

В судебной практике имеют место и такие случаи, когда субъект доказывания пытается переложить бремя оценки заключения одного эксперта на другого. Для этого по ходатайству стороны назначается экспертиза и перед экспертом ставятся вопросы о научном уровне, о методическом обеспечении экспертного исследования, проведенного предшествующим экспертом, например, правильно ли эксперт применил конкретную методику экспертизы, все ли методические средства использовал, достаточно ли было у него сравнительного материала для исследования и дачи заключения, может ли установленная им совокупность признаков служить основанием сделанного вывода и т.п. Такую практику нельзя считать позитивной по следующим основаниям.

Во-первых, оценка заключения как процессуальное действие — исключительная прерогатива субъекта доказывания, а не эксперта. Оценка заключения осуществляется по внутреннему убеждению на основе всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования доказательств. Если оценка перепоручается другому лицу, даже с позиций специальных знаний, принцип непосредственности исследования доказательств нарушается. Кроме того, такое действие со стороны судьи или следователя нарушает и другой принцип оценки доказательств — внутреннее убеждение, т.е. отсутствие заранее установленной силы доказательств. Получается так: для внутреннего убеждения судьи в оценке заключения эксперта его должен убедить другой эксперт. Как в таком случае судья будет оценивать заключение второго эксперта и почему априори ему нужно отдать предпочтение перед первым? Получение оценки второго эксперта нарушает принцип априорной равной силы всех доказательств, т.к. изначально оценочная экспертиза будет превалировать над содержательной (оцениваемой) экспертизой.

Во-вторых, эксперту, отвечающему на оценочные вопросы, надо располагать не только заключением предшествующего эксперта, но и материалами, бывшими в его распоряжении. А это означает, что по существу ему предстоит провести повторное исследование. Так не лучше ли в таком случае просто назначить повторную экспертизу?

В третьих, разрешение оценочных вопросов относительно ранее проведенной экспертизы просто не входит в компетенцию судебного эксперта. Лишь при производстве повторных экспертиз эксперты обязаны изложить в заключении причины расхождения в выводах с предшествующими экспертами, если они имели место, и этим помочь правильной оценке заключения в суде.

У судьи и следователя достаточно процессуальных средств, дающих ему возможность эффективно оценить заключение эксперта: допрос и пояснения эксперта, консультация специалиста, назначение дополнительной или повторной экспертизы.

В соответствии с ФЗ о ГСЭД (ст. 20) и ГПК (ст. 87) дополнительная экспертиза назначается в случаях недостаточной ясности или неполноты ранее полученного заключения. УПК и АПК несколько расширительно трактуют возможности назначения дополнительной экспертизы, предусматривая, кроме отмеченных случаев и возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела (ст. 207 УПК и ст. 87 АПК).

В практике проведения судебно-почерковедческих экспертиз обычно дополнительная экспертиза для устранения отдельных неясностей не назначается. Например, при анализе заключения эксперта-почерковеда, решавшего диагностическую задачу, судья или следователь затрудняются в интерпретации альтернативного вывода, который дан в форме возможности, допустим, «подпись от имени Н. выполнена в необычных условиях, каковыми могут быть: неудобная поза, необычное функциональное состояние и т.п.». У судьи может возникнуть вопрос, подпадает ли под это состояние болезненное состояние, не отмеченное экспертом? Форма альтернативного вывода в сочетании с формой возможности допускает наличие и других не упомянутых условий. Такую неясность вполне можно устранить при допросе или при пояснениях эксперта в суде.

Неполнота исследования, напротив, как правило, требует дополнительного исследования, а значит и чаще всего дополнительной экспертизы. Например, перед экспертом был поставлен вопрос о конкретном круге альтернативных условий выполнения подписи (алкогольное опьянение, подражание, автоподлог), а эксперт провел исследование в отношении алкогольного опьянения и подражания, но умолчал об автоподлоге. Такой пробел должен быть восполнен назначением дополнительной экспертизы.

Типичный случай вынужденной неполноты исследования при производстве судебно-почерковедческой экспертизы — это неполнота исходных данных, а именно — сравнительных материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. При решении судебно-почерковедческих диагностических задач с полным компонентным составом не всегда представляются эксперту все необходимые образцы.

В результате исследование по этой причине может закончиться выводом в вероятной форме или в форме **НПВ**. В дальнейшем необходимые образцы находятся и назначается дополнительная экспертиза, в материалах которой указанная неполнота уже устранена.

Позиция же законодателя, расширительно трактующая возможность назначения дополнительной экспертизы при возникновении новых вопросов относительно ранее исследованных обстоятельств, на наш взгляд, требует уточнения.

Прежде всего, в этих случаях новые вопросы не должны относиться к другому классу или роду (виду) экспертизы. Например, если была проведена судебно-техническая экспертиза документов и установлено, что подпись представляет собой изображение, изготовленное на компьютере, то судеб но-почерковедческая экспертиза, назначаемая с целью установления, кем была выполнена оригинальная подпись для получения этого изображения, будет не дополнительной, а новой.

Далее, новые вопросы должны относиться к той же задаче, которая решалась при производстве предшествующей экспертизы. **Они** должны носить частный характер по отношению к общей задаче. Например, решалась задача об условиях выполнения рукописи с конкретными вариантами альтернатив: состояние сильного волнения (стресс) либо намеренное искажение почерка. После того как эти условия были исключены, возникает версия о выполнении рукописи в состоянии наркотического опьянения и для ее проверки назначается дополнительная экспертиза.

В тех случаях, когда в результате оценки заключения у суда или следователя возникает сомнение в его достоверности, т.е. правильности и обоснованности, может быть назначена повторная экспертиза (ст. 20 ФЗ о ГСЭД). Отраслевое процессуальное законодательство предусматривает следующие основания назначения повторной экспертизы: сомнение в обоснованности заключения эксперта и наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам (ст. 207 УПК, ст. 87 АПК). В ГПК в качестве основания назначения повторной экспертизы предусмотрено сомнение как в обоснованности, так и в правильности заключения, а также противоречия между заключениями нескольких экспертов (п. 2 ст. 87).

В процессе сопоставления выводов эксперта с другими доказательствами по делу, допроса эксперта, анализа и оценки других доказательств у субъекта оценки возникает сомнение именно в правильности экспертных выводов, особенно в ситуации, когда заключение эксперта находится в противоречии с другими доказательствами по делу. Например, имеет место упорное несогласие с результатами экспертизы других участников процесса, наличие других вещественных и письменных доказательств, опровергающих нали-

чие фактов, установленных экспертом и т.п. В таких случаях целесообразно назначение повторной экспертизы.

Сомнение в правильности экспертных выводов обычно сопровождается (или порождает) сомнение в обоснованности. Эти два свойства достоверности заключения эксперта тесно связаны между собой, но не тождественны. Поэтому представляется недостаточным указание в качестве основания назначения повторной экспертизы одной обоснованности и игнорирование правильности экспертных выводов. В этом смысле формулировка оснований назначения повторной экспертизы в ГПК, в основном соответствующая тексту ст.20 ФЗ о ГСЭД, предпочтительнее, нежели редакция статей в УПК и АПК.

Недостаточная обоснованность заключения — понятие емкое и многостороннее. Она может выражаться в отсутствии указаний в заключении использованных экспертом методических средств, пропуске описания некоторых этапов исследования, ограниченном объеме признаков, положенных в основу заключения эксперта и других негативных моментах. Но из этого не следует, что всегда в подобного рода случаях нужно назначать повторную экспертизу. К оценке заключения эксперта, с точки зрения обоснованности, следует подходить с учетом оценки его правильности. Именно исследование заключения с позиции правильности выводов эксперта первично и при отсутствии сомнений в правильности выводов недостаточная обоснованность может быть компенсирована другими процессуальными средствами — допросом эксперта, назначением дополнительной экспертизы.

В практике нередки случаи, когда мелкие погрешности в обоснованности выводов не препятствуют признанию их правильности, например, отсутствие в заключении отдельных ссылок на методическую литературу. Не является свидетельством недостаточной обоснованности заключения эксперта-почерковеда, решающего диагностическую задачу, отсутствие фотоиллюстраций. Отсюда назначать повторную экспертизу имеет смысл тогда, когда возникает сомнение в правильности выводов эксперта, а сомнение в обоснованности его инициирует или подтверждает.

Аналогично следует отнестись к противоречивости отдельных положений и выводов эксперта. Если речь идет, например, о некотором несоответствии друг другу описаний объекта, его отдельных признаков, то такого рода противоречия, если они не касаются существа выводов» могут быть устранены при допросе или пояснениях эксперта. Оценка выводов экспертов-почерковедов, решавших диагностические задачи, очень часто сопутствует оценке идентификационных выводов, сделанных по тому же объекту. Поэтому в процессе оценки диагностических выводов важно выяснить, на-

сколько существенна допущенная экспертом противоречивость с точки зрения достоверности идентификационных выводов и вообще устанавливаемых с помощью экспертизы фактов. Например, в промежуточном синтезе констатирован факт воздействия на процесс письма необычных условий и указан ряд возможных причин, в числе которых отсутствует одна из указанных в заключительном синтезе: в промежуточном синтезе не указана возможность подражания, а в заключительном этот фактор отмечен. В этом случае, несмотря на некоторое несоответствие, при отсутствии сомнения в правильности вывода и обосновании конечного решения, не стоит назначать повторную экспертизу. Достаточно допросить эксперта либо назначить дополнительную экспертизу.

При наличии в деле других документов, содержащих иное мнение по вопросу, решавшемуся судебным экспертом (акт экспертизы, заключение специалиста), и оцениваемых судом по общим правилам оценки доказательств, вопрос о назначении повторной экспертизы должен положительно решаться в случае, если эта противоречивость порождает сомнение в правильности и обоснованности заключения эксперта. Субъект оценки не обязан во всех случаях противоречивости мнений назначать повторную экспертизу. Подобная ситуация актуализирует его право, но не обязанность. Доз-наватель, следователь или суд на основании исследования заключений экспертов и других доказательств может отдать предпочтение одному и отвергнуть другое. Лишь в том случае, когда сомнение вызывает правильность и обоснованность заключения судебного эксперта, решается вопрос о назначении повторной экспертизы.

Производство повторной экспертизы, с одной стороны, служит средством проверки заключения эксперта, проводившего экспертизу до нее, а с другой стороны, заключение экспертов, проводивших повторную экспертизу, становится также объектом исследования, проверки и оценки в системе доказательств. В области судебно-почерковедческой экспертизы повторная экспертиза проводится, как правило, комиссионно.

Список литературы

1. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Вып. 2. М., 1989.
2. Соколовский З.М. Оценка заключений криминалистической экспертизы письма. М., 1959.
3. Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971. Вып. 1.
4. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 6.
5. Орлов Ю.К. Формы выводов в заключении эксперта. М.: ВНИИСЭ, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Предмет теории судебно-почерковедческой диагностики	5
1.1. Определение предмета судебно-почерковедческой диагностики	5
1.2. Задачи теории судебно-почерковедческой диагностики	13
1.3. Место судебно-почерковедческой диагностики в системе судебно-почерковедческих знаний	14
1.4. Методы (методология) развития теории судебно-почерковедческой диагностики	16
1.5. Система теории судебно-почерковедческой диагностики	21
Глава 2. Развитие и современное состояние знаний о судебно- почерковедческой диагностике	24
2.1. Возникновение и развитие знаний о судебно-почерковедческой диагностике в историческом аспекте	24
2.2. Диагностические судебно-почерковедческие исследования в советский период	29
2.3. Диагностические исследования криминалистов в современный (постсоветский) период	40
2.4. Диагностические исследования почерка в медицине	43
2.5. Диагностические исследования почерка в зарубежной криминалистике и медицине	46
Глава 3. Почерк как объект диагностического исследования	67
3.1. Физиологические и психологические предпосылки отражения в почерке свойств личности	67
3.2. Природа избирательной и временной (ситуативной) изменчивости почерка	80
3.3. Диагностические признаки и их систематизация	87
3.4. Информативность диагностического признака	90
Глава 4. Предмет, задачи и виды объектов экспертного судебно- почерковедческого диагностического исследования	99
Глава 5. Методические основы решения судебно-почерковедческих диагностических задач	106
5.1. Структура решения судебно-почерковедческих диагностических задач	106
5.2. Частные методики (методные системы) решения судебно- почерковедческих диагностических задач	122
5.3. Особенности составления заключения эксперта-почерковеда, решающего диагностическую задачу	129
Глава 6. Подготовка материалов при назначении судебно-почерковедческой диагностической экспертизы и особенности оценки заключения эксперта- почерковеда, решающего диагностические задачи	141
6.1. Подготовка материалов для производства судебно-почерковедческой диагностической экспертизы при расследовании преступлений и рассмотрении дел в суде	141
6.2. Особенности оценки заключения эксперта-почерковеда при решении диагностической задачи	146